ОЛЬГА КРЮЧКОВА
ЕЛЕНА КРЮЧКОВА

Фрейлина Нефритовой госпожи

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Юная Оно-но Комати поступает на службу в императорский дворец и становится фрейлиной одной из наложниц. Вскоре она сталкивается с необъяснимым явлением: в предместьях столичного Хэйана появляется загадочный летающий золотой паланкин.

Юная фрейлина выходит замуж за блистательного гвардейца. Однако он погибает во время подавления восстания в одной из отдалённых провинций. Чтобы заглушить боль утраты фрейлина безудержно отдаётся стихосложению. Императрица, Нефритовая госпожа, высоко ценит Оно-но Комати и её творчество. И вскоре девушка становится её фрейлиной. Ей предстоит разгадать тайну Сливового павильона, распутать череду таинственных событий в столичном Хэйане, предотвратить покушение на жизнь императора.

- Ольга Крючкова, Елена Крючкова
  - Персонажи
  - От авторов
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Эпилог
  - Японское деление суток
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50

- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94

- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112

Ольга Крючкова, Елена Крючкова Фрейлина Нефритовой госпожи. Женский историко-мистический роман

Персонажи

Оно-но Комати – главная героиня, поэтесса.

Ёсихара – сын Комати и Куниёси

Мидори – дочь Комати и Сэйки

Каори – старшая сестра Комати

Оно-но Ацутада – муж Каори, служащий Судебного департамента

Ханако – дочь Каори и Ацутады

Оина – наложница Ацутады из эмиси

Оно-но Коисо – отец Ацутады

Оно-но Сумирэ – мать Ацутады

Мунаката – сын Оины и Ацутады

Оно-но Сигэмори – муж Комати

Тайра Куниёси – второй муж Комати

Татибана Охира – служащий Налогового департамента, второй муж Каори

Киёхара Томомори – отец Комати и Каори

Киёхара Токуко – мать Комати и Каори, визитная жена Томомори

Киёхара Хироцугу – двоюродный брат Комати и Каори

Фудзивара Катоко – наложница императора Ниммё из Сливового павильона

Фудзивара Фукутомаро – отец Катоко

Татибана Кэнси – фрейлина Катоко, подруга Комати

Татибана Цубаки – мать Кэнси

Татибана Асатада – отец Кэнси

Татибана Таканобу – дедушка Кэнси

Татибана Нанами – бабушка Кэнси

Ниммё – император Японии

Татибана Катико – мать императора

Фудзивара Дзюнси – императрица, жена императора Ниммё, дочь Фудзивары Фуюцугу, мать наследного принца Митиясу, Нефритовая госпожа

Фудзивара Фуюцугу – отец Дзюнси, левый министр императора Ниммё

Фудзивара Акиракейко – жена императора Монтоку (принца Митиясу)

Ки-но Танэко – наложница императора Ниммё, дочь Ки-но Натора и сестра наложницы принца Митиясу, Ки-но Сизуко

Принц Цунеясу – сын императора Ниммё и Ки-но Танэко

Татибана Кагэко – наложница императора Ниммё, дочь Удзикими, сестра Тюси и Фусако

Сигэно Цунако – наложница императора Ниммё

Принц Мотоясу – сын императора Ниммё и Сигэно Цунако

Принц Митиясу – сын императора Ниммё и Фудзивары Дзюнси, будущий император Монтоку

Принц Корэхито – сын Акиракейко и Митиясу

Фудзивара Фуруко – наложница принца Митиясу

Фудзивара Такакико – наложница принца Митиясу, дочь Фудзивары Ёсими

Татибана Удзикими – правый министр при императоре Ниммё.

Татибана Фусако – дочь Удзикими, наложница принца Митиясу, сестра Тюси и Кагэко.

Татибана Тюси – дочь Удзикими, наложница принца Митиясу, сестра Фусако и Кагэко.

Ки-но Сизуко – наложница принца Митиясу, дочь Ки-но Натора

Принц Корэтака – сын принца Митиясу и Ки-но Сизуко

Томо Саяка – наложница принца Митиясу, придворная дама

Минамото Ёсиари – сын Томо Саяки и принца Митиясу

Принц Куниясу – сын императора Ниммё и Фудзивары Катоко

Микуни Норико – наложница императора Ниммё, умерла вскоре после прибытия Катоко ко двору

Фудзивара Такуси – наложница императора Ниммё

Принцы Мунеясу, Токиясу, Санеясу и принцесса Синси – дети императора Ниммё и Фудзивары Такуси

Фудзивара Фусацугу – отец Такуси, министр двора

Фудзивара Коун – двоюродный брат Фусацугу, заведующий парфюмерной мастерской при дворе

Фудзивара Мураяма – родственник госпожи Дзюнси, заведующий косметической мастерской при дворе

Минамото Токива – правый министр при императоре Ниммё

Тадамори Накатоми – каннуси

Абэ-но Кэйтиро – оммёдзи, служащий департамента Оммё-рё, дядя Сэйки

Абэ-но Сэйки – оммёдзи, племянник Кэйтиро

Абэ-но Фудзита – отец Сэйки

Аракава, Такамура – оммёдзи, друзья Сэйки

Фудзивара Окада – глава департамента Оммё-рё

Татибана Ясима – оммёдзи, служащий департамента Оммё-рё

Кисэки – демон

Аривара-но Нарихира – поэт и художник, принц по происхождению. Сын принца Або и принцессы Ито, младший брат Аривара-но Юкихиры

Аривара-но Юкихира – поэт, старший брат Аривара-но

Нарихира

От авторов

Оно-но Комати (ок.822–825 – ок.900) – японская поэтесса периода Хэйан, одна из шести мастеров жанра вака[1], причислена к Шести бессмертным, Роккасэн (шесть японских поэтов-гениев, творивших в жанре вака в IX в.) Автор любовной лирики.

Также имя Оно-но Комати, входит в число Тридцати шести бессмертных – классического канона японской средневековой поэзии.

К сожалению, о жизни поэтессы в настоящее время имеются скудные сведения. Не известны ни её настоящее имя, ни точные годы жизни, ни достоверное место рождения и смерти, ни имена её родителей.

По некоторым предположениям, она родилась в префектуре Акита, а её отец был правителем северной провинции Дэва. Возможно, Комати служила при дворе императора Ниммё.

История её жизни полнится многочисленными легендами. Считается, что она славилась "небесной красотой" и жестокостью по отношению к своим поклонникам.

Известна история, когда-то молодой придворный по имени Фукакуса полюбил прекрасную поэтессу и открыл ей свои чувства. Но Комати поставила ему жестокое условие: на протяжении ста ночей поклонник должен приходить к её дому и ночевать на пороге.

Влюблённый придворный, вдохновённый вниманием несравненной красавицы, решил доказать силу своих чувств и посещал её, согласно условиям, каждый вечер. Он пребывал на пороге дома поэтессы даже в дождь и бурю. Но в последнюю, девяносто девятую, ночь он замёрз и скоропостижно умер.

Существует поверье, что образ юноши преследовал Комати даже в глубокой старости, до конца её дней.

Ещё одна история повествует, как один из снедаемых завистью придворных стихотворцев, решил обвинить Оно-но Комати в плагиате. Ночью он тайно выкрал у неё только что написанное стихотворение. Завистник вписал его в древнее поэтическое собрание, и утром объявил, будто бы Комати не пишет стихи самостоятельно, а ворует их у древних авторов.

Среди собравшихся придворных пронеслась волна недовольства. Но поэтесса лишь рассмеялась, и, намочив пальцы водой, брызнула на страницы древней книги.

Стихи, написанные давно, не пострадали. Но со строк, вписанных накануне завистливым поэтом, потекла чёрная тушь…

[2]

Позже, поэтесса стала героиней нескольких театральных драм, повествующих о её старости. Многие художники разных эпох любили изображать поэтессу отнюдь не обворожительной красавицей, а сморщенной старухой.

Комати сравнивали с легендарной принцессой Сотоори. Кино Цураюки[3] говорил о ней: «Оно-но Комати сродни древней принцессе Сотоори. Её песни полны очарования, но в них нет силы. Это похоже на то, как если бы прекрасная женщина была снедаема печалью».

Сегодня насчитывается около 117 стихотворения Оно-но Комати, но авторство многих из них не доказано. Её стихотворения вошли во многие поэтические сборники Японии.

Имя Оно-но Комати в японском языке стало нарицательным для красавицы.

В книге, как в художественном произведении, изложена авторская версия жизни поэтессы, дополненная богатым художественным вымыслом. В произведении по-другому трактуется легенда о ста ночах, и многие другие события.

Глава 1

Второй год правления императора Ниммё[4], Хэйан.

Золотистые лучи утреннего весеннего солнца мягким светом озаряли город. Он назывался Хэйан[5] или Хэйан-кё, Столица мира и спокойствия. Известный также как «Мияко», что означает «Столица».

Столица японского государства был построен по образцу "сетчатой" застройки китайской столицы Чанъань[6]. Хэйан представлял из себя прямоугольник, окружённый земляным рвом.

Улицы располагались ровными рядами, деля город, словно, прямыми линиями на китайской бумаге. На первых линиях, в северо-восточном районе города, поближе ко дворцу микадо[7] располагались дома придворной аристократии. Они раскинулись между Первой и Второй линией, где улицы Цутимикадо, Коноэ, Накамикадо и Оимикадо пересекались с магистралями Хигаси-но Тоин, Ниси-но Тоин и Хорикава. Ещё с того далёкого дня, как была основана столица, сюда начали перебираться из провинций представители высшей знати. Ибо владение домом в Хэйане повышало их статус. Стоимость таких усадеб доходило до баснословных цен. Каждый аристократ, будь то столичный или провинциальный мечтал обзавестись родовым гнездом как можно ближе к императорскому дворцу. И многим это удавалось. Словом, Первую и Вторую линию населяли те сановники, аристократы или толстосумы, жизнь которых буквально удалась.

Начиная с Третьей линии и далее стоились дома более скромных чиновников и обитателей Хэйана.

…Усадьбы аристократов в Хэйане занимали огромные площади. Их просторные сады специально планировались так, чтобы в любое из времён года можно было найти живописный уголок для любования природой. Некоторые хозяева размещали в своих садах миниатюрные скалы или и вовсе устраивали во владениях ручьи, заводи с золотыми рыбками, и перекидывали через них изящные изогнутые мостики. Подле заводей хозяева возводили изящные павильоны для отдыха и рыбной ловли. Часто на поверхности воды колыхались бело-розовые лотосы. Порой неподалёку от воды виднелись семейные кумирни…

А последователи обретающего в последнее время всё большую популярность буддизма, размещали в садах каменные изваяния Будды, подле которых возносили молитвы и предавались медитации.

…Та придворная знать, что занимала земельные участки на севере столицы и вовсе сооружала богатые дворцовые ансамбли в стиле синдэн-дзукури. Он являл собой новомодное направление, пришедшее из Китая. Главное здание, синдэн, располагалась в центре участка. По бокам и позади него возводились вспомогательные постройки, которые соединялись между собой крытыми галереями. Примечательно, что от восточного и западного вспомогательных помещений шла крытая галерея на юг. Таким образом, получался замкнутый двор с садом и, зачастую, с павильонами.

Павильоны красили в красный цвет, а многие архитектурные элементы изготавливались из золота, лишний раз подчёркивая, состоятельность хозяина. Деревянные же части покрывали тонкой резьбой.

В восточной и западной частях города раскинулись два рынка, на которых горожане могли приобрести самые различные товары. В южной части столицы возвышались два храма. Остальные же религиозные сооружения находились за пределами города.

Весна приближалась к концу, стояла тёплая погода. В час Зайца[8] город постепенно просыпался. По улицам начинали деловито семенить чиновники с крайне сосредоточенными лицами – им предстоял насыщенный день. Они стекались к многочисленным департаментам, расположенным на территории императорского дворца.

Купцы открывали свои лавки и проверяли: насколько привлекательно разложены товары. И чего только не было на прилавках в Хэйане! И отрезы шёлка, и украшения, и различные предметы роскоши, привезённые из Китая.

Прислуга из домов с первых линий, расположенных поблизости от дворца императора, с утра пораньше спешила за необходимыми покупками. К тому же, где почернеешь последние новости, как не на рынке?!

В самом же императорском дворце с рассвета уже вовсю кипела жизнь. Многочисленные фрейлины Яшмовой госпожи[9] Катико[10], императрицы и императорских наложниц, пробудившись в час Зайца, спешили привести себя в порядок, дабы приступить к своим ежедневным обязанностям.

Комати поднялась со своего скромного ложа, извлекла из сундука (стоявшего в числе множества сундуков младших фрейлин) чистые кимоно, и приступила к тщательному утреннему туалету.

На сей раз она выбрала: нижнее белое хлопковое кимоно, затем розовое, и в качестве верхнего – малиновое кимоно,

расшитое лиловыми цветами. Завершал наряд лимонно-жёлтый пояс с искусными персиковыми узорами. Свои длинные чёрные волосы Комати убрала в хвост и украсила заколкой с янтарём.

…Родители Комати, Киёхара Томомори и его визитная жена Киёхара Токуко, покинули сей мир, когда она была ещё ребёнком. Токуко, мать девушки умерла родами, а отец скончался пять лет спустя от оспы. Незадолго до болезни, он смог устроить судьбу своей старшей дочери, Каори, которой на тот момент минуло четырнадцать лет, пристроив её младшей фрейлиной ко двору самой императрицы и удачно выдав замуж за служащего Судебного департамента, Оно-но Ацутада из рода Оно. Через несколько лет брака у них родилась дочь Ханако.

После смерти Томомори, Каори и Ацутада официально удочерили маленькую осиротевшую Комати, воспитали и дали хорошее образование[11].

Комати хорошо владела женским быстрым письмом, счётом, прочитала различные литературные труды и даже овладела китайской каллиграфией. Девочка рано начала слагать стихи, поражая сестру и её супруга, своими литературными способностями.

Когда Комати исполнилось двенадцать лет, и официально она стала считаться совершеннолетней, Каори начала задумываться о будущем сестры. После некоторых размышлений, она решила подождать ещё год, пока девочка не станет немного постарше, после чего устроить её на службу во дворце. Ибо Каори сама когда-то служила фрейлиной и ещё сохранила полезные связи.

Едва Комати минуло тринадцать, как юная особа стала младшей фрейлиной наложницы императора Ниммё[12], госпожи Фудзивары Катоко[13] из Сливового павильона, дочери высокопоставленного служащего Фудзивары Фукутомаро. И вот уже несколько месяцев она пребывала в услужении госпожи.

Нельзя сказать, чтобы служба доставляла девушке удовольствие. Самым приятным, на её взгляд было получение жалования, остальное же несло в себе лишь одни хлопоты и неудобства. И главное из них заключалось в том, что приходилось делить покои с многочисленными придворными дамами. Ибо отдельные комнаты выделялись лишь замужним фрейлинам, к коим Комати пока не относилась. Иногда, в качестве исключения, императрица или мать микадо могли пожаловать отдельные покои своей фаворитке. Но подобное случалось нечасто…

В мыслях юной фрейлине зачастую очень хотелось покинуть службу, но она не осмеливалась разочаровать любимую старшую сестру Каори. Посему, продолжала терпеть многочисленные

неудобства…

…Не удержавшись, Комати зевнула. Её одолевало желание вернуться на тёплый футон[14] и ещё хоть немного поспать. Ибо заснула она лишь под утро – одна из соседок по комнате, спящая, как раз рядом с Комати, всю ночь храпела. Больше всего девушку поразило, что другие фрейлины никоим образом не реагируют на храп. Неужели привыкли к подобному, или же спали столь крепко?

"Как же мне надоело слушать всех этих дам!" – недовольно подумала юная фрейлина, аккуратно нанося макияж подле небольшого зеркальца, дабы скрыть мешки под глазами, появившиеся от хронического недосыпа.

В такие минуты, она завидовала замужним фрейлинам, у которых имелись, хоть крохотные размером в два татами, но отдельные покои. Им не приходилось слушать храп и сопение сразу десяти женщин! Впрочем, особым желанием выходить замуж или становится визитной женой, Комати пока не хотела. Ибо, несмотря на свой юный возраст, за короткий срок службы при дворе, успела вдоволь наслушаться про неверность и непостоянство супругов.

К тому же, не так давно произошел случай: один из сановников, в три раза старше девушки, предлагал стать его визитной женой. Комати вежливо, но решительно ответила отказом. Сановник опечалился, впрочем ненадолго. И вскоре послал такое же предложение другой молоденькой фрейлине, которая согласилась. Комати про себя решила, что поступила верно, отвергнув его.

…Закончив накладывать макияж, девушка отложила зеркальце. Итак, её утренний туалет был завершён: белила скрыли следы недосыпа, румяна придали лицу живой вид.

С трудом подавив очередной зевок, младшая фрейлина покинула комнату вслед за другими дамами. Они направлялись в покои госпожи Катоко, дабы поприветствовать свою повелительницу и получить от неё дальнейшие распоряжения. Утренним туалетом наложницы заведовала старшая фрейлина и несколько доверенных служанок.

Комати шла позади всех, рядом со своей подругой, также младшей фрейлиной, Кэнси.

Кэнси происходила из рода Татибана, из его обедневшей ветви. Недавно юной особе минуло четырнадцать лет. Будучи примерно одного возраста, юные прелестницы быстро подружились, и зачастую делились друг с другом последними дворцовыми новостями или едкими замечаниями по поводу нарядов придворных дам и сановников.

Юная Татибана была облачённая в ярко-алое нижнее кимоно, затем персиковое, и верхнее розовое, расшитое светлыми узорами. Белый пояс украшала золотистая вышивка с цветочными мотивами. Волосы фрейлина убрала в высокий хвост, и украсила розовой лентой, в тон верхнего кимоно.

– А ты слышала новости? – вдруг шепнула девушка на ухо подруге.

– Какие? – в изумлении воззрилась на неё Комати.

Представительница рода Татибана всегда создавала впечатление девушки спокойной и хорошо воспитанной. Но порой её глаза выражали хитрость, присущую лисице-оборотню. Комати прекрасно знала, что это значит: Кэнси узнала нечто поистине интересное.

– Надеюсь, сведения не представляют опасности? – встрепенулась фрейлина, чьё богатое воображение тотчас нарисовало, как её подруга стала свидетельницей некоего страшного заговора или чьей-нибудь запретной любовной связи.

– Нет, не стоит волноваться, – отрицательно покачала головой Кэнси. Тут её глаза стали ещё хитрее, и она заговорчески понизив голос, едва слышно с придыханием произнесла: – Это история о призраке красавицы…

Комати почувствовала, как по позвоночнику пробежал неприятный холодок. Она так не любила истории о призраках и духах! Они всегда повергали девушку в страх! В отличие от подруги, которая подобные истории просто обожала.

– Что? Призрак красавицы здесь? Во дворце? – стараясь не показывать испуга, спросила она.

Кэнси хотела ответить, но дамы как раз достигли покоев госпожи Катоко.

– Расскажу позже, – шепнула та.

Комати вновь ощутила неприятный холодок, пробежавшийся по спине…

* * *

Чуть позже, в час Дракона, все фрейлины (а их было пятеро) наложницы императора Фудзивары Катоко пребывали в покоях своей госпожи.

Пятнадцатилетняя Катоко как всегда выглядела безупречно: облачённая в дорогие кимоно персиково-жёлтых тонов, начиная от светлого нижнего и заканчивая гораздо более тёмным верхним, расшитым весенними цветами. Её длинные чёрные волосы были распущены и ниспадали вниз шёлковым водопадом.

В последнее время госпожа всё чаще скучала и печалилась, хоть император и благоволил к ней и даже наделил собственным двором (выделил фрейлин). За тот год, что она была наложницей, ей так и не удалось понести ребёнка. Посему, Катоко в последнее время пребывала в тяжких думах, боясь, что её положение может пошатнуться.

Дабы развеять тоску и избавить от печальных мыслей госпожу, старшая фрейлина из рода Фудзивара отдала приказ своим подчинённым: по очереди сложить стихотворение или же поведать интересную историю.

Придворные дамы, каждая в меру своих способностей пытались блеснуть стихосложением, или же в качестве рассказчицы увлекательной истории. Вскоре очередь дошла и до Комати.

Юная фрейлина на мгновение задумалась, и в голове у неё зародились следующие строки:

– Тот ветер, что подул сегодня,
Так не похож на ветер прошлых дней
Далёкой осени, —
Он много холодней,
И вот на рукавах уже дрожат росинки[15].

Госпожа Катоко, заслушав стихотворение, милостиво улыбнулась:

– У тебя редкие поэтические способности, Комати. Я заметила это сразу, как только ты появилась при дворе.

– Благодарю, госпожа… – девушка немного смутилась, услышав похвалу.

Тем временем, подошла очередь её подруги Кэнси.

– Госпожа Катоко, позвольте поведать вам одну историю, о которой сейчас многие судачат в Хэйане, – вежливо поклонилась она.

Наложница кивнула.

– Судачат в столице?! Отчего же я в неведении? – удивилась наложница.

Получив одобрение, Кэнси украдкой бросила взгляд на Комати. Юная фрейлина поняла: сейчас её подруга поведает всем ту самую новость, которую не успела рассказать ей!

А Кэнси тем временем уже начала свой рассказ:

– Говорят, что недавно, недалеко от Хэйана, по направлению от Второй улицы к реке Кацура, путники обнаружили богатый женский паланкин без окон, прямо посреди дороги. Он богато украшен золотом и выглядел необычно, посему простые путники

побоялись в него заглянуть. И в скором времени, вокруг странного паланкина собралась целая толпа.

Вдруг одна из стен паланкина немыслимым образом раздвинулась, и люди увидели внутри молодую и красивую женщину. У неё были длинные чёрные волосы, перевязанные золотыми нитями, а её необычные одежды сверкали серебром. Голову таинственной женщины украшал прозрачный шарф из тончайшего шёлка. Перед женщиной стоял таинственный лакированный ларец, украшенный золотом, серебром и хрусталём.

Один смельчак осмелился спросить у неё:

– Госпожа, кто вы? И как вы очутились одна, без сопровождения, в таком месте? Поведайте нам, и мы тотчас доставим вас, куда вы прикажете! – почтительно спросил он.

Но таинственная красавица безмолвствовала и неподвижно сидела в паланкине. Посему, постепенно, толпа зевак рассеялась.

Ушёл с ними и смельчак, говоривший с женщиной. Но он никак не мог успокоиться:

– Богатая женщина – одна посреди дороги! Без слуг и свиты! Это неслыханно! На неё же могут напасть волки или разбойники! Всё же надо перенести её паланкин в город, и обязательно обо всём доложить начальнику стражи!

Другие путники согласились со смельчаком и решили вернуться к паланкину, дабы перенести таинственную женщину в Хэйан.

Но вот, что удивительно! Вернувшись назад, они не обнаружили паланкина, ибо он исчез! Загадочным образом, он перенёсся к постоялому двору на окраине города, на Третью улицу[16].

В течении всей ночи паланкин продолжал стоять подле постоялого двора. Наконец, под утро подвыпившие постояльцы начали проявлять к нему интерес. Пьяненький богатый торговец приблизился к нему. Как и в прошлый раз, одна из стен паланкина немыслимым образом раздвинулась, и взору торговца предстала красавица. Он сильно удивился, но женщина продолжала вести себя спокойно и хранила молчание.

– Госпожа, прошу вас присоединиться к нашей трапезе, – пригласил торговец прекрасную незнакомку. – Мне очень жаль, что вы одна, без сопровождения.

Он протянул руку, дабы помочь женщине покинуть паланкин, как вдруг из её тела появились извивающиеся ядовитые змеи. Торговец в страхе отпрянул. А стена паланкина моментально захлопнулась.

Торговец и его товарищи потеряли дар речи от страха. От

хмеля в их головах не осталось и следа. Они поспешили прочь, дабы скрыться в стенах постоялого двора.

На утро паланкин вновь исчез. Но люди говорят, что видят его то там, то здесь в окрестностях Хэйана. Считают, что это дух одной красавицы, умершей давным-давно, не может обрести покой и скитается по предместьям столицы…

…Катоко внимательно выслушала историю Кэнси. Скучающей наложнице повествование показалось весьма занимательным.

– Как интересно! – воскликнула она. – Во дворце почти не говорят об этом! Я даже и предположить не могла, что в предместьях Хэйана происходит нечто настолько удивительное! – Катоко сделала небольшую паузу и на несколько мгновений задумалась: – Кэнси, поручаю тебе и Комати сегодня же отправиться за пределы дворца, и разузнать об этом таинственном событии как можно больше. По возвращении расскажете мне все подробности.

Фрейлины переглянулись. Комати выглядела немного растерянной, а Кэнси напротив, казалось, предстоящая прогулка заинтриговала.

– Как прикажете, госпожа… – ответили девушки.

* * *

Решив не откладывать дело в долгий ящик, Кэнси и Комати, едва получив приказ Катоко, начали собираться в путь. Они облачались в простые, неброские кимоно, а волосы завязали обычными лентами, дабы не привлекать лишнего внимания. В таком виде, больше походя на служанок, нежели на фрейлин, в начале часа Змеи, девушки беспрепятственно покинули дворец.

– И как нам искать этот странный паланкин? – ворчала Комати, следуя за подругой по Второй улице Хэйана. – Он что, сам появится у нас перед глазами?

– Может и появится, – невозмутимо ответила Татибана, предвкушая встречу с таинственной сущностью из другого мира.

Глаза её горели живым интересом. Как же ей хотелось воочию узреть тот самый паланкин, о котором столько судачили! Комати страсти подруги не разделяла, с трудом стараясь не выказывать своего страха.

"Госпожа Катоко целыми днями томится от скуки, не зная, чем бы ей заняться, – недовольно подумала девушка. – Посему и придумывает всякие несусветные глупости, как сейчас! Да и Кэнси тоже хороша: кто её за язык тянул? Неужто промолчать не могла? Рассказала бы эту историю мне по секрету…"

Сама же представительница рода Татибана тем временем размышляла вслух:

– Правда, а где же нам искать ту красавицу в паланкине?

– Может, нам стоит направиться к тому постоялому двору, куда она перенеслась несколько дней назад? Или к тому месту, где её видели впервые? – предложила Комати.

Кэнси кивнула, согласившись с подругой. Недолго посовещавшись, они решили отправиться к постоялому двору на Третьей линии, ибо идти до него было недалеко. Но, увы, прибыв в место назначения, фрейлины не обнаружили ровным счётом ничего интересного, кроме постояльцев, продолжавших рассказывать друг другу и без того известную девушкам историю.

Тогда фрейлины отправились за пределы города, в предместье по направлению к реке Кацура. Достигнув к часу Лошади цели, они сразу заметили толпу зевак. Фрейлины поняли: интуиция их не подвела, они двигались в нужном направлении. Наверняка, здесь что-то происходит. Уж не ради ли таинственного паланкина столпились все эти люди?

Вдруг мимо них, словно вихрь пронеслось двое мальчишек лет семи-восьми.

– Говорят, там опять призрак красавицы в паланкине появился! Скорее бежим смотреть! – крикнул мальчишка постарше своему другу.

– Бегу! Бегу! – с готовностью отозвался второй.

Комати и Кэнси переглянулись, и вслед за мальчишками поспешили пополнить ряды изумлённой публики.

Вскоре их взору предстал необычной формы украшенный золотом паланкин без окон. Одна стена его была раздвинута, словно сёдзи[17], а внутри виднелась молодая женщина, выглядевшая точно так же, как и рассказывала ранее Кэнси.

Лицо незнакомки выражало спокойствие и умиротворение, она безмолвствовала. Но люди всё равно боялись подходить близко, стараясь держаться на безопасном расстоянии от паланкина.

Вдруг, откуда не возьмись, в небе появился огненный шар, стремительно приближавшийся к земле.

– О боги, что это? Милостивая Аматерасу, спаси нас! – испуганно засуетились люди, бросаясь в рассыпную.

Особо любопытные горожане ринулись за близлежащие камни, и, притаившись за ними, продолжили наблюдать за необычным явлением. В их числе были и юные фрейлины. Они спрятались за густым раскидистым кустарником, вместе с теми самыми мальчишками, которые бежали поглядеть на паланкин.

Огненный шар приблизился к земле и завис в воздухе. Дети

оцепенели, разинув рты и округлив глаза от изумления. Даже Кэнси, всегда обожавшая истории о призраках и сверхъестественном, не на шутку перепугалась.

– Помогу нам Аматерасу… Что же происходит?.. – Татибана испуганно схватила подругу за руку.

Комати лишь пожала плечами. Откуда ей знать? Она понятия не имела: откуда взялся огненный шар, зависший над золотым паланкином. Может, это боги послали его…

Комати цепким взором вперилась в шар. И неожиданно поняла, что более не испытывает страха. Напротив, её снедало любопытство: что же будет дальше?

А дальше произошло следующее: огненный шар опустился на землю рядом с паланкином. Красавица, сидевшая внутри него радостно улыбнулась, и что-то вскрикнула. Но, увы, её слов никто не расслышал.

Стена паланкина закрылась. Затем, из огненного шара показалась длинная металлическая рука. Она подхватила паланкин, и он скрылся в бездне, образовавшейся в огненном сгустке. После чего бездна закрылась…

Ещё некоторое время таинственный шар оставался на земле. Но вскоре, издав странный звук, словно одновременно возопили множество труб, поднялся в воздух, и так же стремительно, как прилетел, скрылся в облаках.

Немногочисленные изумлённые зрители начали робко вылезать из своих убежищ. Их лица выражала полную растерянность. Вскоре место происшествия опустело.

Юные фрейлины спешно направившись обратно во дворец, в Сливовый павильон, к госпоже Катоко, дабы поведать ей из первых уст о таинственном происшествии.

Позже подруги рассказали наложнице о своих приключениях во всех подробностях. Катоко с интересом выслушала их, решив:

– Если красавица из золотого паланкина радостно улыбнулась, значит, её душа обрела покой…

Комати и Кэнси не преминули согласиться. С той поры таинственного паланкина в окрестностях Хэйана больше никто не видел…

Глава 2

Четвёртый год правления императора Ниммё, Хэйан[18].

Стояло начало весны. Прошло два года с тех пор, как Комати служила при дворе. За прошедшее время не произошло никаких значимых событий, и дворцовая жизнь продолжала неторопливо течь своим чередом.

Единственное, что несколько омрачало жизнь госпожи Катоко и её фрейлин – неспособность понести ребёнка. Однако, юную Комати это обстоятельство не сильно тревожило. Она относилась к своему статусу фрейлины с философской точки зрения, мысленно рассудив, что на всё воля богов. Коли им угодно, чтобы она продолжала служить при дворе госпоже Катоко, а она в свою очередь останется наложницей микадо, так оно и будет. А уж коли нет, то ничего не поделаешь. Ибо, история знала случаи, когда наложницы, родившие нескольких сыновей, порой впадали в немилость императора и отлучались от его ложа.

…Покуда Сливовый павильон жил своим тесным мирком и время, казалось, течёт в нём неторопливо, в одном из домов на Первой линии кипели нешуточные страсти.

Один из принцев, юный Нарихира[19], недавно справил своё двенадцатилетние. На следующий год мальчик полностью вступал во взрослую жизнь, став совершеннолетним. Однако, он сильно сомневался, что его ждёт блестящее будущее… Ибо, как и его братья (в том числе и старший Юкихира[20], с которым юноша был очень близок), он недавно получил ранг придворного и фамилию Аривара. Таким образом, все они лишались статуса принцев…

И это, невзирая на то, что они приходились сыновьями принцу Або и принцессе Ито, дочери императора Камму[21]!

…Когда Нарихира узнал о решении нынешнего правителя, его возмущение не знало границ! Ибо, несмотря на юный возраст, он прекрасно понимал все последствия!

Несомненно, император Ниммё подобным образом уменьшает число законных конкурентов на трон. Но что может поделать двенадцатилетний мальчишка против приказа микадо? Лишь смирено принять уготованную ему участь…

Посему, едва лишившись статуса принцев, он вместе с братьями, начали собирать вещи, дабы покинуть дворец и окончательно перебраться в свой дом на Первой линии. Разумеется, их имущество не стали конфисковывать, и даже

сохранили их нынешние придворные служебные чины, дабы не вызывать лишнего недовольства и лишних пересудов среди придворных.

Прошло несколько месяцев, как новоиспеченные Аривара жили за пределами дворца, продолжая исправно посещать службу.

Братья, в отличие от Нарихиры приняли своё новое положение менее болезненно. Мальчик понимал: повседневные заботы и дворцовая служба отвлекали братьев от мрачных мыслей. И поэтому переход от положения принцев в ранг придворных они приняли практически безропотно. Однако Нарихира не мог в душе смириться с решением микадо и тяжело переживал свой новый статус.

Любимый старший брат мальчика, Юкихира, и вовсе, казалось, никогда особо и не переживал по этому поводу, ибо служил министром земледелия. А в последнее время, мужчина и вовсе питал слабую надежду, что его могут назначить губернатором трёх небольших провинций Харима[22], Бидзэн[23] и Биттю[24] или же Синано[25].

…Нарихире не нравилось воодушевление брата по сему поводу. Ведь эти земли так далеко! А письма не доходят за несколько часов! Как же они будут поддерживать связь?

Но Юкихира, твёрдо нацеленный на продвижение по службе, считал это прекрасной возможностью. И каждый вечер молился древним богам в небольшом святилище, дабы они ниспослали ему успех. Пока что, божества молчали, но мужчина не отчаивался раньше времени…

…В тот день, юный Нарихира, терзался дурными предчувствиями. Дабы отвлечься, утром он попробовал сложить стихотворение. Но слова упорно не шли из-под кисти, ничего путного не выходило. Недовольный плодом своего творчества, мальчик в раздражении скомкал тонкую рисовую бумагу и забросил её в дальний угол комнаты.

Обычно, у Нарихиры легко складывались поэтические строки. Регулярно посвящать время занятиям стихосложением он начал год назад. К этому мальчика побудило знакомство с творчеством придворной фрейлины Оно-но Комати.

Нарихира воспылал к её творчеству, и некоторое время спустя ему удалось увидеть фрейлину. Встреча была буквально мимолетной. Придирчивому мальчику, девушка показалась симпатичной, но, увы, заурядной. Вряд ли бы он смог назвать её выдающейся красавицей.

Но её стихотворения настолько вдохновили Нарихиру, что он решил приложить максимум усилий, чтобы стать известным

столичным поэтом! И принялся слагать стихи, дабы отточить своё мастерство. Никто из родных, не мог понять причин, по которым мальчик столь резко воспылал любовью к стихосложению. Он же смущался поведать о вдохновившем его творчестве юной фрейлины. Нарихира своей рукой записал многие произведения Комати. Иные, особо дорогие его сердцу свитки, мальчик хранил в старинной лакированной шкатулке.

Нарихира сидел на татами в крытой северной галерее. Перед ним стоял небольшой столик с листом рисовой бумаги и тушечницей. Мальчик обмакнул перо в чернила и попытался написать первую строфу… Но, увы, безуспешно. Вдохновения не было.

Промучившись так с полдзиккена[26], Нарихира решил прогуляться по саду. Вскоре о расположился в беседке недалеко от пруда, в котором плескались разноцветные рыбки. Мальчик любил смотреть на них в часы досуга. Но сейчас его томило дурное предчувствие…

* * *

Вечером, в час Петуха, вернулся со службы Юкихира. Мужчина пребывал в смятении, лицо его выражало растерянность и глубокую печаль.

Нарихира за ужином заметил сложное душевное состояние старшего брата.

Чуть позже, когда тот насытился и отдохнул, Нарихира не преминул поинтересоваться:

– Что-то стряслось, дорогой брат? Ты сам не свой…

– Это сложно объяснить… – задумчиво ответил министр земледелия. И воскликнул: – Воистину, воля богов удивительна!

Младший брат настороженно воззрился на него. Юкихира же, тем временем, пояснил:

– Пожалуй, лучше, поведать обо всём по порядку…

Нарихира кивнул и поудобнее расположился на татами, намереваясь выслушать рассказ брата. Министр земледелия глубоко вздохнул…

– Не так давно, я воспылал чувствами к одной из юных фрейлин наложницы микадо, госпожи Катоко, её имя Оно-но Комати…

При упоминании о вдохновившей его даме, Нарихира невольно округлил глаза. Старший брат, не обратив на это внимание, продолжал:

– Вчера, как и подобает в подобных случаях, я послал ей

письмо со стихотворением и признанием в любви. Она вежливо ответила слуге, передавшему послание, что должна подумать… И, увы, сегодняшним утром, я получил вежливый отказ в изящной стихотворной форме…

Юкихира вздохнул и понурил голову. Но после небольшой паузы заговорил вновь:

– Не успел я огорчиться, как буквально полдзиккена спустя, после прочтения послания, меня вызвал к себе сам микадо. И, о чудо! Мои чаяния сбылись! Ибо вскоре, меня назначают губернатором Синано! Конечно же, я согласился! Всё уже решено, и вскоре я отбываю на новое место назначения! Воистину, не знаешь, где найдёшь, а где потеряешь!

Нарихира ещё больше удивился назначению брата. Его всё-таки назначили губернатором! И скоро он покинет Хэйан…

Мальчика охватило отчаяние: ближайшие пять лет вряд ли они увидятся. Придётся довольствоваться лишь редкими письмами. Но, видя радость Юкихиры, он пересилил себя и, улыбнувшись, произнёс:

– Я рад, что ты получил желаемую должность…

* * *

Через несколько дней, удалив все формальности, связанные с переводом на новую высокую должность в провинцию Синано, Юкихира начал собираться в дорогу.

Он был человеком неженатым и неприхотливым и потому все его вещи вместились в две седельные сумки. Из сопровождения он решил взять с собой трёх верных буси[27].

Ещё через несколько дней, новоиспеченный губернатор простился с домашними и двинулся в дальний путь. Нарихира тяжело переживал разлуку с любимым старшим братом, но старался держаться. Юкихира же, пребывал в приподнятом настроении. Он был рад покинуть столицу и связывал с новым местом назначения свои потаённые чаяния.

Он и сопровождающие его буси выехали верхом на лошадях из столицы и поскакали по тракту в направлении Синано.

Провинция возникла сравнительно недавно в результате захвата земель у племен эмиси[28]. Этому предшествовали ожесточённые воины. Многие эмиссии погибли в сражениях, а те, что выжили предпочли принять власть Хэйана. В противном случае диким племенам (как называли их в столице) грозило полнейшее истребление.

В последнее время в Синано активно развивалось

коневодство. И дальние полудикие земли прославились своими отменными скакунами. Это была необычная местная порода. Многие столичные аристократы не жалели денег, чтобы приобрести такого коня. Поэтому практичный Юкихира уже по дороге обдумывал, как построит несколько конюшен и займется непосредственным улучшением породы. А затем наладит поставку скакунов в Хэйан и столичные провинции.

* * *

Юкихира Аривара и сопровождающий его отряд проскакали весь день. На дороге, по которой они следовали, поселения встречались редко.

Первый день пути выдался очень утомительным. Но к счастью, он прошёл без неприятностей и завершился благополучно. Путешественники остановились на ночь на достаточно приличном постоялом дворе.

На второй день отряд следовал без остановок. Им не попадалось ни одного подходящего места для отдыха! И к вечеру стало понятно: они достигнут ближайшего постоялого двора лишь поздней ночью, ближе к полуночи.

В итоге, лошади выдохлись окончательно, и перешли с галопа на шаг. И как назло, погода тоже стремительно ухудшалась. Дул сильный ветер, подгоняющий тяжёлые темные тучи, которые полились на землю обильным дождем.

Мрак сгустился до того, что Юкихира всерьёз опасался, как бы его конь и лошади и его сопровождающих не сорвались в пропасть. И когда силы лошадей и путников иссякли окончательно, и казалось, что спасения нет, впереди вдруг показались очертания деревьев, трёх ив.

Когда Аривара и его спутники подъехали ближе, то к своему вящему изумлению узрели бедную хижину, прилепившуюся к ивам. Она была крыта соломой, почерневшей от времени.

Новоиспеченный губернатор и буси несказанно этому обрадовались. Они поспешили спешиться, взяли лошадей под уздцы и подошли к хижине. Юкихира решительно приблизился к затворенным воротам и громко постучал…

В скором времени, ворота отворила старая и совершенно седая женщина. При виде промокших путников, она почувствовала сострадание и воскликнула:

– Ах, молодые господа, сразу видно, что вы благородного происхождения! И вы так сильно вымокли! Недолго и заболеть! Прошу, проходите в дом! А ваших коней мы сейчас же отведем в

сарай, что стоит за домом. Муж оботрет их соломой и накормит сеном.

Юкихира и его спутники крайне обрадовались этому предложению. И проследив, что коней отвели в сарай, поспешили зайти в хижину.

Там царило тепло. Сухие стволы бамбука полыхали в очаге в главной комнате, благодаря чему распространялось живительное тепло. Подле огня расположились пожилой мужчина и молодая девушка. Увидев нежданных гостей, они вежливо поклонились и пригласили их к очагу.

Женщина тем временем начала готовить ужин для путешественников, а мужчина поспешил подогреть рисовую водку-сакэ, дабы Аривара и его спутники согрелись и не заболели. Он расспрашивал гостей про их путешествие, про постоялый двор, где они останавливались прошлой ночью. Юкихира охотно поддерживал беседу и отвечал на вопросы, в отличие от своих спутников, буси. Они мало говорили, предпочитая в основном молчать.

– Мы не желаем причинять вам беспокойство и стеснять вас, – молвил новый губернатор Синано. Он смерил цепким взглядом помещение хижины и добавил: – Мы только обогреемся и продолжим свой путь.

Пока Аривара беседовал со стариком, девушка покинула очаг и скрылась за выцветшими ширмами, что разделяли помещение на две части. Юкихира уже обратил внимание, что хозяйская дочь на редкость привлекательна, хоть и облачена в бедные одежды, а её длинные волосы неухожены.

"Как странно видеть девушку столь редкой красоты в бедной крестьянской хижине, – подумал он. – Ей пристало бы блистать в Хэйане, а не прозябать в нищете…"

Из размышлений его вывел голос старика:

– Господин, следующее жилье находится очень далеко отсюда. А буря, тем временем, усиливается, дороги точно размыло. Посему, сегодня не стоит продолжать путь. Это очень опасно – можно заблудиться или даже сорваться в пропасть… Конечно, наша хижина бедна, в ней отсутствуют многие удобства, но всё же она защищает от непогоды. Оставайтесь с вашими людьми до утра. Ваши лошади тоже должны отдохнуть, а мы в свою очередь, как следует их накормим.

Юкихира принял предложение хозяина с благодарностью. Мысленно он обрадовался возможности ещё немного полюбоваться его дочерью.

Наконец, старая женщина подала гостям простую и обильную еду. Из-за перегородки вышла девушка, дабы поднести гостям

вино. Она уже привела себя в порядок: переоделась в простую но чистую одежду из домашней шерсти и искусно причесала и заколола свои длинные прекрасные волосы.

Девушка взяла в руки глиняный кувшин с вином и склонилась над чашей Юкихиры. Тот не мог не отметить необычайную грациозность её движений. Ему не приходилось видеть подобного изящества и красоты даже у придворных дам Хэйана…

Вдруг старик запричитал:

– Господин, наша дочь Аояги[29] родилась в этих горах и выросла в полном одиночестве. Посему не имеет ни малейшего представления о хороших манерах. Умоляем вас простить её бестолковость и невежество.

Аривара с жаром возразил:

– Ваша дочь преисполнена изящества и грации. Я не припомню ни одной дамы при дворе, которая могла бы подать вино лучше!

Мужчина вновь устремил на девушку восхищенный взор. Та в ответ смущенно покраснела, от чего стала казаться ещё краше. И после этого молодой человек больше не мог спокойно ни есть, ни пить. Он постоянно смотрел на прелестницу.

От матери Аояги не укрылось, что Юкихира в отличие от своих спутников не притрагивается к пище. И сказала:

– Господин, я понимаю, что грубая крестьянская пища вам непривычна. Но прошу вас отведать её, ибо вам нужно набраться сил, дабы продолжить свой путь до провинции Синано.

Решив не огорчать стариков, Аривара принялся с аппетитом есть и пить. Аояги продолжала прислуживать гостям, и всё больше очаровывала молодого аристократа. Вдруг он поймал себя на мысли, что желает постоянно слушать её голос и любоваться ею.

"Возможно, она и правда родилась в этих горах, – промелькнула у Юкихиры мысль. – Но уверен, что её родители в прошлом были видными особами. Вот и научили свою дочь речи и манерам знатной девушки… Видимо обстоятельства сложились так, что им пришлось покинуть столицу и скрыться в столь отдаленных глухих местах…"

И чем дольше Юкихира говорил с Аояги, то всё больше и больше понимал, что во всем мире не сыскать девушки красивее и остроумнее. Голос сердца внушал ему не отказываться от счастья, пока боги даровали такую возможность…

Молодой губернатор с первого взгляда и без памяти влюбился в крестьянскую дочь. И за вечер, проведенный у очага, решил непременно сделать её своей наложницей.

И в итоге, Юкихира прямо попросил стариков отдать их дочь ему в официальные наложницы. При этом, разумеется, он сообщил им свое полное имя, происхождение и должность.

Старик и старуха поклонились ему с возгласами благодарного изумления. Но всё-таки старика кое-что беспокоило, и он обратился к Ариваре со словами:

– Господин! Вы человек высокого положения и возможно, достигните ещё большего. Вы удостоили нас чести, и глубина нашей благодарности настолько велика, что её не измерить и не выразить словами. Но подумайте, ведь наша дочь лишь крестьянка. Она не имеет высокого происхождения, ни должного воспитания, ни манер, ни образования, дабы соответствовать наложнице благородного человека. Лучше возьмите её с собой в качестве простой служанки. И мы лишь просим вас заботиться о ней…

* * *

Утром дождь закончился, и на востоке зарделась заря. Дорога предстояла долгая, и Юкихира со своими спутниками больше не имел возможности задерживаться. Но он не мог найти в себе силы расстаться с прекрасной Аояги. Посему, когда все приготовления к дороге завершились, обратился к ее родителям:

– Я всё тщательно обдумал. И моё желание сделать Аояги своей официальной наложницей не изменилось. Посему, я прошу вас отпустить Аояги со мной. Если вы дадите своё согласие, то я буду чтить вас, словно родных отца и мать. А тем временем, прошу принять мой небольшой знак признательности за ваше гостеприимство.

Юкихира протянул хозяевам мешочек с золотыми монетами. Старик поблагодарил нового губернатора Синано, но вежливо вернул подарок, со словами:

– Господин, вы очень добры. Но золото не принесет нам большой пользы: в нашей глуши его негде тратить. А вам оно понадобится в долгом пути. Что же до Аояги, то мы отдаем её от чистого сердца. Ибо она утром сказала, что надеется сопровождать вас и оставаться вашей служанкой до тех пор, пока вы пожелаете терпеть её присутствие.

Юкихира ещё раз попытался убедить родителей Аояги принять хоть немного денег. Но, увы, стариков больше волновала судьба дочери, а не богатство. Доверив её заботам честного и благовоспитанного придворного, старики были поистине счастливыми.

Итак, все было решено. Пришло время прощаться. Старик позвал Аояги, и девушка вышла из дома. Она оделась в теплое дорожное кимоно, а в руках держала небольшой узелок. Девушка поклонилась родителям и попрощалась.

Юкихира подхватил её и посадил на своего коня. Затем и он поклонился старикам, ещё раз выразил им свою благодарность и ловко сел в седло.

– Благородный господин, – промолвил отец девушки, – мы верим, что вы будете добры к Аояги. Посему, больше не опасаемся за ее судьбу…

Юкихира ударил пятками по бокам коня и отправился в путь. Погода в этот день выдалась благоприятной. И они без лишних приключений добрались до Синано…

Аояги стала официальной наложницей Аривара-но Юкихиры. Сам Юкихира приступил к обязанностям губернатора Синано.

* * *

Прошло пять лет. За все это время Аояги и Юкихира были неразлучны. Хоть Аривара за прошедшее время и женился на дочери высокопоставленного чиновника Синано (ибо положено по статусу), про любимую наложницу никогда не забывал.

…В один прекрасный день, Аояги и Юкихира беседовали о домашних делах. Вдруг, женщина громко вскрикнула, словно от боли. Её лицо резко покрыла бледность, и она замолкла… В помещении повисла тишина. Через несколько мгновений женщина заговорила:

– Дорогой господин, прошу прощения, что испугала своим криком… Но меня сразила неожиданная и сильная боль… Я так люблю тебя… Но мне придётся покинуть этот мир… Прошу тебя прочесть надлежащую по такому случаю молитву…

Женщина закончила говорить и прилегла на татами. Юкихира же не на шутку обеспокоился и воскликнул:

– Какая чудовищная фантазия! Тебе просто немного нездоровится! Полежи, отдохни… И боль отступит.

– Нет! О, нет! – отвечала Аояги. – Я точно знаю, что пришла пора мне умереть… И я скажу тебе правду, ибо больше нет смысла её скрывать: я не человеческое создание. Мои душа и сердце – душа и сердце дерева. А моя жизнь – это жизненные соки ивы. И сейчас, кто-то далеко, рубит мое дерево… Посему я и умираю… У меня даже нет сил, чтобы расплакаться… Прошу, скорее же прочти молитву…

Тут Аояги принялась стонать от боли и закрыла свое бледное

лицо широкими рукавами кимоно. Перепуганный Юкихира находился рядом с наложницей, но не знал, как ей помочь. Горечь близкой утраты буквально разрывала ему сердце…

Несколько минут спустя, Аояги скончалась…

* * *

Юкихира долго убивался по безвременно ушедшей наложнице. Пытаясь забыться, он начал много времени посвящать поэзии и рисованию.

Спустя несколько месяцев, из Хэйана пришло сообщение: его переводят на должность губернатора трёх небольших провинций Харима, Бидзэн и Биттю.

Аривара засобирался в путь, стремясь, как можно быстрее покинуть Синано: ибо, с этим местом его связывало слишком много воспоминаний об Аояги.

Он и его супруга погрузили вещи в экипаж, и отправились в путь, в сопровождении небольшого отряда воинов…

По дороге они достигли того самого места, где некогда стояла хижина Аояги. К своему немалому изумлению Юкихира нашел лишь пустынное место среди холмов. Дом давно разрушился. А три дерева, те самые три ивы, около которых когда-то стояла хижина, оказались кем-то безжалостно срублены…

«Как просто срубить дерево…» – с печалью подумал Юкихира.

Глава 3

Пятый год правления императора Ниммё, Хэйан[30].

Наступила середина лета. Комати уже как три года служила при дворе.

С тех пор, как Юкихира отправился в провинцию Синано, миновал год. Его младшему брату Нарихире исполнилось тринадцать, и отныне, считаясь совершеннолетним, он приступил к службе при дворе.

Будучи творческой и впечатлительной личностью, юноша вскоре обнаружил, что совершенно не имеет склонности к службе. Руководитель департамента, куда его определили, тоже не мог этого не заметить. И вспоминая выдающиеся способности Юкихиры, ныне занимающего должность губернатора Синано, с горечью высказался, что вряд ли его младший брат когда-нибудь поднимется выше штатской должности.

Зато, несмотря на явную несклонность к дворцовой службе, поэтические способности юного Аривары быстро заметили при дворе. И он постепенно набирал популярность, как поэт.

…Тем временем, император Ниммё в конце весны послал дипломатическую миссию[31] в Китай, находящийся под царствованием династии Тан[32]. Возглавил миссию учёный и дипломат Фудзивара Цунецугу[33].

Микадо поручил ему в первую очередь наладить торговые связи между государствами. Но Цунецугу надеялся ознакомиться и с полезными культурными достижениями другой страны, дабы в будущем успешно использовать их на родине.

Переживания госпожи Катоко из-за её неспособности понести ребёнка в последнее время особенно усилились. Она постоянно печалилась, стараясь отвлечься от гнетущих её мыслей общением с фрейлинами, музицированием и сложением стихотворений.

Фрейлины разделяли беспокойство госпожи. Ведь если её положение при дворе пошатнётся, что станет с ними? Многие желали продолжать служить по ряду разных причин. Не очень переживала разве что только Комати, ибо за прошедшие три года тёплыми чувствами к службе так и не воспылала.

Да и Кэнси сейчас было не до подобных размышлений. Её дедушка, Татибана Таканобу в начале лета слёг от болезни. Девушка часто писала домой, дабы узнать о его состоянии. И несколько дней назад, получив крайне неутешительные вести, испросила у госпожи Катоко разрешения ненадолго отлучиться,

дабы проведать больного родственника. Наложница милостиво разрешила.

Комати сильно не хватало подруги. Она частенько посещала по вечерам кумирню, моля у богов исцеления для Таканобу. Ведь чем скорее он поправится, тем быстрее Кэнси вернётся во дворец!

В один из вечеров, юная фрейлина как обычно следовала в святилище, как вдруг перед ней возник её двоюродный брат по материнской линии, служащий в Ведомстве Церемоний, Киёхара Хироцугу. Зимой ему исполнилось восемнадцать, но выглядел он на пару лет старше своего возраста. У Комати с ним с детства сложились дружеские отношения, и до поступления на службу во дворец они часто общались.

– Давно не виделись, сестричка, – поприветствовал он.

– Рада видеть тебя, Хироцугу, – ответила девушка, сразу же заметив, что её родственник чем-то смущён.

Она смерила его цепким взором: в руках юноша сжимал небольшой свёрток белого шёлка, который постоянно нервно теребил. Да, так и есть: всегда уверенный в себе Хироцугу определённо чем-то озабочен!

– Что-то случилось? У тебя обеспокоенный вид… – не преминула заметить фрейлина.

Юноша смутился ещё больше.

– Понимаешь… Тут очень деликатное дело… – пролепетал он, с новой силой начав теребить загадочный свёрток.

Богатое воображение Комати тотчас нарисовала картину: её брат влюбился в некую придворную, но из-за избытка чувств пребывает в полной растерянности и не знает, как снискать её внимания!

Хироцугу тем временем указал на небольшую беседку в стороне, и предложил:

– Можем ли мы поговорить там? Подальше от любопытных глаз?..

Комати кивнула и последовала за ним.

Вскоре они расположились в беседке. Юноша продолжал взволнованно теребить свёрток.

– Что это? – спросила Комати, взором указывая на завернутую в белый шёлк ношу.

– Ах да… Это… – немного растерянно отозвался служащий. – Об этом-то я и хотел с тобой поговорить…

Он развернул драгоценную ношу. Удивлённому взору девушки предстала длинная прядь волос, перехваченная алой лентой. В воздухе распространился лёгкий и приятный аромат духов, показавшийся ей смутно знакомым…

Юная фрейлина вопросительно воззрилась на брата. Он, всё

ещё пребывая в столь неприсущем ему смущении, начал:

– Сегодня утром, когда я шёл в Ведомство Церемоний, начался сильный ветер. И я заметил, как он несёт эту прядь, перехваченную лентой. Она зацепилась за яблоневое дерево, откуда я и снял её… Когда я взял прядь в руки, то почувствовал нежный запах духов… – Хироцугу смущённо остановился, но Комати уже поняла, куда он клонит. – Уверен, она принадлежат прекрасной девушке! Мне хотелось бы познакомиться с ней… Скорее всего, она из дворца, или же из предместий… Я подумал: ты же ведь знакома со многими девушками во дворце. Посему, не могла бы ты помочь мне найти обладательницу этих прекрасных волос?

Комати молча взирала на Хироцугу. Она пребывала в лёгком замешательстве. Наконец, девушка произнесла:

– Если красавица, потерявшая прядь, из дворца, возможно и удастся её отыскать. Но если она с Первой или Второй линии, это уже гораздо сложнее…

– Я понимаю, – кивнул служащий, – но чувствую, что буду жалеть, если хотя бы не попробую ничего предпринять.

– Хорошо, тогда отдай мне часть пряди… – предложила Комати. Она ловким движением разделила находку на две части, затем извлекла из рукава кимоно небольшой платок, куда её и завернула.

* * *

Позже, Комати обвязала часть локона таинственной красавицы лентой и завернула в небольшой отрез салатового шёлка. Аромат духов исходящий от волос определённо казался ей знакомым. Но где же она могла его встретить?

При дворе служило множество дам, и каждая из них использовала разные ароматы. Посему, задача перед Комати и Хироцугу стояла отнюдь не простая…

"Если этот запах известен мне, скорее всего, я хорошо знаю эту женщину, – размышляла Комати, лёжа ночью на футоне. Сон не шёл, спать совсем не хотелось: задача неожиданно увлекла её. – Но никто из моих соседок по покоям, сегодня точно не использовал похожие духи… Кто же эта таинственная красавица? А вдруг она вовсе не хороша собой?! Каково же будет разочарование моего брата…"

Постепенно, мысли девушки стали путаться, и она погрузилась в столь крепкий сон, что даже храп одной из фрейлин не пробудил её.

* * *

Кэнси ворочалась на футоне в своих покоях, располагавшихся в родовом поместье. Всю ночь девушка спала плохо, её мучили кошмары. Сначала ей снилось, что за ней гонятся черти и оборотни. Она бежала от них по тёмному ночному лесу, постоянно спотыкаясь о кочки и увязая в болотах.

Потом, лес вдруг закончился, а многочисленная нечисть куда-то исчезла. Кэнси оказалась на поляне в ночном лесу. Вокруг летали светлячки, где-то в зарослях мелодично стрекотали цикады.

Позади раздались чьи-то тихие шаги. Юная фрейлина резко обернулась, готовая узреть ужасающего демона, но каково же было её удивление, когда перед её взором предстала её покойная бабушка, Татибана Нанами.

– Бабушка? – немного растерянно роизнесла Кэнси.

Пожилая женщина, отправившаяся в иной мир три года назад, улыбнулась внучке.

– Ты пришла за дедушкой? – внезапно осенила догадка девушку.

Но в ответ женщина лишь отрицательно покачала головой, после чего медленно исчезла, распавшись на тысячу светлячков. Кэнси проснулась…

Стоял час Зайца. Лучи утреннего солнца слабо пробивались сквозь ширмы, закрывавшие окна.

Кэнси огляделась: всё в комнате было без изменений. "Значит, демоны мне просто снились… – поняла девушка. – И бабушка тоже…"

Вдруг её взор упал на ширму, расписанную яркими сливовыми цветами. На одном из цветов сидела огромная бабочка с прекрасными коричневыми крыльями. Словно почувствовав на себе взор Кэнси, насекомое легко взлетело и выпорхнуло в приоткрытое окно.

Фрейлина немного приободрилась, решив про себя, что увидеть столь прелестную бабочку с утра хороший знак. Она встала и облачилась в простое кимоно зелёного цвета, а волосы убрала в низкий хвост.

Едва девушка закончила свой утренний туалет, как за перегородкой её покоев раздался робкий голос служанки:

– Госпожа Кэнси, господин Таканобу желает вас видеть.

Внутри неприятно защемило. С дурными предчувствиями фрейлина поспешила к дедушке. Таканобу встретил её в прекрасном расположении духа. Рядом с ним уже сидел его сын и отец девушки, Асатада, вместе со своей женой Цубаки, матерью

Кэнси.

Девушка взволнованно замерла, не в силах вымолвить и слова. Дедушка сделал пригласительный жест, и она опустилась на татами рядом с родителями.

– Я уже поведал твоим родителям, теперь настала очередь рассказать и тебе. Сегодня во сне мне являлась Нанами… – начал Таканобу, не на шутку взволновав внучку своими словами.

– Бабушка? – испуганно переспросила Кэнси, представляя себе самое худшее.

– Да, – подтвердил старик, – я видел её. Она сказала, что мне ещё рано умирать. И моё самочувствие стало гораздо лучше…

Все присутствующие облегчённо вдохнули. Юная фрейлина же, про себя отметила, что увидеть сегодняшним утром бабочку, и впрямь было хорошим знаком.

* * *

Татибана Таканобу стремительно шёл на поправку. Было ли это чудом, или же лечение и забота возымели действие, доподлинно никто не знал.

Посему, спустя несколько дней, Кэнси вернулась во дворец, дабы вновь приступить к своим привычным обязанностям.

Комати тепло встретила подругу.

– Ох, Кэнси! Как же я рада тебя видеть! – бросилась она ей на встречу. – Как твой дедушка?

– Он пошёл на поправку, – улыбнулась фрейлина.

– Я рада! Мне очень тебя не хватало! Я столько хочу рассказать! Представляешь, недавно мой двоюродный брат Киёхара Хироцугу… – внезапно, Комати почувствовала хорошо знакомый ей аромат духов и осеклась на полуслове.

– Киёхара Хироцугу? Кажется, он служит в департаменте Церемоний… – наморщила лобик Татибана, вспоминая его. Память услужливо нарисовала привлекательного юношу. Они виделись когда-то мельком, и не обратили друг на друга особого внимания. – Что-то произошло?

Комати ненадолго задумалась, не зная, какие лучше подобрать слова в столь необычном случае. Она увлекла подругу в сторону, подальше от лишних ушей со словами:

– Произошла одна необычная история…

…Фрейлина поведала подруге о том, как Хироцугу увидел на яблоневом дереве прядь волос, перехваченную лентой. От пряди исходил тонкий запах духов, посему юноша решил, что она может принадлежать лишь прекрасной даме, и пожелал во чтобы то ни

стало отыскать её, обратившись за помощью к Комати. И аромат, исходивший от локона, оказался очень похож на духи, которыми пользуется Кэнси…

Сама девушка очень удивилась, услышав рассказ.

– Недавно, когда я посещала своё поместье, я случайно зацепилась за дерево, – промолвила она. – На ветке осталась прядь моих волос, перехваченная алой лентой. Я хотела забрать ленту, но ветер подхватил её вместе с волосами, и унёс прочь. Никогда бы не подумала, что он может принести их на территорию дворца… И уж тем более не могла и помыслить, что их обнаружит Хироцугу, и пожелает познакомиться с их обладательницей, то есть со мной…

Татибана немного смутилась. Заметив это, Комати произнесла:

– Конечно, если ты против, я ничего не скажу брату. При дворе много дам, и найти женщину, использующую определённые духи, задача непростая… Он понимает это.

Подруга ненадолго задумалась. С одной стороны она сомневалась, но с другой её очень заинтриговал сей рассказ, и захотелось лично увидеться с человеком, так романтически решившим разыскать таинственную даму.

– Думаю, я хочу увидеться с ним, – наконец, сказала Кэнси. – Пожалуйста, представь нас друг другу.

* * *

На следующий день, вечером, в час Собаки, Комати представила Кэнси и Хироцугу друг другу. Встреча прошла в рамках приличия и длилась недолго. Но служащий и юная фрейлина сразу же приглянулись друг другу.

На следующий же день, Хироцугу направил Кэнси послание с мальчиком-слугой. Девушке удалось улучить минутку, дабы спокойно уединиться днём в своих покоях: в это время соседки по комнате были заняты на службе. Письмоносец остался дожидаться снаружи.

Кэнси спокойно развернула свиток белоснежной бумаги. На нём изящной каллиграфией были старательно выведены строки пятистишия-танка:

– Не знаю, видел ли тебя,
Иль тень неясная
Передо мной мелькнула,
Но нынче, знаю, безнадежно

Томиться буду от любви.[34]

Кэнси отложила свиток. Затем достала лист бумаги, и, придвинув к себе чернильницу, задумалась над ответом. Несколько минут спустя, она аккуратно написала:

– Есть в этом мире
Один цветок, —
Невидим он,
Но блекнет без следа, —
Цветок любви![35]

Скатав бумагу в свиток, она перехватила его лентой, и, выйдя из комнаты, передала мальчику. Он поклонился, и поспешил доставить ответ своему господину. При дворе зарождался новый роман.

* * *

Комати в этот день тоже получила письмо. Но в отличие от подруги, ей пришло отнюдь не послание от поклонника, а вести из дома. Развернув плотную бумагу, девушка сразу же узнала почерк своей сестры Каори. Одолеваемая дурными предчувствиями, она начала читать. По ходу чтения, её лицо приобретало всё более и более и мрачное выражение.

Письмо гласило: *"Дорогая моя Комати! Пишу тебе с неожиданным известием! Моего супруга в начале осени переводят на должность судьи в отдалённую от столицы северную провинцию, Дэва*[36]*, и я отправляюсь вместе с ним. Сии земли заселены по большей части эмиси. Я слышала много ужасных историй про этих дикарей… Мне не ведомо, что станется в этих землях со мной и с Ацутада. Посему, посовещавшись, мы решили поручить нашу дочь Ханако заботе родителей мужа и устроить твой брак с Оно-но Сигэмори, служащим в дворцовой гвардии и дальним родственником Ацутады. Прошу тебя ненадолго вернуться в родовое поместье, дабы мы устроили вашу встречу".*

Комати оцепенела. Несколько мгновений спустя, она трясущимися руками медленно отложила послание. Нежданные вести свалились, словно снег на голову. Любимая сестра с Ацутада уедут в далёкую провинцию Дэва! Там же практически одни дикари!

Фрейлина слышала, будто у эмиси светлая кожа и светлые

волосы. У их мужчин густые бороды, а женщины достаточно высоки ростом.

Противостояние японцев с эмиси продолжалось уже давно. В давние времена, дикари оказывали отчаянное сопротивление, когда японцы продвигались вглубь их земель. И, несмотря на то, что прошло уже много времени, в ряде провинций эмиси было ещё предостаточно. И они, как и прежде, обладали диким нравом…

…Живое воображение девушки тотчас нарисовало ряд картин, одна ужаснее другой: как её родственников убивают варвары, сдирают кожу и варят в большом котле. Мясо съедают, из кожи шьют себе одежду, а из костей вырезают флейты…

И ещё столь неожиданное известие об Оно-но Сигэмори! Она никогда его раньше не видела… А если он глупец? Всё равно, ей придётся вступить с ним в брак…

Комати поняла, что хочет расплакаться. Ей показалась, что её жизнь в одночасье перевернулась с ног на голову…

* * *

На время покинув службу, Комати отправилась в родовое поместье клана Оно, где жили её сестра с мужем, и она провела большую часть детства.

Её повозка запряжённая быками медленно тянулась по улицам Хэйана. Стояла середина часа Лошади, и палящее летнее солнце находилось в самом зените. Все, кто только мог, попрятались прочь от беспощадного зноя. Немногочисленные люди на улицах, укрывались под разноцветными зонтиками или под широкополыми шляпами.

Поместье Оно, куда девушка держала путь, располагалось недалеко от столицы, в одном из предместий. Погонщик, правивший быками, постоянно подгонял животных, ибо от стоявшей жары, они постоянно норовили остановиться и отдохнуть.

Когда, наконец, повозка достигла места назначения, Комати поспешила выйти наружу. Её встретила прислуга и препроводила в дом. Погонщик, тем временем отправился позаботиться о животных: быки хотели пить и жалобно мычали.

Девушка шла быстро, насколько ей позволяли её длинные светло-сиреневые кимоно. Мысленно она проклинала своё неудобное облачение, размышляя, что в коротком кимоно и штанах-хакама ходить гораздо удобнее. Но, увы, её статус фрейлины не позволял ей это сделать. Подобная вольность,

безусловно, вызвала бы нарекание со стороны родственников…

При входе в поместье, Комати встретила Каори.

– Сестра! – бросилась ей на встречу девушка. Они обнялись. – Я получила твоё послание…

Каори грустно улыбнулась. Ей не хотелось покидать Хэйан, но и отпускать Ацутаду одного в далёкую провинцию она не опасалась.

– О, Комати, давай зайдём в дом. Наверное, ты устала с дороги… – жестом пригласила она.

Чуть позже, юная фрейлина сидела на татами напротив сестры. Ацутада в это время пребывал на службе, в Судебном департаменте. Как правило, он приходил домой только вечером, не раньше часа Петуха.

Слуги принесли горячий зелёный чай и сладости. Запах чайных листьев заполнил комнату, над чашами поднимался пар. Комати сделала небольшой глоток: чай и впрямь был слишком горяч. Посему, девушка решила начать со сладостей.

Они с Каори сидели в тишине, лишь время от времени перекидываясь парой слов на нейтральную тему. Никто из них не мог решиться начать предстоящий серьёзный разговор.

Наконец, Комати спросила:

– Каори, твоё послание… Это правда, что вы покинете столицу и отправитесь в Дэва?

– Да, в начале осени… – печально кивнула сестра.

Она пыталась сдержать эмоции, но её лицо исказилось от горечи. Фрейлина поняла, что Каори не хочет покидать поместье и удаляться столь далеко от столицы. Конечно, она могла бы остаться дома, но не желала оставлять супруга.

– Как я уже писала тебе, мне не ведомо, что будет в тех землях со мной и Ацутадой. И мне не ведомо, продлят ли через год его назначение или нет… Посему, мы решили устроить твой брак с Оно-но Сигэмори, служащим в дворцовой гвардии. Вы будете представлены друг другу через три дня…

Комати кивнула. Ей не хотелось выходить замуж, но она не стала спорить с сестрой, ибо ситуация и впрямь складывалась непростая. И юная фрейлина просто ответила:

– Я понимаю…

Услышав ответ, Каори почувствовала облегчение. Всё это время она волновалась: как Комати отнеслась к столь неожиданной вести?

– Не беспокойся, Сигэмори очень приятный восемнадцатилетний юноша, – убедила она сестру. – Он тебе понравится.

Комати молча кивнула. Её обуревали сомнения и

неуверенность по поводу предстоящей встречи. Но ещё больше её пугало, что в начале осени Каори и Ацутада отправятся в Дэва…

* * *

Последующие два дня Комати и Каори были заняты подготовкой к предстоящей встрече. Женщина купила младшей сестре новые кимоно и украшения, дабы та предстала перед Сигэмори во всей красе.

Также, она пригласила одну из столичных куртизанок, госпожу Анзу, чтобы та посвятила юную фрейлины во все тонкости отношений между мужчиной и женщиной.

Госпожа Анзу, умудрённая жизненным опытом женщина лет тридцати, сначала показала Комати подборку эротических картин сюнга. После чего, служанка куртизанки и некий юноша продемонстрировали всё на ещё более наглядном живом примере.

Комати не подала вида, хотя на самом деле не узнала ничего для себя нового. Когда она только поступила на службу во дворец, однажды вечером, направляясь к себе в покои, девушка немного заплутала в его многочисленных коридорах и случайно зашла в отдалённое крыло. Раздвижные сёдзи одной из комнат были приоткрыты, и оттуда доносились странные звуки. Не удержавшись от любопытства, Комати незаметно подошла к сёдзи и заглянула внутрь. Её взору предстала одна из фрейлин императрицы, Нефритовой госпожи[37] Фудзивары Дзюнси[38], предававшаяся любви с мужчиной.

Любопытная фрейлина некоторое время с интересом наблюдала за ними, но услышав в стороне чьи-то шаги, поспешила удалиться.

* * *

Накануне встречи Комати приснился кошмар. Её представили Сигэмори, он скрывал своё лицо за плотным шёлковым шарфом. Как девушка не желала рассмотреть его, увы, никак не удавалось.

Они поженились. Всю свадебную церемонию жених по-прежнему не открывал лица. Когда, наконец, церемония закончилась, молодые сели в экипаж и поехали в горы, где находился дом супруга.

Достигнув нужного места, они пересели из повозки в паланкин. Слуг вокруг не было, и юная фрейлина с удивлением подумала: как же они продолжат свой путь? Неожиданно,

паланкин взлетел, и понёс пару к самой высокой горе, на которой раскинулся пышный дворец. Внутри их встретила прислуга в дорогих одеждах. С ужасом, Комати отметила, что ни у кого из слуг отчего-то нет лиц.

Вскоре молодые уединились в своих покоях. Сигэмори сказал:

– Теперь, когда мы женаты, ты можешь увидеть меня, – и снял шарф.

От представшей её взору картине, Комати оцепенела от ужаса, ибо её наречённый оказался никем иным, как демоном-людоедом. Она хотела закричать, но из горла вырвался лишь сдавленный сип.

Немного совладав с собой, она спросила:

– Ты съешь меня?

– О нет! – ответил молодой супруг. – Я не стану тебя есть! Ты будешь готовить мне младенцев и детей до скончания своих дней! – и людоед зловеще рассмеялся.

Дальше Комати снилось, как она готовит для Сигэмори детей, которых он похищает в окрестных деревнях. Он пожирал их, запивая сакэ или сливовым вином…

Во сне, у Комати рождались дети. Младенцев, похожих на демонов, её муж оставлял в живых, но похожих на людей тут же пожирал…

…Девушка проснулась на исходе часа Тигра вся в холодном поту.

– Милостивая Аматерасу, приснится же такое… – пробормотала она, плотнее заворачиваясь в одеяло, словно опасаясь, что из тёмного угла комнаты может появиться демон.

Вскоре, она вновь забылась сном до середины часа Дракона. К счастью, на этот раз ей ничего не снилось.

* * *

Ранним утром прошёл сильный дождь, и теперь, исходящая от земли влага, испарялась под нестерпимым летним зноем, отчего стояла невыносимая духота.

Комати, облачённая в тёмно-зелёное нижнее кимоно, на несколько тонов светлее второе нижнее и верхнее салатовое, расшитое бамбуковыми ветвями, мучилась от жары. Одежда представлялась ей невыносимо тяжёлой, а макияж, казалось, вот-вот потечёт с лица.

Девушка часто спускалась в спасительный подвал, дабы хоть немного побыть в прохладе. Там, в сумрачном помещении, наполненном различными припасами и бочонками с вином, её

тотчас настигали тяжкие думы о предстоящей встречи с Сигэмори, и она вспоминала свой ночной кошмар.

Фрейлина мысленно говорила себе, что демоны-людоеды это лишь сказки для малых детей! Но ей постоянно чудилось какое-то шевеление в темноте подвальных углов, и с замирающим от страха сердцем, она тотчас спешила покинуть его. Впрочем, вскоре опять возвращалась, дабы скрыться от жары…

Пока Комати металась в волнениях, прислуга под руководством Каори совершала необходимые приготовления. С кухни доносились аппетитные запахи блюд. Большой коричневый пёс, любимец Ацутады, постоянно крутился поблизости, жалобно поскуливая и умоляюще глядя на поваров. Растроганные жалостливым взором животного, они периодически давали ему мясные и рыбные обрезки, которые тотчас бесследно исчезали в пасти пса.

…В середине часа Собаки к поместью Оно прибыл экипаж, запряжённый быками. Гостей поспешили встретить Каори и вернувшийся со службы Ацутада. Слуги помогли гостям выбраться из повозки, и взяли на себя заботу об утомлённых духотой быках.

Комати незаметно выглядывала из-за раскидистого пышного кустарника. Она прекрасно понимала, что нарушает нормы приличия, но любопытство оказалось сильнее. К счастью, её зелёные одежды сливались с листвой, посему заприметить девушку было непросто.

Она увидела, как из повозки вышли мужчина и женщина средних лет, вероятно родители Сигэмори. Вслед за ними показался и их сын.

Как и говорила Каори, Сигэмори оказался приятным юношей восемнадцати лет. Комати с облегчением мысленно отметила, что, по крайней мере, внешне, он не имеет ничего общего с демоном из её сна. И поспешила в дом, пока никто её не заметил.

…Чуть позже, Комати и Сигэмори официально представили друг другу. Во время разговора девушка неожиданно обнаружила, что её жених – весьма приятный собеседник. Они обсуждали поэзию, и юный гвардеец протянул своей невесте свиток со стихотворением.

– Я слышал, вы искусно слагаете стихи, – сказал он. – Прошу, прочитайте строки, что я сложил для вас.

Развернув китайскую бумагу, фрейлина прочитала:

– Гляжу не нагляжусь
На вишни, что цветут в горах,
Укрытые

Весенней дымкой, —
Вот так и на тебя не нагляжусь[39].

– Чудесное стихотворение, – искренне улыбнулась Комати.

Сигэмори просиял. Обеспокоенная Каори, всё это время незаметно наблюдавшая за сестрой и её женихом, поняла, что их встреча проходит успешно. Она с облегчением вздохнула…

* * *

Близился конец лета. День свадьбы Комати и Сигэмори был назначен. До этого времени, девушка вернулась к службе при дворе. Она планировала и в дальнейшем продолжить службу, ибо после долгих размышлений решила, что уже втянулась в дворцовый ритм жизни и без него ей будет чего-то не хватать.

И если ей, как замужней даме, выделят отдельные покои, она наконец-то избавится от необходимости еженощно слушать сопение многочисленных соседок по комнате.

Отношения молодых людей складывались на редкость удачно. Комати и Сигэмори быстро прониклись взаимной симпатией, и часто писали друг другу стихи.

Недавно, томимый желанием встречи Сигэмори отправил возлюбленной следующие строки:

"*Как будто аромат душистой сливы*
Мне сохранили эти рукава,
Лишь аромат…
Но не вернётся та,
Кого люблю, о ком тоскую…"[40]

В преддверии скорой свадьбы, Комати, изящной каллиграфией вывела в ответ:

"*Все говорят, что очень долги ночи*
Осеннею порой. Но это лишь слова, —
Ведь только встретимся, —
И сна не знают очи.
И незаметно ночь проходит до зари!"[41]

Сигэмори по несколько раз перечитывал ответы девушки и вздыхал над её письмами.

…Кэнси радовалась за подругу. За это время она очень сблизилась с Киёхарой Хироцугу, но доверенности о браке между их семьями ещё не было. Юноша опасался, что родители Кэнси будут против. Ведь род Татибана считался гораздо более знатным и могущественным, нежели Киёхара! Девушка его опасений не разделяла, ибо её семья хоть и принадлежала к Татибана, но к обедневшей ветви. При подобной ситуации вряд ли она могла рассчитывать на более удачный союз.

Хироцугу, тем временем, набирался смелости. Про себя он твёрдо решил, что после свадьбы двоюродный сестры, обязательно предложит Кэнси стать его женой.

Глава 4

В положенный день, в конце лета, совершилась свадебная церемония Комати и Сигэмори. Они перебрались в дом, принадлежавший когда-то матери девушки, но пустовавший со времён её кончины. Пришлось привести его в порядок, но, в общем и целом он представлялся вполне пригодным для жилья.

Молодые были счастливы в браке и преисполнены планов на будущее. Их союз выдался на удивление удачным.

Службу при дворе фрейлина не оставила. Как замужней даме, ей выделили отдельные покои: небольшую комнату, в одной из галерей дворца Кокидэна, где располагались покои матери императора, госпожи Катико, и его супруги Нефритовой госпожи, Фудзивары Дзюнси.

Хироцугу, как и планировал, предложил Кэнси стать его женой. Семья девушки не была против и дала разрешение на брак. Церемонию запланировали на середину осени.

Каори и Ацутада тем временем собирались в провинцию Дэва. Прислуга сновала туда-сюда по поместью семьи Оно, упаковывая в многочисленные сундуки одежду, кухонную утварь и другие необходимые вещи.

За день до отъезда сестры и её мужа, Комати наведалась с визитом в поместье, дабы проводить их.

– Каори, сестричка, как же я рада тебя видеть! – не сдерживая чувств, юная фрейлина сразу бросилась к сестре, едва покинув повозку.

Они обнялись. Каори отметила про себя, что девушка очень хорошо выглядит.

– У тебя всё хорошо? Судя по внешнему виду – да! – заметила она.

Фрейлина в ответ просияла.

– Ах, сестричка, я так много хочу тебе рассказать! Вы ведь покидаете столицу завтра! Когда теперь нам представится возможность вдоволь наговориться? Одним лишь богам ведомо!

Каори вздохнула. Её по-прежнему тяготило, что она будет в дали от Комати и дочери, но, по крайней мере, теперь она спокойна за их судьбу.

Родители Ацутады очень любили внучку и хорошо заботились о девочке. Младшая сестра состоит на службе, и её брак кажется удачным. Конечно, неизвестно, как сложатся отношения молодых дальше… Но у многих супругов отношения начинали не ладиться в самом начале союза.

Комати тем временем щебетала без умолку, передавая

последние сплетни императорского двора о Сигэмори, своей подруге Кэнси и Хироцугу.

Каори слушала её в пол уха, периодически кивая и что-то отвечая. Женщину одолевала неясная тревога, и она не могла понять её источник…

На следующий день, рано утром, ряд повозок, запряжённых холёными быками, тронулся в путь. Комати простилась с сестрой и её мужем, чей неблизкий путь лежал в провинцию Дэва.

Позже, Каори, ехавшая с супругом в одном экипаже, вновь ощутила беспокойство. Она попыталась прогнать неприятное чувство, но, увы, безуспешно. Напротив, чем дальше они удалялись от Хэйана, тем больше оно усиливалось…

* * *

Стояла середина осени. Кэнси и Хироцугу недавно поженились, и подобно браку Комати и Сигэмори, их союз также казался на удачным. Как и подруга, Татибана решила не покидать двор, а продолжить служить госпоже Катоко.

Жизнь во дворце продолжала идти своим чередом. Дамы, по обыкновению, сменили летние зелёные цвета кимоно на осенние: красные, оранжевые и жёлтые. Фрейлины наложниц, Нефритовой госпожи Дзюнси и госпожи Катико негласно соревновались друг с другом – чей наряд роскошнее.

Много разговаривали о предстоящем в грядущем году, в конце второго зимнего месяца, совершеннолетии[42] принца Митиясу[43].

Госпожа Дзюнси ходила в приподнятом настроении, расточая снисходительные улыбки. Пусть император в последнее время и посещал её покои не столь часто, как прежде, увлекаясь молодыми наложницами, но она – мать наследника, который скоро станет совершеннолетним. Посему, ни одна из соперниц сейчас её не волновала.

Настроение же госпожи Катоко напротив, становилось с каждым днём всё хуже и хуже. Вот уже который год пошёл, как она делит ложе с императором, а ребёнка до сих пор не понесла.

Но проблемы наложницы мало кого волновали, за исключением её фрейлин. Ведь если она потеряет свой статус, что станется с ними? Попадут в услужение к другой госпоже? Или придётся и вовсе оставить службу? Даже Комати, которую раньше это не особо волновало, начинала мысленно опасаться за свой статус фрейлины.

В скором времени, при дворе поползли слухи: в провинции

Этиго, на северо-восточной её границе, ранее покорённые эмиси подняли бунт.

Император Ниммё, едва получив прискорбные вести, тотчас созвал на совещание своих министров и военачальников. Решение приняли быстро: для подавления бунта отправить отряд, состоящий частично из дворцовой гвардии и частично из личных военных отрядов высшей аристократии. И Оно-но Сигэмори оказался в числе тех воинов…

Простившись с обеспокоенной Комати, он отправился в Этиго, вместе с отрядами императорских войск. Комати, смотревшую вслед уходившему супругу, одолевало дурное предчувствие…

* * *

Прошло несколько дней, с тех пор, как Сигэмори отбыл в Этиго. За это время Комати получила письмо от сестры, где она поведала, что они благополучно обустроились на новом месте и бунт эмиси до их провинции ещё не докатился.

Но Комати по-прежнему пребывала в смятении. После некоторых раздумий, она решила испросить у госпожи Катоко разрешения совершить паломничество в храм, в Нару, дабы помолиться за своего мужа, сестру и её мужа.

Улучив подходящий момент, Оно-но уважительно поклонилась императорской наложнице, и сказала:

– Госпожа Катоко, могу ли я просить вас об одной милости?

Фудзивара милостиво кивнула:

– Говори…

Комати набрала побольше воздуха в лёгкие. Она очень волновалась, но старалась казаться спокойной.

– Мне бы хотелось испросить у вас дозволения совершить паломничество в Нару, – начала она, – дабы помолиться о благополучии своих близких…

Катоко на миг задумалась.

– Кажется, твой супруг отправился вместе с другими воинами подавлять восстание эмиси в Этиго? – спросила она.

– Да, госпожа…

Наложница вновь задумалась. На первый взгляд она не видела препятствий, дабы отпустить фрейлину в Нару ради столь деликатного дела. С другой стороны, её вдруг осенило: почему бы ей тоже не совершить паломничество? В Наре множество древних храмов. Быть может, если она искренне вознесёт там молитвы и испросит у богов ниспослать ей ребёнка, они смилостивятся?

– Хорошо, – наконец ответила Катоко, – но я тоже отправлюсь в Нару. Хочу попросить у богов, дабы они послали мне дитя… Ты же можешь составить мне компанию и помолиться о своих близких.

– Благодарю вас, госпожа… – поклонилась Комати.

На следующий же день, госпожа Катоко испросила дозволения у императора, совершить паломничество. Микадо милостиво разрешил.

Не желая терять времени даром, наложница тотчас приказала начинать сборы. Поездку запланировали через три дня. Поскольку стояла осень, Катоко приказала упаковать с собой как можно больше тёплых кимоно. Вскоре, когда все сборы были завершены, Катоко в сопровождении нескольких фрейлин и отряда вооруженных буси, выдвинулись в сторону Нары…

* * *

Когда процессия, наконец, достигла места своего назначения, взору наложницы и фрейлин открылась древняя Нара. Комати, никогда раньше не видела этот город – лишь слышала о нём, да читала в разных книгах.

Нара – бывшая столица государства, известная также как Хэйдзё или Хэйдзё-кё, что означало "Столица Цитадели мира". Согласно легендам, именно туда ступил первый император Дзимму[44], праправнук самой богини солнца Аматерасу, когда спустился небес. Тогда-то и было заложено начало государственности.

Находилась Нара на севере Нарский впадины. Четыреста лет назад недалеко от Нары, на западной стороне от нее, произошло жесточайшее сражение клана Норимото с эмиси.

Клан Норимото был уничтожен. Впадину усеивали тела погибших воинов. И, как поговаривали, вот уже на протяжении веков западные окрестности города населяли призраки. Порой, в предместьях города в ночи мелькали огни демонов. А когда начинался ветер, то всё вокруг заполняли крики павших воинов.

Чтобы успокоить призраков, недалеко от места битвы соорудили небольшое святилище. Рядом с ним устроили кладбище с надгробиями, на которых были перечислены имена знатных воинов.

И чтобы успокоить их души, служители храма каждый день возносили молитвы. Но, увы, призраки все равно часто являлись в окрестностях города…

…Сам же город также, как и Хэйан, был построен по образцу

танской столицы Чанъань, по системе "сетчатой" застройки.

Через его центральную часть пролегал проспект Красного феникса, Сузаку-одзи, который тянулся от Замковых ворот, Радзёмон, до ворот Красного феникса, Сузакумон, Императорского дворца.

Проспект Красного феникса разделял Нару на два больших района: левый и правый. В каждом из районов находился собственный рынок. В левом – западный, а в правом – восточный.

Также, кроме проспекта Красного феникса Нару пересекали другие проспекты и улицы, таким образом, деля город на прямоугольные кварталы. Примерно полвека назад, к правому району бывшей столицы добавили ещё один, внешний, гэкё. На востоке от него возвели буддистский монастырь Тодайдзи.

На севере бывшей столицы, расположился Императорский дворец, называвшийся Хэйдзё-кю. Именно в Хэйдзё-кю, Госпожа Катоко и решила остановиться на время своего пребывания в Наре.

В центре дворца находились Императорские палаты, на юге династический зал, где некогда собирались заседания совета. Вокруг них раскинулись здания министерств, ведомств и прислуги.

…К приезду госпожи Катоко, прислуга, по приказу управителя дворца, произвела тщательную уборку помещений.

Наложница и её фрейлины разместились в комнатах и отдохнули после дороги. На следующий же день Катоко и её свита, включая Комати, отправились в посвященную древним богам кумирню, принадлежавшую роду Фудзивара.

Наложница и фрейлины принялись неистово молиться божествам, дабы те послали их госпоже дитя. Комати, украдкой, попросила ещё и благополучия для своих близких…

* * *

Неделю госпожа Катоко постилась и возносила молитвы. Но, на седьмой день, наложница не удержалась, и заявила:

– Мне скучно… Думаю, не будет ничего дурного, если я приглашу музыканта, дабы он сыграл на биве[45]. До меня как раз дошли слухи, будто бы в здешних местах живёт слепой, но искусный музыкант по имени Хоити, как раз, владеющий искусной игрой на биве. Мне хотелось бы послушать его игру.

Фрейлины не стали возражать госпоже. Конечно, слушать музыку во время паломничества не очень хорошо, но в то же время, в этом нет и ничего дурного.

Посему, Катоко отправила Комати в сопровождении слуги на поиски того самого Хоити…

* * *

Днём, после полудня, в начале часа Овна, Комати и слуга-сопровождающий отправились разыскивать Хоити. Он жил в восточном районе города в скромном доме.

Комати и слуга пришли к нему с визитом, и изложили просьбу госпожи Катоко: дабы Хоити усладил её слух своей игрой на биве. Слепой музыкант, не раздумывая, согласился.

В тот же вечер, он сыграл на инструменте для императорской наложницы. Госпоже Катоко настолько понравилась его игра, что она предложила Хоити на время её паломничества, каждый вечер услаждать её слух игрой на биве. Разумеется, за соответствующее вознаграждение. Музыкант охотно согласился.

…Как-то раз, госпожа Катоко и её фрейлины задержались в храме допоздна. Хоити сидел в своём доме в одиночестве.

Музыкант потеплее оделся и вышел на веранду, которая выходила в небольшой сад. Там Хоити принялся дожидаться слугу-посланника от госпожи Катоко. И дабы скоротать время, он принялся играть на биве.

Вечер стоял поздний, но слуга до сих пор не появлялся. Наложница всё ещё молилась древним богам.

…Для осени погода стояла достаточно тёплая. И Хоити решил ещё на некоторое время остаться на свежем воздухе. Наконец, чуткий слух музыканта уловил отголоски приближающихся к веранде шагов. Кто-то прошёл по саду, приблизился к веранде и остановился напротив нее… Но это явно был не слуга госпожи…

Незнакомец окликнул музыканта низким голосом:

– Хоити!

При этом его голос звучал, словно у высокопоставленного воина, отдающего приказы подчиненным.

Музыкант ответил:

– Я слеп! И не могу узнать, кто зовет меня!

– Не стоит бояться, – уже более мягко ответил незнакомец. – Я остановился недалеко от вашего дома и меня послали к вам с вестью. Мой господин, является человеком высокого положения. Сейчас он пребывает в Наре в обществе знатных спутников. Он пожелал увидеть легендарное место сражения клана Норимото с эмиси, и посетить его. Сегодня, он нанес туда визит, как того и желал… И теперь, мой господин хочет послушать твоё

выступление.

Хоити не мог не подчиниться приказу. К тому же, посланник от высокородной госпожи Катоко так и не пришёл. Посему, музыкант обулся, взял в руки свою биву и последовал за воином, который указывал ему путь… При этом у музыканта создалось впечатление, будто рука незнакомца выкована из железа…

Они шли достаточно долго. Наконец, воин остановился. Хоити понял, что они приблизились к большим воротам. Но, увы, он никак не мог сообразить, где же они находятся? В какой части Нары? Вдруг ворота дворцовые?

– Открывай! – повелительно приказал кому-то воин.

Хоити тут же услышал звук открывающихся ворот, и в сопровождении воина вошёл внутрь. Они прошли по саду и вновь остановились у некоего строения.

Воин зычно крикнул:

– Я привел Хоити!

Внутри строения послышались быстрые шаги, женские голоса и характерные звуки скольжения ширм. Хоити догадался, что многочисленные женщины – это служанки. Значит, он и впрямь, попал в благородный дом… Но куда? Он никак не мог этого понять. Ибо, судя по ощущениям, на дворец Хэйдзе-кю, где он играл для госпожи Катоко, это совсем не похоже…

Но Хоити не располагал лишним временем для размышления. Он вошёл в помещение и снял обувь. Едва музыкант это сделал, как его подхватила нежная женская рука и увлекла за собой, вглубь помещения. И в скором времени музыкант оказался в зале.

Судя по ощущениям (шелесту шелка и приглушенным голосам с грамотной аристократической речью), ему показалось, что в зале собралось множество знатных людей.

Хоити усадили на пол, предусмотрительно подстелив ему под ноги удобную подушку. Музыкант устроился поудобней и принялся настраивать свой инструмент…

И вот, раздался голос знатной дамы-распорядительницы:

– Хоити, мой господин желает, дабы ты поведал нам печальную историю клана Норимото под аккомпанемент своей бивы.

И тогда Хоити запел песню о сражении с эмиси, о том, как отчаянно бился клан Норимото…

Время от времени до чуткого слуха Хоити доносились похвалы его музыкального таланта. От этого он наполнялся новыми силами, и пел самозабвенно. Наконец, он дошел до места гибели клана Норимото. И тогда до его слуха донесся единый мучительный вздох, заполнивший весь зал…

Знатные особы рыдали. Но постепенно всхлипы затихли, и вновь наступила тишина. В воцарившейся тишине распорядительница промолвила:

– Хоити, ты самый искусный музыкант из тех, что довелось услышать моему господину за всю его жизнь. Завтра он вновь ждет тебя. Но ты не должен никому об этом говорить… А теперь, возвращайся домой. Разумеется, буси тебя проводит…

Уже почти рассвело, когда Хоити, наконец, добрался домой. Его отсутствие никто не заметил. Госпожа Катоко весь вечер провела в молитвах, и слишком устала, дабы посылать за музыкантом.

Днем же Хоити смог спокойно отдохнуть. О своем таинственном приключении он не стал никому говорить. Вечером следующего дня, он сыграл для императорской наложницы. А ночью тот же таинственный воин вновь прибыл за ним, и препроводил в дом к своему благородному господину.

Хоити вновь играл на биве и пел для знатных персон всю ночь.

Госпожа Катоко почувствовала недомогание, и решила несколько ближайших дней не посещать храм. Посему, скучающая наложница, ранним утром отправила слугу за музыкантом, дабы послушать игру на биве.

К своему вящему удивлению, слуга не застал слепого музыканта. Когда же Хоити, наконец, объявился, обеспокоенный слуга не преминул поинтересоваться: где же был музыкант?

Хоити уклончиво ответил, что у него возникли неотложные дела в ночное время. Посему, он возвратился домой лишь под утро. Слуга не на шутку обеспокоился, что слепой музыкант ходит один по ночам…

Хоити крайне смутился. Но помня о своей клятве молчать, лишь дал слуге уклончивый ответ:

– Простите меня! У меня, и, правда, неожиданно возникли неотложные дела…

Слуга крайне удивился подобному ответу. Но он выполнил приказ и проводил Хоити к госпоже Катоко. И при первой же возможности не преминул поведать о странном поведении музыканта своей госпоже. Наложница не на шутку обеспокоилась: негоже слепому человеку ходить по ночам в одиночку!

Посему, она приказала своим слугам проследить за музыкантом, если тот снова покинет своё скромное жилище под покровом ночи.

Вечером следующего дня слуги благородной наложницы затаились у веранды, на которой любил проводить время Хоити.

И вот, в положенное время, появился таинственный буси. Он

увлёк за собой музыканта, а слуги осторожно последовали за ними…

К своему вящему удивлению, слуги увидели, как Хоити направляется к старинному кладбищу. Тому самому, где упокоились тела воинов и членов легендарного клана Норимото. Буси бесследно исчез, а слепой музыкант расположился на земле перед надгробием и начал играть на своем инструменте. При этом он пел песню, прославляющую и восхваляющую былую мощь клана.

Слуги перепугались и бросились к слепцу:

– Хоити! Хоити! Вас околдовали! – они принялись трясти мужчину за плечи, но тот ничего не замечал и не слышал, а лишь продолжал петь. Но слуги продолжали упорно его трясти: – Скорее, Хоити! Идёмте с нами домой!

Тут музыкант очнулся и разгневался:

– Разве допустимо прерывать моё выступление перед благородными слушателями?

Но слуги проигнорировали его замечание, подхватили музыканта под руки и силой уволокли прочь.

На следующее утро, его сопроводили к госпоже Катоко, которая тотчас потребовала объяснений.

Слепой музыкант долго колебался, но всё же поведал о своём необычном приключении. Наложница искренне обеспокоилась за музыканта. И послала слугу за монахом святилища, которое посещала, господином Кэндзо Мураяма.

Так уж получилось, что монах, будучи ценителем музыки, с давних пор приятельствовал с Хоити.

…Мураяма, выслушав историю музыканта, в ужасе схватился за голову:

– Хоити, вы теперь в большой опасности! Как плохо, что вы сразу не признались госпоже или сведущему в мистических делах человеку! Ибо вы попали под власть мёртвых! Но, разумеется, я сделаю всё возможное, дабы защитить вас…

Монах взял в руки кисточку и начертал ею на лбу, груди и спине музыканта священный текст. И промолвил:

– Сегодня ночью вам следует находиться на веранде вашего дома. И если воин вновь придёт за вами, то не следуйте за ним! А просто сидите неподвижно.

С наступлением темноты Кэндзо и слуги покинули Хоити, а он, в свою очередь, как ему и велели, расположился на веранде. Музыкант положил рядом свою биву и принялся ждать буси из загробного мира…

Так прошло несколько часов. И вот, музыкант услышал звуки приближающихся шагов. До его слуха донеслось, как хлопнули

створки ворот, некто миновал сад и остановился прямо перед ним.

– Хоити! – позвал знакомый голос.

Но музыкант продолжал сидеть неподвижно.

– Хоити! – уже боле грозно прозвучал голос буси.

Музыкант продолжал молчать.

– Хоити! Я найду тебя! – свирепо проревел призрак.

Он поднялся на веранду. Его тяжелые шаги грохотали. Буси неторопливо приблизился к Хоити и остановился рядом. Воцарилась тишина…

Музыкант с трудом сдерживался, чтобы не пошевелиться. Он слышал стук своего бешено бьющегося сердца.

А тем временем, буси произнес:

– Вот бива, лежащая на полу… Что ж, всё понятно: у музыканта нет рта. Посему он и молчит. Видимо, от Хоити не осталось ничего кроме ушей. Придется отнести их моему господину!

И в тот же миг Хоити почувствовал, как железные пальцы буси схватили его за уши и рванули со всей силы! Музыкант почувствовал резкую боль, пронзившую все тело, и едва сдержался от крика. Ибо он понимал, что лучше потерять уши, чем жизнь.

Гость из потустороннего мира ушёл. А Хоити остался сидеть на веранде, чувствуя, как теплая кровь из покалеченных ушей струится по его шее…

Незадолго до восхода солнца Мураяма наведался проведать Хоити. Он сразу же направился к веранде и увидел там до сих пор неподвижно сидящего музыканта, рядом с которым лежала бива. А из чудом уцелевших ушей музыканта сочилась кровь…

– Ах, бедный Хоити! – в ужасе воскликнул монах, при виде ран музыканта. – Я сейчас же помогу вам…

Услышав голос друга, слепой наконец-то почувствовал себя в безопасности. Он открыл глаза, хоть ничего и не видел.

– Сюда приходил буси из клана Норимото… Я молчал, и он едва не оторвал мне уши…

…Благодаря помощи искусного лекаря Хоити скоро поправился, и его раны на ушах зажили без следа. Госпожа Катоко искренне посочувствовала музыканту, и пожаловала ему обещанное вознаграждение.

Вскоре, наложница ещё несколько дней проведя в молитвах, покинула Нару вместе со своей свитой.

…История же о необычных приключениях слепого музыканта быстро разлетелась по всей округе. Благодаря этому Хоити стал очень популярен. И многие благородные люди из окрестных

провинций прибывали в Нару, дабы послушать рассказ музыканта о встрече с призраками и его искусную игру на биве. В скором времени музыкант стал очень богатым человеком.

И с того времени у него появилось прозвище: Мими-Наси-Хоити, что означает – Хоити с оторванными ушами.

* * *

Госпожа Катоко и её сопровождающие, в их числе и Комати, вернулись обратно в Хэйан. Они долго обсуждали произошедшую в Наре удивительную историю музыканта.

…А тем временем, восстание эмиси в Этиго продолжалось. Сигэмори и Комати переписывались какое-то время, в том числе сочиняли друг другу стихи.

На девяносто восьмой день после свадьбы Сигэмори отослал ей письмо, где поведал, что надеется скоро вернуться. Но, увы, провидение распорядилось иначе…

На следующий день, Сигэмори со своим отрядом попали в засаду. Между ними и варварами завязалась жестокая битва. Но, хоть японцы и были экипированы лучше эмиси, последние значительно превосходили их числом…

В ходе жестокой схватки, все воины из отряда Сигэмори, включая его самого, пали… Перед смертью он думал о Комати, сожалея, что они провели вместе так мало времени. Но, увы, изменить ничего не мог…

…Спустя какое-то время, Комати получила известие о его смерти. Сия новость изрядно подкосила её. Фрейлина долго плакала, не в силах поверить в безвременную кончину супруга, и впала в беспросветную печаль…

Глава 5

Шестой год правления императора Ниммё[46], Хэйан.

Стояла середина лета. Прошло почти полгода, с тех пор, как в двадцать второй день первого месяца принцу Митиясу исполнилось тринадцать лет. Наследник стал совершеннолетним, и его мать, Нефритовая госпожа Дзюнси задумалась над поисками невесты для сына. Своими соображениями она поделилась отцом, левым министром, Фудзиварой Фуюцугу[47]. Мужчина согласился с дочерью, и пообещал посодействовать в подборе для внука достойной жены из рода Фудзивара. Наиболее подходящей кандидатурой ему представлялась дочь Фудзивары Ёсифусы, юная Акиракейко[48]. Единственным препятствием к браку был разве что возраст претендентки – недавно ей минуло всего десять лет. Но брак можно заключить и позже, когда Акиракейко станет совершеннолетней. Главное договориться с её семьёй и уладить все формальности.

В остальном же, жизнь во дворце шла своим чередом. Комати продолжала служить при дворе. Прошло чуть более полугода с тех пор, как она овдовела. Печаль по молодому и безвременно ушедшему супругу терзала её до сих пор.

Выждав некоторое время, многие придворные начали искать её расположения. Но опечаленная фрейлина всех отвергала, решив полностью посвятить себя службе госпоже Катоко и сложению стихотворений.

Её поэзия ещё больше вдохновила Аривара-но Нарихиру, на создание новых произведений. Хоть юноша пока ничего и не достиг на служебном поприще, его сочинения при дворе пользовались большим успехом.

…Тем временем, поэтические способности Комати прославились на весь императорский дворец. И даже сама Нефритовая госпожа Дзюнси изящной каллиграфией переписала особо приглянувшиеся ей стихотворения юной поэтессы и украсила сими свитками свои покои.

Госпожа Дзюнси настолько прониклась сей поэзией, что даже отдала личное распоряжение сохранить за фрейлиной отдельные покои, дабы Комати спокойно, в уединении, предавалась творчеству.

Саму же, Комати, пребывающую в печали, казалось, ничто не могло обрадовать… Поэтесса приняла достаточно сдержанно даже весть о долгожданной беременности госпожи Катоко,

вызвавшая огромную радость среди остальных фрейлин (ведь в случае успешных родов их положение при дворе останется незыблемым).

…Однажды, Кэнси не в силах больше созерцать подавленное состояние подруги, прямо сказала:

– Комати, я понимаю тяжесть твоей утраты, но ты не можешь остаток жизни предаваться горю!

Поэтесса вяло посмотрела на неё.

– Я овдовела через три месяца после свадьбы, моя любимая сестра в далёкой провинции Дэва и крайне скупа на письма… Как мне не печалиться?

Кэнси виновато потупила очи долу. Она не знала, что ответить, как приободрить подругу. Если предложить Оно-но ответить на знаки внимания одного из многочисленных поклонников, предложение безусловно будет отвергнуто. А посредством написания стихотворений фрейлина и так пыталась отвлечься от гнетущих её разум тягостных дум…

Мысль пришла к Татибане сама собой:

– Комати, может, дабы отвлечься от горя, тебе попробовать написать новеллу? Или литературно обработать одну из легенд? – робко предложила она.

Подруга на миг задумалась. Звучало заманчиво, но к подобному вида творчества душа сейчас не лежала…

– Я подумаю над этим, – уклончиво ответила Комати.

* * *

Настал конец лета. Каори сидела в своём доме, в провинции Дэва, у приоткрытой сёдзи[49], выходящий во внутренний сад. Дни шли на убыль, и в это время года, на исходе часа Собаки, на землю уже спускался сумрак. Прохладный вечерний воздух проникал в комнату, неся с собой запахи сада и сырости. В зарослях кустарника, раскинувшегося напротив покоев женщины, прыгали небольшие птички, что-то оживлённо щебеча.

Почувствовав порыв сильного ветра, Каори затворила сёдзи. В комнате, освещаемой лишь несколькими свечами, стало темнее, и казалось, ещё прохладнее. Но звать прислугу, дабы они растопили жаровню, не хотелось.

Рядом с Каори стоял небольшой столик, на котором разместились тушечница, кисточка и лист бумаги, где женщина рассеянно вывела стихотворение:

"Всё кончено.

Заморосил осенний дождь.
И словно листья на ветру,
Поблекли
Слова любви"[50].

Когда в прошлом году, в начале осени, она вместе с супругом покидала Хэйан, её одолевали дурные предчувствия. Тогда она ещё не знала, что они предвещают, и приписывала их усталости от смены места жительства и отбытия в густонаселённую эмиси Дэва.

У эмиси была светлая кожа, и многие из них обладали светлыми или каштановыми волосами. Большинство женщин этого племени ростом равнялись с японскими мужчинами. Тогда, как мужчины эмиси оказались ещё выше, и имели густые длинные бороды и усы.

Они не владели ни какой письменностью, передавая историю и предания своего народа из уст в уста. Эмиси почти не занимались земледелием. Лишь немногие, принявшие японский образ жизни, заводили огороды или возделывали небольшие поля. Остальные же эмиси, не изменяя своей исконной культуре, как и в давние времена, жили в основном за счёт собирательства, рыболовства и охоты.

Они имели свои религиозные обряды. Например, культ жертвоприношения, связанный с медведем, ибо животное символизировало дух охотника.

Эмиси специально выращивали жертвенного медведя для празднества. Хозяин дома, устраивавший праздник, старался пригласить как можно больше людей.

Несчастное животное опаивали дурманящим травами и убивали специальным кинжалом. После чего отрезали медведю голову, в которой, по поверьям обитала душа животного, и водружали её на восточное окно дома, которое считалось священным.

Но на этом церемония не заканчивалась. Каждый участник сего мистического действа испивал медвежью кровь из ритуальной чаши, передаваемой по кругу. По поверьям эмиси, это символизировало разделение силы медведя между гостями, и подчеркивало их причастность к обряду перед ликами богов.

Каори, вместе с Ацутадой, ставшая свидетельницей подобной церемонии (их пригласил местный вождь), с трудом сдерживала рвотные позывы на протяжении всего празднества.

Думая, что ничего хуже, чем жить среди дикарей, быть не может, женщина через некоторое время получила дурное

известие от Комати: её супруг Сигэмори погиб во время бунта эмиси. Каори направила ей полное искреннего сочувствия письмо. Мысленно, она корила себя, ибо задумка свести младшую сестру с гвардейцем принадлежала изначально ей. Но кто бы знал, что так получится! Одним лишь богам ведомы судьбы людей…

Не успела Каори попечалиться о потере Комати, как её постигли новые проблемы. Её муж, Ацутада, все эти годы не брал наложниц и к куртизанкам наведывался не часто. Одно время у него была визитная жена, но он перестал её посещать, и её семья уведомила его о расторжении брака.

Каори, подобное положение дел очень устраивало: она единственная законная супруга, соперниц у неё не было. До недавнего времени…

Ацутада увлёкся одной из дочерей местного вождя эмиси, того самого, который пригласил их на церемонию жертвоприношения медведя. Звали девушку Оина.

Оина выглядела стройной, высокой, длинноногой. Её светлая кожа, крупные серые глаза и длинные светло-коричневыми волосы выглядели на редкость привлекательно. В конце прошлого лета ей минуло шестнадцать. Ацутада, едва завидев юную эмиси, тотчас потерял голову. И недолго думая, он отправился к вождю, дабы просить позволения сделать его дочь своей официальной наложницей.

Вождь снискал славу человека отнюдь не глупого и быстро рассчитал, что с новым судьёй отношения лучше не портить. Посему дал своё дозволения, и Оина стала наложницей Ацутады.

Он поселил наложницу в своём доме и часто посещал её покои, напрочь забыв о Каори. Законная жена решила быть выше всего этого, не обращать внимания, надеясь, что увлечение супруга юной дикаркой скоро пройдёт. Писать об этом Комати она тоже не стала, дабы не тревожить младшую сестру, и без того тяжело переживавшую потерю мужа.

Но время шло, а увлечение Ацутады Оиной не проходило. Каори начала сознательно избегать лишних встреч с мужем и наложницей, редко покидая свои покои, и основное время изливая душу своему дневнику. Письма Комати она отправляла всё реже и реже, не зная о чём писать.

Вчерашним вечером и вовсе, произошло нечто, что окончательно выбило женщину из колеи. Выяснилось, что Оина понесла ребёнка.

За прошедшие годы брака Каори смогла родить только Ханако. Ацутада любил дочь, но всё время не переставал мечтать о сыне, которого его жена так и не смогла ему подарить. Впрочем,

бывшая визитная супруга тоже не отличалась плодовитостью.

А что если у Оины родится мальчик? Что тогда станется с положением Каори?

Конечно, и речи не было о том, чтобы какая-то эмиси стала законной женой хэйанского служащего. Но женщина понимала: её статус сильно пошатнётся, и вряд ли муж будет часто посещать её…

…Женщина взяла в руки кисть и положила перед собой новый лист бумаги. Она хотела написать стихотворение, но строки упорно не шли в голову. С кисточки, нависшей над белым листом, упала толстая капля чернил.

Каори в раздражении отбросила кисть. "Это всё вина той дикарки! Она виновата в моем подавленном состоянии! Если бы её не было, Ацутада не забыл бы про меня!" – она в гневе скомкала лист и швырнула его в сторону. Он упал на пол с негромким шуршанием.

Каори хотелось разрыдаться. Гнев к мужу и его новой наложнице застилал глаза. Безусловно, она могла уйти от него. Ведь она ещё молода и хороша собой. Найти нового супруга представлялось более чем реальным. Конечно, на статус первой жены она вряд ли могла бы рассчитывать, но на положение визитной вполне. Но не пожалеет ли она потом об этом?..

От размышлений её прервал голос вернувшегося со службы Ацутады. Он о чём-то громко переговаривался со слугой во дворе. Всех слов Каори не различила, отчётливо уловив лишь одно: "Где госпожа Оина?" Вскоре раздался и голос наложницы, вышедшей навстречу Ацутаде.

Раздражённо тряхнув головой, Каори решительно встала. "Опять эта женщина! Эта ведьма завладела всеми помыслами моего супруга!" – мысленно ярилась она. Внутри женщины всё разрывалось от гнева, ревности и тоски. Понимая, что больше не может так продолжаться, она решительно придвинула к себе чистый лист бумаги и написала послание сестре:

"*Дорогая Комати! Я не писала тебе об этом ранее, но Ацутада взял себе наложницу из эмиси, одну из дочерей местного вождя. Увы, но с её появлением, он совершенно забыл обо мне. Посему я планирую возвратиться в столицу. И вернуться к службе при дворе, если на то будет милость Нефритовой госпожи*".

Перечитав своё лаконичное послание, Каори подождала покуда высохнут чернила. Затем осторожно свернула его в свиток, перевязала лентой и позвала прислугу, дабы та отправила письмо.

Сама же Каори отправилась к Ацутаде. Им предстоял серьёзный и неприятный разговор…

* * *

Стояла глубокая ночь – час Быка вступил в свои права. Но фрейлине не спалось. Она долго ворочалась на футоне, не в силах забыться сном.

Наконец она встала, зажгла свечу, и достала полученное днём письмо от Каори. Комати вновь перечитала его, хотя уже неоднократно ознакомилась с его содержанием днём. Фрейлине трудно было поверить, что Ацутада мог так просто предпочесть Каори какую-то дикарку.

"В голове не укладывается… – печально подумала она, свернув послание. – Столько лет они с сестрой благополучно прожили вместе, и тут столь неожиданные вести…"

На какой-то миг она задумалась. Что, если бы Сигэмори не погиб во время бунта эмиси, и остался бы жив? Как бы тогда сложились их дальнейшие отношения? Комати прекрасно знала, что когда состояние начальной влюблённости проходит, люди начинают охладевать друг к другу. Многие мужчины берут себе визитных жён или наложниц, да и женщины иногда заводят возлюбленных на стороне. Какая участь была бы предначертана фрейлине?

Стараясь отогнать безрадостные мысли, поэтесса развернула свиток чистой бумаги, и обмакнув кисть в тушечницу, небрежно написала стихотворение:

"*Зерна риса, что в поле остались,*
Сметает
Осенний ветер.
С грустью смотрю:
Не моя ли то участь?[51]"

Она оглядела плод своего творчества критическим взором. Немного поразмыслив, и решив, что стихотворение получилось достойным, Комати развернула новый свиток. И уже изящной каллиграфией переписала стихотворение. Если при дворе оценили твои поэтические способности, нужно поддерживать свой статус не только искусной поэзией, но и её красивым оформлением!

Предыдущую же запись фрейлина безжалостно скомкала и поднесла к свече. Белоснежная бумага, охваченная пламенем, начала чернеть и осыпать пеплом. От неё потянуло дымком. Вскоре, лист окончательно истлел.

Комати разогнала рукой неприятный запах гари и побрызгала

в воздух духами. Аромат цветов смешался с гарью. Поморщив нос, она приоткрыла окно. Приток свежего воздуха хлынул в комнату, неся ночную свежесть.

Потушив свечу, фрейлина легла на футон и завернулась в одеяло. Через несколько мгновений ей удалось забыться глубоким сном.

* * *

Вскоре, императрица Дзюнси и её отец левый министр Фудзивара Фуюцугу встретились с семьёй Фудзивары Акиракейко, выбранной для принца Митиясу невесты.

Ещё через некоторое время молодых жениха и невесту представили друг другу. Девочку пригласили ко двору, и поселили в специальном отдельном павильоне. Ей предстояло научиться всему, что необходимо знать будущей императрице.

Однако, её свадьбе с принцем Митиясу суждено состоять лишь через два года, когда Акиракейко достигнет совершеннолетия…

Глава 6

Седьмой год правления императора Ниммё[52], Хэйан.

Наступил конец зимы. Снег, мягкой белой массой, лежал повсюду, искрясь на солнце.

Зима в этом году выдалась суровой, во дворцах императора, императрицы и в павильонах наложниц не угасали спасительные жаровни. Многие придворные дамы одевали вниз, под красивое верхнее одеяние, не одно ватное кимоно, а два, отчего изрядно увеличивались в объёме. Даже молоденькие стройные фрейлины из-за вынужденно утепления больше походили на зрелых женщин, родивших двух-трёх детей.

Комати по-прежнему служила при госпоже Катоко. После празднования Нового года, она получила повышение ранга фрейлины, и её обязанности расширились. Помимо этого, она продолжала писать стихотворения, пользующиеся большим успехом при дворе.

Её сестра Каори, как и намеревалась, ушла от мужа и вернулась в Хэйан. Женщина поступила на службу фрейлины, к Нефритовой госпоже Дзюнси, которой когда-то уже прислуживала в молодости. Императрица, узнав о том, что муж Каори взял себе наложницу из эмиси, искренне посочувствовала, ибо подобный выбор возмутителен для приличного образованного человека.

Каори настолько была обижена на Ацутаду, что в очень скоро времени согласилась стать визитной женой служащего Налогового департамента, Татибаны Охиры. С бывшем супругом её теперь связывала только их дочь, Ханако.

Родители Ацутады, Оно-но Коисо и Сумирэ, которые взяли на себя хлопоты о девочке, когда их сын с женой отправились в Дэва, повели себя в сложившейся ситуации мудро, и заверили Каори, что продолжат заботиться о внучке. Женщина была очень благодарна за это, и со спокойным сердцем приступила к службе.

Подруга Комати, Кэнси, напротив, покинула двор ещё в начале зимы, до Нового года. Отношения Кэнси и Хироцугу принесли свои плоды, и Татибана понесла ребёнка. Активная женщина некоторое время не покидала двор, продолжая служить госпоже Катоко, несмотря на своё деликатное состояние. Только ближе к середине срока, когда её самочувствие ухудшилось, она отправилась домой.

Госпожа Катоко в недавнем времени разрешилась от бремени здоровым мальчиком. Ребёнка нарекли Куниясу[53], и по случаю

его рождения устроили праздник. Фрейлинам во время торжества, как и полагается в таких случаях, пожаловали по отрезу шёлка и золотому обану[54].

Сама Катоко наконец-то успокоилась: её положение теперь незыблемо! А мальчик пусть никогда и не станет наследником трона, но будет расти в заботе и достатке.

Впрочем, не всё шло так гладко, как казалось на первый взгляд. Вскоре, после рождения принца Куниясу во дворце начали происходить странные события. В одной из отдалённых комнат Сливового павильона (который занимала Катоко и другие наложницы императора), по ночам начал раздаваться женский плач. Раньше, эти покои занимала наложница по имени Микуни Норико, но, увы, шесть лет назад она скончалась от неизвестной болезни. Одно время даже ходили слухи, будто бы её отравили.

Первой плач услышала, проходившая мимо, Комати. Будучи натурой любознательной и впечатлительной, она осмелилась заглянуть внутрь помещения, и к своему ужасу никого не увидела… Комната встретила её пустотой и неизвестно откуда взявшимся порывом ветра…

Другие служанки и фрейлины услышав о этом престранном событии не на шутку перепугались. Неужто объявился неуспокоенный дух госпожи Норико? Неужели её и впрямь отравили? Но госпожа Катоко, никогда не отличавшаяся особой суеверностью, отнеслась к известию спокойно. Ведь шесть лет назад умершую наложницу похоронили по всем правилам, за упокой её души молились синтоистские жрецы и буддийские монахи. Они также провели очищающие ритуалы в её покоях. С чего бы духу объявляться спустя столько времени?

А ветер мало ли откуда подул! В тех покоях никто не живёт, на улице холодно… Порыв морозного воздуха запросто мог залететь в какую-нибудь дыру или трещину в стене!

Вызвали слуг отвечающих за ремонт дворцов и павильонов. Они тщательно осмотрели покои, подмазали кое-какие мелкие трещины образовавшиеся на сёзди. Вдруг один из мужчин вскрикнул и резко обернулся.

– Что случилось? – впали в недоумение его товарищи.

Неестественно бледный слуга ответил:

– Мне показалось, что меня за плечо схватила холодная женская рука…

– Какая женская рука! Здесь только мы! Да и вряд ли ты интересен придворным дамам! – рассмеялись ему в ответ.

Мужчина лишь покачал головой.

– Нет, – сказал он, – это не просто дама… Сами же знаете, что шесть лет назад здесь женщина умерла…

Остальные слуги замахали руками, словно говоря: "Замолчи! Это не подходящая тема для обсуждения!" Они побледнели, и начали опасливо озираться по сторонам…

…Плач продолжал раздаваться по ночам из покоев умершей наложницы. В галерее, рядом с её комнатой, гулял ветер… Даже госпожа Катоко долго не верившая в происходящее, начала выказывать беспокойство.

По просьбе её и других наложниц Сливового павильона император Ниммё прислал каннуси[55] из рода Накатоми[56] и мико[57].

Накатоми, также как и другие главные рода каннуси, Имбэ, Сарумэ и Урабэ, по преданиям вёл свою родословную от богов. Накатоми происходили от божества Амэ-но коянэ, Имбэ – от Амэ-но футодама, а Сарумэ от Амэ-но удзумэ. Клан Урабэ появился уже позже, отделившись от Накатоми.

Божества, от которых вели своё начало три славных рода, в стародавние времена участвовали в извлечении богини Аматерасу из грота, когда она затворилась там после ссоры с братом Сусаноо[58].

Будучи богиней солнца, стоило Аматерасу затвориться, как весь мир тотчас погрузился во тьму. Дабы вернуть богиню, другие божества повесили перед гротом зеркало Тама-но-я-но микото и поставили пустой котёл, на который взобралась богиня счастья и радости Амэ-но-удзумэ-но микото и начала танцевать.

Богиня обнажила грудь и распустила завязки на юбке. Другие божества, наблюдавшие за зрелищем, заливались смехом. Это удивило скрывавшуюся в гроте Аматерасу, и тогда она выглянула, дабы посмотреть и спросить, что происходит.

Боги ответили ей, что нашли богиню ещё более великую, чем она, и посему веселятся. В доказательство, они показали Аматерасу зеркало. Ещё больше удивившись, Аматерасу высунулась из грота, и спрятавшийся рядом бог Амэ-но тадзикара-о-но микото вытащил её за руку. Таким образом, солнечный свет Аматерасу вновь вернулся в мир. Её же брата Сусаноо боги решили изгнать…

…Но император Ниммё выбрал каннуси из Накатоми не только из-за прославленности рода и божественного происхождения, но и не без влияния своей супруги, Нефритовой госпожи Дзюнси и тестя Фуюцугу. Ибо род Фудзивара являл собой светскую ветвь Накатоми.

Во дворец прибыл сам глава клана каннуси, господин Тадамори, в сопровождении двух мико.

Господин Тадамори был человеком преклонного возраста, но полностью сохранившим трезвый рассудок. Облачённый в одежду

каринигу и шапку эбоси, одеяние традиционное для каннуси, но не несущее какого-либо религиозного смысла. Ибо это лишь официальный наряд, используемый при императорском дворе.

Идущие следом за ним две достаточно молодые мико, лет двадцати на вид, были облачены в белое верхнее кимоно с широкими рукавами и ярко-красные хакама[59]. Женщины чинно несли различные предметы и талисманы, необходимые для упокоения духа.

Каннуси и мико отослали всех зевак прочь из покоев, и, притворив перегородку-сёдзи, начали проводить очищающий ритуал. Любопытствующие придворные и дамы, среди них и Комати, собрались в коридоре напротив плотно закрытой сёдзи. Они слышали слова молитв и заклинаний, повторяемых господином Тадамори и его помощницами.

Когда придворные и дамы уже потеряли счёт времени, перегородки покоев мёртвой наложницы наконец-то отъехали в сторону. Каннуси и мико вышли наружу.

– Теперь дух женщины, обитавший здесь, упокоен, – заверил Тадамори.

Столпившаяся у комнаты публика с облегчением вздохнула. Наконец-то этот кошмар закончится!

Плач по ночам и странный ветер в коридоре и впрямь прекратились. Обрадованный император щедро наградил главу рода Накатоми и его помощниц.

Но воцарившееся спокойствие, увы, оказалось недолгим… Не прошло и месяца, как странные происшествия у злополучных покоев госпожи Норико возобновились с новой силой.

Ко всему прочему, сына госпожи Катоко, маленького принца Куниясу сразила неведомая болезнь. Придворные врачи день и ночь находились подле младенца, но, увы, все их медицинские навыки оказались бессильны. Ребёнок продолжал страдать от неизвестного недуга: ему не становилось хуже, но в то же время его здоровье ничуть не улучшалось.

По дворцу поползли слухи, что дух покойной Микуни Норико за что-то гневается на госпожу Катоко, и посему наслал проклятие на её дитя.

Обеспокоенный император вновь обратился за помощью к Тадамори Накатоми. Каннуси вместе со своими помощницами, мико, ещё раз провел обряд успокоения духа госпожи Норико, а затем исполнил ритуал снятия проклятия с Куниясу.

На несколько дней дух затих, а принцу, как казалось, стало лучше. Но, увы, вскоре всё началось заново…

Тадамори признался императору, что если дух продолжает гневаться после проведения двух очищающих обрядов, значит, его

что-то очень сильно тревожит. Только выяснив причину тревог, можно упокоить душу наложницы.

Император, после некоторых раздумий, решил, что если каннуси бессилен, возможно, стоит обратиться за помощью к оммёдзи[60].

Оммёдзи называли людей, практикующих оммёдо, учение Инь и Ян. Оно пришло в японские земли триста лет назад, в начале VI века, как система совершения гаданий. И ныне представляло из себя смесь даосизма, синтоизма, буддизма, китайской философии и естественных наук.

Само понятие "оммёдзи" появилось немного позже, сто лет спустя, в VII веке и достигло популярности в VIII веке. Было создано Оммё-рё – государственный департамент оммёдо. И оммёдзи начали добиваться высоких государственных званий.

Оммёдзи, как правило, занимались гаданиями, составлением гороскопов, изгнанием злых духов и снятием проклятием. Последователи оммёдо в своей деятельности часто использовали календари, астрономию и прибегали к помощи "Книги перемен"[61]. Также, считалось, что в помощь себе они призывали духов, заточённых в бумажном листе, сикигами, не доступных взору большинства людей.

Но основной сферой деятельности большинства последователей учения, всё же оставались гадания. Люди часто прибегали к услугам оммёдзи, дабы решить, где выбрать наиболее удачное место для постройки дома, или какой дорогой будет лучше отправиться в путь.

…Вскоре в Сливовый павильон прибыли два оммёдзи из департамента Оммё-рё, выбранные для столь деликатного дела самим микадо, посулившему им большую награду в случае успеха.

Одним из оммёдзи был пожилой мужчина лет пятидесяти пяти на вид, Абэ-но Кэйтиро, славившийся при дворе своим искусством составления гороскопов и точностью предсказаний. Сопровождал его Абэ-но Сэйки, молодой человек двадцати лет, ученик и племянник Кэйтиро, тоже служащий в Оммё-рё.

В своём весьма молодом возрасте он уже славился точностью составляемых предсказаний, нахождении потерянных предметов и угадывании пола ребёнка у беременной женщины.

Про Сэйки при дворе ходило множество слухов, один невероятнее другого…

Молодой человек приходился сыном чиновнику Абэ-но Фудзита, рождённым от неизвестной женщины. Некоторые говорили, что раньше она служила прислугой в поместье рода Абэ, и покинула его, попав в немилость господину, или же вообще

умерла от оспы много лет назад.

Другие утверждали, что на самом деле, мать Сэйки одна из столичных куртизанок. Третьи и вовсе с полной уверенностью заявляли, что его мать никто иная, как кицунэ[62], тем самым объясняя незаурядные способности юноши к оммёдо.

Ведь про него, даже ходили слухи, будто бы уже в пять лет он управлял слабыми чертями-они…

Правда ли это всё или нет, но как бы то ни было на самом деле, умудрённый опытом Кэйтиро разглядел способности племянника ещё в раннем возрасте, посему взял его на воспитание и официально усыновил. Ибо своих сыновей не имел, лишь двух дочерей. Причём, по его утверждению, не имеющих никаких мистических способностей…

Что до отца Сэйки, Фудзиты, приходящимся младшим братом пожилому оммёдзи, он нисколько ни возражал против усыновления, и безропотно перепоручил незаконнорожденного отпрыска заботам родича.

Кэйтиро удивлялся способностям своего ученика и планировал постепенно передать ему все знания. А когда мальчику исполнится лет четырнадцать-пятнадцать, устроить его в департамент. Но произошло нечто, несколько ускорившее ход событий…

Как-то раз, один состоятельный аристократ пригласил Кэйтиро в свой дом, расположившийся на третьей линии Хэйана, на западной окраине, дабы оммёдзи составил его семье астрологическое предсказание будущего.

Мужчина согласился (ведь услуги оммёдзи стоят весьма прилично), и, взяв с собой Сэйки, отправился к аристократу.

Успешно сделав все предсказания и прогнозы, Кэйтиро, получив оплату, засобирался домой. Он погрузился в повозку. Погонщик повёл запряжённых волов к воротам…

Не успели они покинуть поместье, как сгустились сумерки. Кэйтиро тотчас задремал в экипаже. Тем временем, одиннадцатилетний Сэйки шёл следом позади повозки, на некотором расстоянии от неё. Мальчика одолевали дурные предчувствия…

Вдруг он понял, что к ним приближаются демоны. Сэйки подбежал к экипажу и принялся будить своего учителя.

– Дядя, проснитесь! Скорее! – волновался мальчик.

– А, что такое? – Кэйтиро пробудился с громким всхрапом. – Зачем ты меня разбудил? До нашего дома ещё далеко!

– К нам приближаются демоны!

Сонный Кэйтиро не почуял приближение потусторонних сил, и мысленно решил, что у его ученика просто разыгралось

воображение.

– Я уже рассказывал тебе, что делать в таких случаях, – зевая, вяло ответил он. – Действуй…

Решив посмотреть, как же поведёт себя Сэйки, оммедзи из окна повозки протянул ему соль, отпугивающую демонов и злых духов, и коротко сказал:

– Возьми это, заклинания ты знаешь.

Обиженный недоверием дяди мальчик взял баночку и с помощью её содержимого очертил большой круг, в который вошли экипаж, волы и прислуга. Он сам вошёл внутрь круга, затем прочитал заклинание…

Едва он закончил читать магические слова, как вдруг мимо них пронёсся порыв холодного ветра. Воздух наполнило множество голосов: смеющихся, рыдающих, что-то повторяющих…

Погонщик волов испуганно осел на землю. Животные нервно забили хвостами и взволнованно замычали. Кэйтиро, с ужасом про себя отметил: как он мог не заметить раньше приближение столь мощных потусторонних сил?

Вскоре голоса и порыв ветра скрылись за пределами города. Повозка вновь двинулась в путь.

Всю обратную дорогу до дома Кэйтиро был молчалив и задумчив. Его поразила духовная чувствительность Сэйки, и отныне он решил почаще прислушиваться к своему ученику. Когда же мальчику исполнилось тринадцать, дядя поспешил пристроить своего племянника на службу в Оммё-рё…

…По прибытии в Сливовый павильон, Кэйтиро и Сэйки сразу отправились в печально известные покои госпожи Микуни Норико. Любопытствующие наложницы и их фрейлины, в том числе и Комати, собрались недалеко от комнаты. Им было крайне интересно, как же оммёдзи собираются изгонять духа?! Впрочем, подойти очень близко никто из них не решался: вдруг душа Норико прогневается? Дамы решили наблюдать с безопасного на их взгляд расстояния.

Но вопреки их ожиданиям, мужчины медлили, тихо переговаривались между собой и совсем не спешили приступать к некоему сложному ритуалу…

Разобрать о чём они говорили, к сожалению, не представлялось возможным. Снедаемая любопытством Комати подошла немного ближе остальных фрейлин, и до предела напрягла слух. С большим трудом ей удалось разобрать слова:

– Я чувствую, что дух госпожи Норико чем-то сильно растревожен, – говорил Сэйки, – боюсь, если мы проведём ритуал изгнания, это не принесёт должного результата… И будучи столь

разгневанной, вряд ли она сама явится к нам и поведает в чём дело.

– Соглашусь с тобой, – кивнул Кэйтиро. – Полагаю, сначала нам необходимо узнать причину столь сильного гнева. Возможно, это как-то связано с госпожой Катоко и новорожденным принцем Куниясу. Ибо дух проявил себя после рождения ребёнка…

– Нам стоит побеседовать с наложницами из этого павильона и служащими им фрейлинами. Узнать как можно больше об отношениях госпожи Катоко и госпожи Норико… Если не узнаем ничего стоящего, придётся поговорить с Нефритовой госпожой Дзюнси и микадо…

Старый оммёдзи лишь печально вздохнул в ответ на замечание ученика. Мысленно он надеялся, что до последнего не дойдёт, ибо всё может ещё больше усложниться, если в этом деле как-то замешены император или его супруга…

– Полагаю, нам понадобится помощь одной из фрейлин, – заметил Кэйтиро. – Всё же женщины охотнее открывают секреты себе подобным… Согласится ли только какая-нибудь из дам? Ведь многие очень бояться духов…

Он и Сэйки обвели взором собравшихся в коридоре женщин. Тут их взгляд упал на Комати. По её сосредоточенному выражению лица оммёдзи поняли: она слышала их разговор.

Комати, в свою очередь, заметив, что на неё смотрят, прямо спросила:

– Господа оммёдзи, что-то случилось?

– Мы думаем, госпожа, что нам понадобится помощь одной из фрейлин, – ответил Кэйтиро.

Оно-но мысленно отметила: "Жаль, что Кэнси сейчас дома! Она бы сама предложила помочь, ибо её просто притягивает всё сверхъестественное…" Впрочем, любопытство снедало и её саму, тем более что первой плач из покоев услышала именно она, посему поэтесса ответила:

– Конечно, я помогу вам…

* * *

В тот же день, Кэйтиро испросил дозволения у императора Ниммё поговорить со всеми наложницами, занимающими Сливовый павильон и их фрейлинами, дабы узнать причину гнева покойной госпожи Норико.

Вскоре, оммёдзи и Комати разместились в одной из свободных комнат Сливового павильона. Они приглашали по одной даме и беседовали с ней. Разговор вела преимущественно

поэтесса, оммёдзи сидели чуть поодаль, без лишней необходимости не вмешивались.

Комати спрашивала о покойной наложнице, об её отношениях с госпожой Катоко. Не ссорились ли они незадолго до смерти Норико? Не было ли у них конфликтов?

Недавно поступившие на службу дамы лично не знали госпожу Норико. Те же фрейлины, что давно пребывали при дворе, как одна утверждали: наложница из рода Микуни скончалась от болезни. Незадолго до трагедии между ней и госпожой Катоко не случалось никаких споров, а там более раздоров.

Ни к чему не привели и разговоры с наложницами. Женщины сами терялись в догадках, не понимая причин происходящего. Даже госпожа Катоко недоумевала, чем навлекла на себя подобный гнев.

– Мы не конфликтовали с госпожой Норико, – поведала она. – Честно признаться, я почти её не знала. Она заболела через несколько месяцев после того, как я прибыла в Сливовый павильон. Вскоре она покинула этот мир… Император очень скорбел после её смерти…

Катоко выглядела вялой и взволнованной. Из-за болезни сына она плохо спала, часто вставая по ночам, дабы проверить, как себя чувствует мальчик. Глаза наложницы покраснели, и под ними залегли тёмные тени, с трудом скрываемые толстые слоем макияжа.

Ответив ещё на несколько вопросов, Катоко покинула комнату и поспешила проведать Куниясу.

Комати не услышала от своей госпожи ничего нового. Всё то же самое, что говорили и другие дамы… Оммёдзи тем временем внимательно наблюдали за женщиной. Когда наложница покинула комнату, Сэйки тихо сказал Кэйтиро:

– Похоже, она говорит правду, и на самом деле не знает причину ярости духа.

Кэйтиро лишь вздохнул. Он понимал, что если не справится с этим нелёгким делом, это нанесёт непоправимый урон его репутации. На миг он пал духом. В голове крутились мысли: что же делать? Они опросили уже столько людей, но всё бесполезно! Ни единой зацепки!

Пока оммёдзи предавался печальным думам, Комати, тем временем, пригласила в комнату другую наложницу императора Ниммё, госпожу Фудзивару Такуси[63].

Госпожа Такуси, внешне приятная женщина тридцати лет, выглядела значительно моложе своего возраста. Даже невзирая на то, что за время своего пребывания во дворце родила императору

четырёх детей: троих принцев Мунеясу[64], Токиясу[65], Санеясу[66] и девочку, принцессу Синси[67].

Голубое верхнее кимоно наложницы, расшитое серебряными снежинками и зимними узорами искрилось при дневном свете, из-за чего кожа женщины казалась светлее. Это придавало ей сходство с неким мистическим существом, пришедшим из другого мира. Длинные чёрные волосы Такуси были украшены серебряными заколками, что лишь усиливало сверхъестественность образа.

Несмотря на внешнюю привлекательность и хорошие манеры, Комати никогда не чувствовала ни малейшей симпатии к этой женщине. И причина этому крылась отнюдь не в том, что Оно-но служила другой госпоже. Просто, что-то в образе дамы заставляло юную фрейлину относиться к ней с настороженностью…

– Госпожа Такуси, мы хотели бы немного поговорить с вами о покойной госпоже Норико, – вежливо поклонилась Комати.

Она и наложница расположились на татами друг напротив друга.

– Госпожа Норико была любимой наложницей императора, – ответила женщина. – Даже когда в Сливовый павильон вошла госпожа Катоко, и микадо уделял ей много внимания, он не забывал о госпоже Норико. Но, увы, вскоре она заболела и покинула этот мир… Помню, микадо долго скорбел, так он любил её… До сих пор, ни одна из наложниц больше не пользуется столь огромным его расположением…

Дама сделала скорбное лицо. Но Комати показалось, что в голосе Такуси проскользнули ревнивые нотки. Фрейлина вспомнила, как однажды случайно слышала, что ещё до появления Норико, особым расположением императора долгое время пользовалась Такуси. После смерти Норико, микадо, хоть и благоволил к госпоже Катоко, но вновь начал уделять внимание бывшей фаворитке.

В голове девушки начала складываться картина возможного развития событий… В разум закрались подозрения….

Проницательный Сэйки, внимательно наблюдавший за наложницей, тоже подметил тональность её голоса. Всё время, что Комати беседовала с ней, оммёдзи одолевали дурные предчувствия. Ему казалось, что он физически ощущает волну отрицательных эмоций, распространяющуюся от госпожи Такуси. Но не только это беспокоило его: от женщины исходило ещё что-то… Нечто подобное, юный оммёдзи чувствовал в прошлом году, рядом с одним пожилым служащим Оммё-рё, который вскоре умер от старости.

"Она как-то связана со смертью госпожи Норико? –

промелькнула у него мысль. – Но почему тогда дух гневается на госпожу Катоко, что даже наложил проклятие на её сына?"

Тем временем, Комати задала наложнице ещё несколько вопросов. Дама, дав убедительные ответы, покинула комнату.

Едва она вышла, закрыв за собой раздвижную дверь, в помещении воцарилась тишина. Госпожа Такуси была последней из женщин Сливового павильона, остальных уже опросили.

– Мы так и не узнали ничего нового… – вздохнул Кэйтиро. – Вероятно, придётся беседовать со служанками из других павильонов и дворцов, возможно, им что-то известно…

Комати, утомлённая общением с многочисленными дамами, с ужасом представила себе необходимость продолжать опрашивать остальных обитательниц двора. "О, Аматерасу! – мысленно взмолилась она. – У меня от них уже голова идёт кругом! Но раз уж согласилась помогать, придётся терпеть до конца… "

– Я испрошу у императора разрешения опросить женщин из других павильонов, – продолжал тем временем пожилой оммёдзи. – Если он даст позволение, то приступим к этому завтра…

Он выглядел крайне расстроенным. Кэйтиро очень беспокоился за свою репутацию. Не говоря уже о столь желанной награде, которую, оммёдзи явно не получит в случае неудачи.

Сэйки и Комати тем временем молча сидели на татами, предаваясь каждый своим думам. Тишину, воцарившуюся в покоях, нарушали лишь голоса фрейлин и слуг, раздававшиеся за перегородкой.

Наконец, после изрядно затянувшейся паузы, поэтесса произнесла:

– Господин Кэйтиро, господин Сэйки, а что вы думаете о госпоже Такуси?

Пожилой оммёдзи в изумлении посмотрел на фрейлину. Что он думал об этой наложнице? Ничего… На его взгляд она также ничего не знала. Но почему Комати спросила о ней?

– Мне показалось, что она может что-то знать о событиях, связанных со смертью госпожи Норико или же иметь какие-то соображения на этот счёт, но по каким-то причинам умолчала об этом, – осторожно заметил Сэйки.

На самом деле он заподозрил, что дама может оказаться непосредственно в них замешенной. Но высказывать столь смелые предположения в Сливовом павильоне, заполненном лишними ушами (через тонкие сёдзи можно без труда подслушать разговор), весьма рискованно.

Комати, разделяла его подозрения. Но, как и он, предпочла прямо о них не говорить:

– Мне показалось также…

Она встала, и осторожно приоткрыв сёдзи, выглянула в коридор. В длинной галере сейчас никого не было. Фрейлина поспешила вновь закрыть перегородку, и присев рядом с оммёдзи настолько близко, насколько позволяли правила приличия, тихо заговорила:

– Возможно, моё предположение слишком самоуверенное, но нет ли случайно в оммёдо способа узнать прошлое конкретного человека?

Кэйтиро и его племянник задумались.

– Увы, но оммёдо не всемогуще, – с сожалением признался пожилой оммёдзи. – Когда дух желает о чём-то поведать, обычно он является сам. Если же он не выходит на контакт, мы ничего не может поделать… Хотя, конечно, есть ещё один способ поговорить с госпожой Норико, но он в некотором роде опасен…

– Ещё один способ? – оживилась Комати.

– Да, – кивнул Кэйтиро, – но как я уже говорил, всё не так просто…

Фрейлина с недоумением переводила взгляд то на него, то на Сэйки. Оба оммёдзи показались ей чем-то смущёнными. Что же это за способ такой? – терялась она в догадках.

– Чтобы живому человеку поговорить с духом умершей женщины, необходимо провести особый ритуал. С его помощью, можно на время вселить дух в женское тело. На это требуется разрешение его хозяйки… – пояснил Сэйки. – Однако, это очень опасный ритуал, и если что-то подойдёт не так, последствия не предсказуемы… Ни одна дама не согласится пойти на такой риск.

Комати ощутила неприятный холодок, пробежавший змейкой по позвоночнику. Её живое сознание тотчас нарисовало страшную картину: разгневанный призрак вселяется в неё, а затем разрывает на множество маленьких кусочков… Всё вокруг устилают кусочки кожи, костей и мяса, пол залит кровью… Кровь пропитывает собой татами, обагряя их в алый цвет. А дух в образе покойной наложницы стоит посередине этого хаоса, держит в руках голову девушки с застывшем выражением ужаса на лице, и зловеще улыбается…

Фрейлина нервно сглотнула. Ей было очень страшно, она чувствовала, как бешено колотится сердце. Вдруг, её осенило: "Если всё пройдёт успешно, – подумала она, – меня наградит сам император за помощь в изгнании призрака…"

Мысленно прикинув возможную величину награды, Комати, пытаясь подавить дрожь в голосе, произнесла:

– Я согласна принять участие в ритуале, если это принесёт пользу императору и поможет госпоже Катоко и принцу Куниясу.

* * *

Чуть позже, вечером, по настоянию Кэйтиро, коридор и помещения, прилегающие к покоям Микуни Норико, были освобождены от праздных зевак и в них поставлено несколько стражников, дабы никто посторонний не появился во время проведения ритуала. Ибо от духов можно ожидать чего угодно и лишние меры предосторожности никогда не помешают.

Кэйтиро, Сэйки и Комати вошли в комнату покойной наложницы. Оммёдзи принесли предметы необходимые для проведения ритуала. Они расстелили на полу длинный и широкий свиток бумаги и начали рисовать на нём круг. Вокруг него, они дополнительно насыпали соли, на случай, если дух женщины прогневается и сможет прорваться сквозь первую линию защиты. Затем, Сэйки чуть поодаль расставил пять свечей в металлических подсвечниках.

Комати, дабы не мешать, тихонько стояла в сторонке, пытаясь подавить волнение. Ей было страшно принимать участие в предстоящем действе. Она чувствовала, что ее ладони похолодели, словно лёд зимой. Даже ногти приобрели нездоровый лиловый оттенок. Сердце то учащенно билось, то замирало. А нижнее кимоно стало влажным от пота.

"Успокойся, – говорила она сама себя, – здесь два оммёдзи, к которым обратился за помощью сам микадо! Вряд ли император Ниммё стал бы просить помощи у неумелых служащих!"

Тут же ей вспоминался Тадамори Накатоми, который не справился с возложенной на него задачей по изгнанию духа. Оно-но совсем сникла и почувствовала жгучее желание посетить дамскую комнату.

Стараясь из последних сил взять себя в руки, она представила, как её наградят после успешного завершения ритуала. Сладкие мысли о золотых обанах, отрезах шёлка и драгоценностях сделали своё дело, и фрейлина немного успокоилась.

Тем временем, Кэйтиро и Сэйки закончили все необходимые приготовления.

– Госпожа Комати, – позвал Сэйки, – всё готово. Для начала ритуала войдите, пожалуйста, в круг, нарисованный на свитке. Только, прошу вас, осторожнее: не повредите линию из соли…

Девушка кивнула и, подобрав полы своего длинного одеяния, аккуратно вошла в круг. Расправив внутри него кимоно (благо, предусмотрительные оммёдзи нарисовали круг достаточно большим), она спросила:

– Что мне необходимо сделать дальше?

– Просто стойте в круге, и ни при каких обстоятельствах не покидайте его, – ответил Кэйтиро. – Сейчас мы прочитаем заклинание, вызывающее неуспокоенную душу госпожи Норико…

Комати нервно сглотнула. Ей снова захотелось посетить дамскую комнату, а ладони стали ещё холоднее. "Всё будет хорошо, всё будет хорошо… – мысленно говорила она себе. – Думай о награде…"

Кэйтиро начал читать заклинание. Сэйки стоял рядом, держа в руках амулет, усиливающий эффект магической формулы.

Вскоре Оно-но почувствовала, как её окутывает холод. В покои Микуни ворвался порыв холодного ветра. Пламя свечей задрожало, но не погасло. Несколько секунд спустя, оно взвилось ввысь, окрасившись в синий цвет.

Фрейлина почувствовала сильное давление извне и боль во всём теле. Казалось, каждый кусочек её плоти готов разорваться на мелкие частички. Она хотела закричать, но из горла вырвался лишь сдавленный сип. Не в силах больше устоять на ногах, Комати упала на колени.

Вдруг боль отступила также внезапно, как и пришла. Девушка попыталась встать, но тело её не слушалось. "Что такое?" – растерянно подумала она. Она не могла ни перевести взгляд, ни заговорить. Внутри она ощутила нечто инородное, постороннее, заполнившее её от головы до пят. Ей показалось, что она чувствует себя гостем в собственном теле.

Спустя несколько мгновений, она против собственный воли поднялась на ноги, как если бы её телом управлял кто-то другой. И, воззрившись на оммёдзи, спросила не своим голосом:

– Зачем вы призвали меня?

– Вы госпожа Микуни Норико, наложница императора, что умерла шесть лет назад в этих покоях? – спросил Сэйки.

– Да, – коротко ответила "госпожа Норико".

– Госпожа, прошу, поведайте нам, в чём причина вашего гнева? Почему вы плачете в своих покоях? И зачем вы наслали проклятие на новорожденного принца Куниясу?

Лицо "Норико" исказилось от гнева.

– Я не насылала проклятие на принца Куниясу! – взвилась она. – Преступление совершила женщина, что извела меня с этого света! Посему я и плачу, ибо её амбиции и ревность непомерны! Даже младенца не пощадит!

Сэйки и Кэйтиро изумлённо воззрились на "наложницу". Дело принимало несколько неожиданный оборот…

– О какой женщине вы говорите? – робко спросил Сэйки.

– О Фудзиваре Такуси, конечно же! – презрительно фыркнула "госпожа Микуни".

У Кэйтиро округлились глаза. Его племянника, напротив, подобный ответ не очень удивил.

Пока изумлённый дядя терялся в догадках, зачем матери четырёх детей императора совершать нечто подобное, юный оммёдзи спросил:

– Ради чего она это сделала? И почему вы так уверены в её виновности?

– Она всегда пользовалась особым расположением императора, – ответила "Норико". – Во всяком случае, до тех пор, пока я не вошла в Сливовый павильон. Стоило мне появиться, как внимание микадо принадлежало только мне. Но госпожа Такуси из-за ревности задумала извести меня, и подкупила одну из своих верных служанок, дабы та подсыпала мне в еду медленнодействующий яд. В итоге, он возымел действие… Со стороны это выглядело как болезнь… К тому времени, как госпожа Катоко прибыла в Сливовый павильон, я уже была больна… – тут голос женщины дрогнул.

– И вы покинули этот мир, – констатировал Кэйтиро.

"Наложница" утвердительно кивнула.

– То есть госпожа Катоко не причастна к вашей смерти? – уточнил оммёдзи.

– Нет, – ответила "Норико", – она здесь не причём…

– Но почему вы так уверены, что за этим стоит госпожа Такуси?

– Моя душа не отправилась сразу в другой мир, – ответила женщина, – ибо я подозревала, что в болезни, погубившей меня, замешан яд. Посему, я решила выяснить, кому оказалась столь неугодной, и осталась в Сливовом павильоне. Я услышала разговор госпожи Такуси и той самой служанки. Служанка была полна сожалений и намеревалась покинуть дворец. Её хозяйка испугалась, что она может проболтаться, и при первой же возможности тайно подлила ей в питьё яд… Конечно, в смерти простой прислужницы никто разбираться не стал. Это событие задержало меня, и я решила остаться и наблюдать за Такуси, дабы та никому больше не причинила вреда…

Такуси много раз задумывала погубить и госпожу Катоко, пользующуюся расположением микадо, но боялась вызвать лишние подозрения. Когда госпожа Катоко понесла ребёнка, Фудзивара задумала дерзкий план: извести и ненавистную ей наложницу, и её дитя! И когда на свет появился принц Куниясу, она заказала через своего отца, Фудзивару Фусацугу, талисман с проклятьем. Должна заметить, амбиции её родителя тоже неимоверны! Он без возражений согласился помочь дочери извести другую женщину и достал тот талисман! Если на нём

написать имя и закопать в землю под домом, человек начнёт болеть, пока, наконец, не умрёт… Такуси закопала талисман под Сливовым павильоном, под той частью здания, где находятся покои соперницы и принца Куниясу…

"Наложница" сделала небольшую паузу.

– Она хотела разыграть всё так, словно это госпожа Катоко отравила вас, и теперь ваш дух гневается на неё? – догадался Сэйки. – Тогда она избавилась бы и от принца и от соперницы.

– Совершенно верно, – ответила "Норико", – на это она и рассчитывала. Я являлась ей во снах, пыталась заставить одуматься, но, увы… Она испугалась, и добыла защитный талисман… Посему, отныне я не могу ни явиться ей, ни тем более причинить какой-либо вред. Тогда-то я и начала плакать от отчаяния в своих покоях. Ритуал каннуси ненадолго успокоил меня, но я не могу уйти так просто, пока Такуси продолжает творить свои злодеяния…

"Наложница" закончила свой рассказ. Оммёдзи молчали. Воцарившаяся в помещении тишина нарушалась лишь потрескиваем горящих свеч. Их потустороннее синее пламя, в отличие от обычного, алого, не согревало, а холодило, распространяя вокруг лёгкий морозец.

Тишину прервал Кэйтиро:

– Понимаю ваш гнев, госпожа… Но мы не можем просто так выдвинуть обвинения против госпожи Такуси, ибо у нас нет доказательств, что именно она закопала талисман с проклятием… Единственное, что мы можем сделать: выкопать его и провести очищающий ритуал над принцем.

"Норико" нахмурилась. По её сосредоточенному выражению лица становилось ясно, что она размышляет. После недолгой паузы она произнесла:

– Я понимаю, что выдвинуть против неё обвинения непросто. Что ж, по крайней мере, помогите принцу: он просто младенец… Я же успокоюсь только тогда, когда та женщина покинет этот мир…

Вдруг по комнате вновь пробежал порыв сильного ветра. Пламя свечей задрожало и опять стало красным, распространяющим живительное тепло.

У Комати закружилась голова, и она осела на колени. Фрейлина пребывала в некой растерянности, недоумённо хлопая глазами и озираясь по сторонам.

– Госпожа, с вами всё в порядке? – подбежали к ней обеспокоенные оммёдзи, помогая подняться.

– Да, – растерянно ответила фрейлина, понимая, что власть над телом вновь вернулась к ней. – Что с духом госпожи Норико?

– Она покинула ваше тело, и теперь вы можете выйти из круга, – ответил Кэйтиро. – Ритуал прошёл благополучно…

– Но нам нужно ещё кое-что сделать: выкопать и уничтожить талисман, – напомнил Сэйки.

* * *

Госпожа Такуси в беспокойстве мерила шагами свои покои. Её одолевали дурные предчувствия, и женщина не находила себе места от волнения.

В прошлый раз, когда император посылал в злополучную комнату каннуси, дабы он вместе с мико изгнал неупокоенный дух, Такуси была спокойна. Она не верила в сверхъестественные способности Тадамори Накатоми, считая его просто искусным актёром, проводящим обряды.

Но оммёдзи совсем другое дело… И про Абэ-но Кэйтиро, и про его племянника Сэйки при дворе ходило множество невероятных слухов. К большинству из них наложница относилась со здоровым недоверием. Но в то же время прекрасно понимала, что слухи не возникли на пустом месте, ибо многие придворные успели сами неоднократно убедиться в способностях служащих Оммё-рё…

Такуси опасалась, что дух Норико может явиться мужчинам и поведать об истинной причине своей смерти: об отравлении и о талисмане с проклятием, предназначенным для принца Куниясу.

"Что тогда будет со мной? – беспокоилась Фудзивара. – Что будет с моей репутацией? Что будет с моими детьми? Микадо, наверняка, прикажет меня казнить, сыновьям даст фамилию Минамото[68] или Тайра[69] или сошлёт в отдалённую провинцию! А дочь отправит служить мико в отдалённый храм или же выдаст замуж за простого служащего!"

Опасения госпожи Такуси были не напрасными. Минамото называли род, происходивший от детей императора. Им отказывали в статусе принцев и переводили в ранг подданных, предоставляя эту фамилию.

Впервые, подобное начал практиковать император Сага[70], правивший тридцать лет назад. Он пожаловал фамилию своему седьмому сыну, считавшемуся лишним претендентом на престол, Минамото Макото. И уж если прецедент имел место быть в прошлом, мог повториться и в будущем…

Госпожа Такуси начала нервно дёргать рукав своего верхнего лилового кимоно. Воображение тотчас нарисовало ей, как микадо переводит её детей в ранг поданных. Минамото Мунеясу,

Минамото Токиясу, Минамото Санеясу… И мико Синси, отосланная служить богам в Идзумо[71] или какое-нибудь всеми забытое место…

Наложница опустилась на татами рядом с низким столиком из резного дерева. Она налила себе сливового вина в чашу и залпом её осушила. Напиток растёкся теплом по телу и слегка притупил чувство беспокойства.

Она извлекла из-под многослойного кимоно талисман, защищающий от духов, и посмотрела на него. Золотистая подвеска блеснула в свете свечей. Такуси заказала эту вещицу, как только Норико начала являться ей во снах, пытаясь образумить. Благодаря искусно изготовленному талисману, слова морали покойной соперницы наложницу более не беспокоили…

Убрав талисман обратно под одежду, Такуси решила выйти подышать свежим воздухом. Она вызвала служанок, и те помогли госпоже облачиться в тёплое кимоно.

Женщина покинула свои покои, и неторопливо направилась к выходу из Сливового павильона. В коридорах было тихо и пусто: суеверные дамы и фрейлины, прознав о ритуале по призыву духа, старались без лишней надобности не покидать своих комнат.

Такуси вышла из Сливового павильона. Вечерний морозный воздух ударил ей в лицо, холодя кожу и проясняя разум. Сливовое вино тотчас выветрилось из головы, и беспокойство не преминуло вернуться. Но возвращаться обратно, в свои покои, наложница не пожелала.

Она неторопливо продолжила свою вечернюю прогулку. Снег скрипел под ногами, лёгкий ветерок доносил голоса слуг из других павильонов.

Наконец, Фудзивара достигла небольшого дворцового прудика, через который был перекинут горбатый мостик в китайском стиле. Летом, наложница любила стоять на нём, и любоваться на цветущие лотосы.

Сейчас, прудик затянула плотная ледяная корка, запорошённая снегом, искрящимся от падающего на него света из павильонов и дворца.

Женщина немного постояла на мостике. Казалось душевное равновесие медленно возвращается к ней…

Она уже собралась отправиться обратно в свои покои, как вдруг поскользнулась. Всё произошло настолько быстро, что госпожа Такуси не успела даже вскрикнуть. Она потеряла равновесие и упала, ударившись виском прямо о резные перила мостика.

Брызнула кровь. Там, где упали алые капли, снег подтаял, и приобрёл розоватый оттенок. Наложница резко побледнела, её

остекленевшие глаза смотрели прямо перед собой мёртвым взором…

* * *

Тем временем Кэйтиро, Сэйки и Комати отдавали распоряжения нескольким слугам. Те в свою очередь недоумевали, но послушно, согнувшись в три погибели, разгребали снег и копали замёрзшую землю под Сливовым павильоном, в той части здания, где расположились покои госпожи Катоко и принца Куниясу.

Наконец, лопата одного из слуг наткнулась на нечто небольшое и твёрдое.

– Господин Кэйтиро, господин Сэйки, госпожа Комати, я что-то обнаружил! – крикнул он, выползая из-под павильона.

Оммёдзи и фрейлина тотчас бросились к нему.

– Что ты нашёл? Показывай! – требовательно воскликнул Кэйтиро.

Слуга извлёк из земли некий небольшой предмет и протянул его колдуну.

– Вот, – сказал он, – похоже на какой-то талисман. Вы его искали?

Кэйтиро взял в руки находку. Это оказалась небольшая металлическая пластинка с выгравированными по краям иероглифами и с вдетыми в специальные углубления цветными шнурами и нитями. Посередине металлической поверхности крепилась ещё одна пластина, на сей раз деревянная. На ней убористым почерком, отменными чернилами было написано: "Принц Куниясу".

– Да, это то, что мы искали… – облегчённо вздохнул оммёдзи, рассматривая сей предмет.

Про себя он отметил: "Талисман подобной работы стоит недёшево… Госпожа Такуси и её отец явно не пожалели средств…"

Вслух же он сказал, обращаясь к слугам:

– Вы можете быть свободны.

Слуги, выбрались из-под павильона, откланялись и поспешили удалиться. Они прекрасно поняли, что здесь замешаны некие потусторонние силы, и, будучи людьми суеверными, по возможности не желали с этим связываться. И потому лишних вопросов не задавали.

Едва они скрылись из вида, Сэйки спросил:

– Дядя, мы уничтожим этот талисман? Или же предъявим его

микадо, как доказательство вины госпожи Такуси?

Кэйтиро задумался. На самом деле, он ещё не решил, как лучше будет поступить в подобной ситуации. Его одолевали сомнения: один талисман недостаточное доказательство, и выдвигать обвинения против наложницы самого императора будет делом рискованным… К тому же, связываться с родом Фудзивара совсем не хотелось…

– Для начала, мы разрушим его чары, – после некоторой паузы ответил оммёдзи. – Затем, составим гороскоп и предсказание, как будет лучше поступить…

Сэйки разделял колебания дядя, посему не стал возражать. Тем временем, хранившая до сих пор молчание Комати, спросила:

– Если моя помощь больше не нужна, могу ли я удалиться?

– Да, конечно, госпожа, вы, должно быть, устали, – отозвался Кэйтиро.

Фрейлина, изрядно впечатлённая призывом духа и интригами госпожи Такуси, поспешила покинуть общество оммёдзи, дабы спокойно поразмыслить над произошедшим. Она не заметила, как Сэйки проводил её долгим взором. Юноша отметил про себя, что поэтесса красива, умна и обаятельна.

…Оно-но не направилась сразу в свои покои. Она решила немного прогуляться и привести мысли в порядок. Комати намеревалась посетить небольшой дворцовый прудик, с перекинутым через него мостиком в китайском стиле. Летом, там расцветали прелестные лотосы, созерцание которых побуждало поэтессу к созданию новых стихотворений.

Неспешно прогуливаясь, девушка размышляла, что дворец предстал перед ней совсем в ином свете – интриг и зависти. Конечно, она слышала, что в давние времена имели место политические заговоры и бесконечные дворцовые интриги. Но за время её службы не произошло ничего подобного, и Комати даже не подозревала, что оказывается, сравнительно недавно, одна наложница отравила другую. А потом попыталась избавиться от очередной соперницы, причём вместе с ребёнком…

Так размышляя, Комати достигла живописного пруда. Приблизившись к мостику, фрейлина заметила, что на нём что-то лежит.

Изумлённая девушка ускорила шаг, по мере приближения поняла: посредине мостика лежит обездвиженная женщина.

"Неужели какой-то даме стало дурно?" – растерянно думала она, идя так быстро, насколько позволяли длинные одежды и увязающие в высоком снегу ноги.

– Госпожа, вам плохо? Госпожа, вы слышите меня?.. – Фрейлина склонилась над женщиной, намереваясь привести её в

чувство, и тут же в ужасе отпрянула. Дамой "без сознания" оказалась никто иная, как сама госпожа Такуси. Её кожа была неестественно бледна, а остекленевшие глаза смотрели прямо перед собой. На виске запеклась кровь.

Комати издала крик, который нарушил вечернюю дворцовую тишину.

Глава 7

Стояло начало лета. Прошло несколько месяцев со времени странных событий, происходящих в Сливовом павильоне.

Кэйтиро и Сэйки разрушили чары талисмана, и принц Куниясу быстро пошёл на поправку. Пожилой оммёдзи, не желавший связываться с родом Фудзивара сочинил историю, представляющую всё в несколько ином свете, и поведал её микадо.

Он рассказал, что причиной болезни принца послужило проклятие, наложенное госпожой Норико. Душа наложницы была преисполнена сожалениями, что так рано покинула сей мир из-за болезни, не успев родить императору ребёнка. Посему и не смогла упокоиться.

И когда родился принц Куниясу, дама Микуни из-за сильных сожалений и ревности наслала на дитя болезнь. Но она осознала свою ошибку, и, поведав, как снять чары, упокоилась с миром. Удовлетворённый подобным рассказом, микадо повелел провести службу за упокой духа бывшей наложницы.

Также, император Ниммё приказал щедро наградить Кэйтиро, Сэйки и участвующую в этом деле Комати.

Госпожу Такуси похоронили со всеми почестями, как и подобает её статусу наложницы императора и матери его четырёх детей. Микадо, не ведающий о её злодеяниях, был безутешен, долго оплакивая возлюбленную.

Популярность Комати после этих событий возросла. Весь двор долго обсуждал, как она позволила призвать духа в своё тело и помогла оммёдзи снять проклятие с принца. Госпожа Катоко прониклась к своей фрейлине ещё большей симпатией и даже, в знак признательности подарила дорогую заколку.

Подруга поэтессы, Кэнси, успешно разрешившаяся здоровым мальчиком, решила не возвращаться ко двору, посвятив себя воспитанию сына. Но Хироцугу, продолжавший служить при дворе и поддерживать общение с двоюродной сестрой, поведал своей супруге об удивительном происшествии. Кэнси направила Оно-но письмо, желая узнать подробности контакта с духом лично от девушки.

Тем временем, придворные решили во чтобы то ни стало снискать внимание поэтессы и постоянно присылали ей письма с признаниями и стихотворения.

Комати поначалу смущало столь повышенное внимание. На её взгляд она не совершила ничего особенного: призвали духа и сняли проклятие с принца служащие Оммё-рё.

Она часто ловила себя на мысли, что ей нравится Сэйки. Но оммёдзи, хоть и испытывал симпатию к фрейлине, не подозревал о её чувствах. И поразмыслив, решил не соперничать за её внимание с другими, на его взгляд, более достойными, кандидатами. В конце концов, он незаконнорожденный сын из далеко не самого могущественного клана. С чего бы столь популярной и красивой даме выбрать именно его?

Комати же, не получив от него знаков внимания, и не подозревая о мыслях оммёдзи, решила, что она ему безразлична. Если бы нормы приличия не были столь строгими, она бы сама написала ему письмо и прямо обо всём спросила! Но, увы, правила дворцового этикета не позволяли женщине отправить подобное послание…

И фрейлина, не без влияния своей сестры Каори, в итоге ответила на письма Тайры Куниёси, служащего Налогового департамента. Куниёси оказался приятным молодым человеком двадцати одного года. Он уже был женат, но искал себе визитную супругу.

Поразмыслив над предложением стать визитной женой, Комати дала согласие, но решила и на сей раз не покидать двор, продолжив служить госпоже Катоко.

Её отношения с новым мужем складывались весьма удачно. Куниёси часто посещал её и постоянно твердил ей, что никогда не оставит.

Комати, вспоминая своего первого супруга, мысленно с тоской отмечала, что Сигэмори говорил ей когда-то то же самое. Но судьба, увы, распорядилась иначе, разлучив их на девяносто девятый день брака…

Конечно, Куниёси не отправился бы подавлять восстание эмиси, ибо он не гвардеец, а служащий. Но кто ему мешал в дальнейшем завести новую визитную жену или наложницу?

* * *

Стояло начало осени. Листва деревьев золотилась в лучах солнца, окрашивая Хэйан в жёлто-оранжевые тона. Знатные дамы и следовавшие моде зажиточные горожанки сменили кимоно летних цветов на одеяния, более подходящие осеннему сезону. И теперь сами сливались по цвету с деревьями, словно большие листья.

В один из таких дней, Каори, как обычно исполняющая свои обязанности фрейлины Нефритовой госпожи Дзюнси, получила письмо из провинции Дэва, от своего бывшего супруга, Оно-но

Ацутады. Увидев послание, женщина нахмурилась: что нужно этому мужчине, который предпочёл ей какую-то дикарку? Она теперь служит при дворе и стала визитной жена другого человека! И нынешняя жизнь её вполне устраивает!

И впрямь, второй муж Каори, Татибана Охира, служащий Налогового департамента, исправно посещал её, хоть и обзавёлся недавно ещё одной визитной женой (совершенно забыв про законную супругу). По слухам, особой юной и прелестной…

Служба при дворе, конечно, была порой утомительна, но женщина твёрдо решила не покидать её. На случай если Охира решит предпочесть Каори свою новую визитную супругу. Пусть, сейчас фрейлина с ним в хороших отношениях, но кто знает, что будет дальше?

…Женщина с ненавистью взяла в руки свиток, и едва удерживаясь, дабы не разорвать непрочитанное послание на маленькие кусочки, испросила разрешения у Нефритовой госпожи ненадолго отлучиться. Дзюнси, пребывавшая в прекрасном расположении духа и слагавшая стихотворения, милостиво соблаговолила.

Каори поспешила в свои покои и с нескрываемым раздражением бросила свиток в сундук с одеждой. Пелена гнева застелила глаза. Фрейлине внезапно захотела вновь увидеть Ацутаду и Оину, но отнюдь не для беседы по душам, а дабы расцарапать им лица и высказать всё, что о них думает. Пусть это и не достойно поведения приличной женщины…

Понимая, что не может предстать перед госпожой в столь разгневанном виде, Каори, дабы немного привести мысли в порядок, опустилась на татами перед низким столиком, и придвинула к себе тушечницу и лист бумаги. Несколько мгновений спустя, она небрежно написала:

"В заливе этом нет морской травы,
О, бедный мой рыбак!
Ты этого, наверное, не знаешь?
И от усталости изнемогая,
Все бродишь здесь…"[72]

Стихосложение и впрямь благоприятно воздействовало на расстроенную женщину. Ощутив прилив спокойствия, она поспешила вернуться к своим обязанностям, решив прочитать письмо вечером.

* * *

Каори благополучно забыла про письмо от Ацутады на целую неделю. Неизвестно, когда бы она про него вспомнила, если бы не одно пренеприятное событие.

Её новый муж, Охира, как известно, обзавёлся ещё одной визитной супругой: шестнадцатилетней дочерью среднего служащего. Будучи уже человеком солидного возраста, дабы проявить себя с лучшей стороны, Татибана перед посещением юной особы принимал снадобье, увеличивающее мужскую силу.

Снадобье действовало безотказно. Мужчина тотчас же начинал чувствовать прилив энергии, ощущал себя моложе лет на пятнадцать-двадцать, и спешил на встречу к прелестнице.

Но, как известно, ни одним снадобьем злоупотреблять не стоит… Охира, весьма часто принимавший чудесный эликсир, несколько раз чувствовал покалывание в левой стороне груди. Но не придавал сему значения и как ни в чём ни бывало отправлялся с визитом к молодой жене.

В тот день, когда случилась трагедия, служащий Налогового департамента почувствовал лёгкое недомогание, но рассудив, что ничего страшного в этом нет, отправился в очередной раз к юной супруге.

Прибыв в её дом, Охира поспешил дать волю желаниям. Поначалу всё шло успешно, но на сей раз, недомогания дали о себе знать.

Мужчина почувствовал резкую боль в груди, когда возлежал на возлюбленной. На миг он замер, ещё не осознавая, что происходит. Молодая женщина, удивлённая столь быстрым окончанием любовной связи, изумлённо посмотрела на мужа.

– Что-то случилось? – спросила она.

Татибана хотел ответить, но не успел. Его вновь пронзила резкая боль и в следующее мгновение он замер на супруге с остекленевшим взором. Женщина несколько секунд недоумённо взирала на возлюбленного, пока наконец не поняла, что произошло.

Её испуганный крик огласил дом, и она выбежала из своих покоев в одном лишь небрежно накинутом нижнем кимоно.

– Скорее, позовите лекаря! Господину Охире плохо!

Перепуганные родственники и прислуга юной особы поспешили послать за лекарем. Но, увы, он уже был не в силах помочь служащему, ибо Татибана Охира скончался от разрыва сердца…

Его законная жена восприняла эту новость достаточно спокойно, ибо их отношения охладели давно, и мужа она видела крайне редко. Хотя и испытала некое сожаление по отношению к мужчине.

Каори искренне опечалилась, хотя особо долго горевать по новому супругу тоже не намеревалась. Больше всех переживала его вторая визитная жена: всё-таки он умер прямо во время соития…

…Каори, пребывая в грусти, сидела вечером за низким столиком в своей комнате во дворце. Женщина хотела разогнать тоску и горечь утраты сложением стихотворений, но слова не шли в голову.

Фрейлина наблюдала за пламенем потрескивающей свечи. Тени от неё падали на чистый лист бумаги, на котором фрейлина так ничего и не написала.

Вдруг, сама не зная почему, дама вспомнила о письме, пришедшим ей неделю назад от бывшего мужа. Решив наконец-то смягчиться и прочитать послание, Каори подошла к сундуку и извлекла из него свиток.

Развернув письмо, она принялась за чтение. Оно гласило:

"О, Каори! Пишу тебя из провинции Дэва. В начале осени сего года заканчивается моё назначение судьёй. Мне предлагали продлить его, но я отказался, попросив дозволения вернуться обратно в Судебный департамент в столице. У Оины родился здоровый мальчик, которого назвали Мунаката. Но сама она, увы, умерла родами…

С тех пор, как ты покинула меня, прошло больше года. За прошедшее время я многое осознал. Я был ослеплён красотой Оины, и несправедливо забыл о тебе. Когда я вернусь в обратно в Хэйан вместе с Мунакатой, надеюсь, что ты простишь меня, и мы сможем наладить прежние отношения.

Оно-но Ацутада".

Закончив читать, фрейлина безжалостно скомкала письмо и поднесла его к свече. Пламя быстро захватило тонкую белую бумагу, в воздухе заклубился дым, и повеяло запахом гари. Каори поспешила проветрить комнату и приоткрыла внешние сёдзи.

"Ацутада! Неужели ты и впрямь думаешь, что я смогу тебя простить?" – ярилась фрейлина из-за бывшего мужа.

Но всё же, в глубине души, она почувствовала некое сожаление, что их брак исчерпал себя. И в глубине души у неё зародилось сострадание к Оине, безвременно покинувшей сей мир, и к её ребёнку, оставшемуся без матери…

* * *

Тем временем, час Собаки приближался к своему исходу. Фудзивара Фусацугу, отец покойной госпожи Такуси, пребывал в

своих покоях в роскошном доме на Первой линии.

Скорбь после трагической кончины любимой дочери постепенно утихла, уступив место привычным сердцу Фусацугу амбициям.

Увы, но его должность министра двора, совершенно не удовлетворяла его тягу к власти. Сановнику давно хотелось нечто большего, что могло бы дать столь желанную власть и увековечить его в истории!

Но министр двора лишь занимался делами императорской семьи. И когда левый или правый министр отсутствовали по каким-то причинам, замещал их… Фусацугу явно не хватало возможностей для реализации своих непомерных амбиций.

Его дочь, госпожа Такуси, при жизни очень походила на отца. С раннего детства она мечтала стать императрицей. С возрастом в разум юной девушки начали закрадываться мысли о том, что даже просто быть императрицей недостаточно. Вот если бы она могла родить сына и стать при нём регентом!

Но, увы, амбициям госпожи не суждено было сбыться. Хоть она и родила императору трёх сыновей, место законной супруги микадо занимала другая женщина, Нефритовая госпожа Фудзивара Дзюнси.

Впрочем, это досадное обстоятельство недолго печалило Такуси. У Дзюнси за всё время родился лишь один сын, а история знала случаи, когда правителями становились сыновья наложниц…

Женщина поделилась своими соображениями с отцом, и он не преминул оценить коварный замысел дочери.

После отравления соперницы Микуни Норико, они планировали постепенно извести госпожу Катоко, завоевавшую расположение микадо. Освободив ложе императора от лишних соперниц (к жене он давно не испытывал интереса), Такуси и Фусацугу планировали отравить сына Нефритовой госпожи Дзюнси, принца Митиясу. Тогда бы микадо назначил наследником одного из сыновей Такуси: старшего Мунеясу или среднего, но более сообразительного Токиясу. А уж как убрать в таком случае императора – лишь дело времени.

Вероятно, если бы не досадное трагическое событие, амбициозному министру двора и его дочери удалось бы воплотить в жизнь дерзкий замысел. Впрочем, небеса распорядились иначе…

Но Фудзивара Фусацугу не намеревался просто так отступать: после смерти Такуси он вознамерился сам стать регентом.

Ещё раз, обдумав план, он пришёл к умозаключению, что будет лучше сначала убрать императора, на случай, если после

смерти старшего сына он решит назначить приемником отпрыска от другой наложницы. Ибо, как известно, в жизни всё непредсказуемо, и лишний раз, в толь деликатном деле, подстраховаться не повредит…

И только после смерти микадо, избавиться от юного принца Митиясу. Ведь его невеста, Фудзивара Акиракейко, ещё не вошла в брачный возраст. Да и наложницами Митиясу ещё не успел обзавестись, посему о его наследниках речи не шло…

Если император и сын от госпожи Дзюнси скончаются, государственный совет будет вынужден избрать императора из числа сыновей наложниц. И тогда, внук Фусацугу, принц Мунеясу станет неоспоримым претендентом на престол. Конечно, десятилетний Токиясу был куда более способным и многообещающим ребёнком, но как известно, умного государя сложнее подчинить своей воле…

Фусацугу, сидящий за столиком, придвинул к себе письменные принадлежности. Взяв лист отменной китайской бумаги, и обмакнув кисть в чернила, министр двора написал:

"Любезный Фудзивара Коун! Мы давно с вами не виделись и не беседовали по душам. Прошу, в ближайшее время почтить своим визитом мой дом на Первой линии.

Фудзивара Фусацугу".

Письмо получилось на редкость кратким, но мужчину результат его труда более чем удовлетворил. Скатав послание в свиток, и перевязав ярко-голубой шёлковой лентой, он поспешил отправить его с надёжным слугой.

Фудзивара Коун, коему предназначалось послание, приходился Фусацугу двоюродным братом, занимавшим место заведующего парфюмерной мастерской при дворе. Должность эта считалась прибыльной и не трудной, многие желали получить её.

Мастерская изготавливала благовония для самого микадо, Нефритовой госпожи Дзюнси, наложниц, принцев и принцесс. К нему обращались и высокопоставленные служащие с жёнами и дочерьми, и фрейлины из состоятельных семей… Одним слово, дело господина Коуна процветало.

Коун, подобно родственнику обладал определёнными амбициями, но в отличие от него, куда более скромными. Он издавна мечтал стать министром двора, но эту должность уже занимал Фусацугу. Посему, мужчина решил довольствоваться своим местом и стремиться коль уж не к власти, то к материальному благосостоянию наверняка.

Деньги и золото, драгоценные камни и украшения – вот что он поистине любил! Всю свою жизнь парфюмер занимался накоплением богатств и их тратой, благо, жалование позволяло.

Сначала он купил себе прекрасный дом на второй линии, обставил его резной китайской мебелью и ширмами, расписанными искуснейшими мастерами.

Обустроив своё жилище, удачно выдав двух дочерей замуж и пристроив сына на хорошую должность в Департаменте Церемоний, заведующий парфюмерной мастерской, в один прекрасный день понял, что не знает, куда дальше тратить средства.

Коллекционирование предметов искусств особо удовольствия мужчине не принесли. Обзаводиться множеством наложниц и визитных жён на его взгляд было утомительно, ибо всем женщинам нужно уделять внимание.

Тогда-то, несколько лет назад, он и попробовал дорогие индийские специи, привезённые китайскими торговцами. Даже вкус привычного риса становился совершенно иным, благодаря новым приправам. И восторженный служащий понял, на что он будет дальше тратить сбережения…

…Фусацугу прекрасно знал о страсти своего двоюродного брата к деньгам, вкусной еде и индийским специям. На взгляд министра двора, с таким человеком просто найти общий язык.

Он всё больше и больше убеждался в состоятельности своего дерзкого замысла, уже предвкушая, как он воплотится в жизнь…

* * *

Фудзивара Коун вертел в руках письмо с приглашением от Фусацугу. Едва только посыльный доставил ему послание, парфюмер сразу заподозрил: родственнику что-то от него надо. Он ещё не знал, насколько оказалось верным его чутьё…

Решив не откладывать дело в долгий ящик, мужчина тот час отписал ответ и отправил его двоюродному брату с тем же посыльным. В ответе говорилось, что парфюмер намерен нанести визит министру двора в этот же вечер, в середине или на исходе часа Петуха.

По мере приближения условленного времени, Коун всё больше и больше беспокоился. С наступлением часа Обезьяны он едва скрывал волнение, с трудом удерживаясь от того, чтобы не начать ходить кругами по мастерской. К счастью, его подмастерья настолько оказались поглощены созданием нового благовония для Нефритовой госпожи Дзюнси, что не заметили беспокойства господина.

Когда работа была наконец-то завершена, подмастерья поспешили по домам. Парфюмеры, будучи людьми творческими,

редко задерживались на службе. Вслед за ними покинул мастерскую и Коун.

Направившись к своему экипажу, он приказал погонщику быков отвезти его ни домой, как обычно, а в дом своего родственника, Фудзивары Фусацугу. Погонщик, человек весьма флегматичного склада характера ничуть не удивился просьбе и послушно повёл животных в нужном направлении. Волы, подобрались ему под стать, такие же флегматичные. С ленивым мычанием животные нехотя сдвинулись с места. Повозка покатилась по улице…

Когда, наконец, экипаж достиг дома министра двора на первой линии, парфюмер покинул свой экипаж. Внезапно его охватило ещё более сильное волнение и дурное предчувствия. Но, превозмогая эмоции, он решительно направился к воротам.

…Фусацугу встретил родственника с нескрываемой радостью. Но министр двора не спешил переходить прямо к сути дела. Сначала братья пили сливовое вино и беседовали о жизни: делились новостями, рассказывали о своих семьях.

Когда на взгляд Фусацугу наступил подходящий момент, он спросил:

– Коун, могу ли я положиться на тебя в одном очень деликатной деле?

Парфюмер понял: сейчас брат назовёт причину, по которой пригласил его.

– В каком деле? – осторожно спросил он.

– Сначала пообещай мне, что наш разговор останется только между нами.

– Обещаю… – нехотя ответил парфюмер министру, догадываясь, что сейчас его втянут в нечто рискованное, и у него нет другого выбора, кроме как согласиться.

Фусацугу придвинулся к брату и, понизив голос начал излагать свой дерзкий замысел:

– Скажу прямо, я хочу, чтобы мой внук Мунеясу стал императором…

При этих словах Коун вздрогнул и, округлив глаза, изумлённо уставился на родственника. По спине парфюмера пробежал неприятный холодок, на лбу выступила испарина. Фусацугу же уверенно продолжал:

– И мне требуется твоя помощь.

– Чем же я могу помочь? – растерянно спросил парфюмер, чувствуя, что происходящее нравится ему всё меньше и меньше.

– Я хочу, чтобы ты изготовил особые благовония для микадо. В них должен непременно войти вот этот ингредиент… – министр двора встал с татами и подошёл к китайскому резному шкафчику.

Открыв один из многочисленных ящичков, он извлёк некий пузырёк с таинственной жидкостью и протянул его Коуну.

Парфюмер прекрасно догадался, что это, но всё же спросил:

– Это яд?

Фусацугу расплылся в лисиной улыбке. Его родственник почувствовал, что покрывается холодной испариной, а сердце колотится в бешеном ритме.

– Просто добавляй совсем понемногу в благовония микадо. Содержимое этого пузырька начнёт действовать не сразу, и всё будет выглядеть так, будто император Ниммё болен… Если справишься, я в долгу не останусь. Ты хотел бы в будущем занять моё место министра двора?

Выражение лица парфюмера приобрело заинтересованное выражение, глаза загорелись, жажда денег и власти перебороли страх. Хотел бы?! Да, он мечтал о этой должности очень давно! Жалованье у министра двора гораздо выше, чем у заведующего парфюмерной мастерской, а забот не намного больше!

Министр, видя реакцию родственника, понял, что слова его достигли цели.

– Я всё сделаю, – отбрасывая сомнения, ответил Коун.

– И помни, о нашем маленьком деле никто не должен узнать…

– Никто и не узнает, я сохраню эту тайну, обещаю. Посему, можешь положиться на меня…

Глава 8

Наступила середина осени. Но, несмотря на время года, погода стояла сухая и тёплая. Характерные для сего сезона дожди шли редко, и всю влагу быстро осушало солнце и южный ветерок.

Двоюродный брат Комати, Хироцугу перевели в другой департамент. Там он получил высокую должность и назначение в область Нисиномию, посему, недавно покинул Хэйан. Его супруга Кэнси и их маленький сын отправились вместе с ним.

Нефритовая госпожа Дзюнси, ставшая поклонницей творчества Оно-но Комати, захотела видеть поэтессу в своей свите. И фрейлину госпожи Катоко перевели из Сливового павильона на службу в Кокидэн. Девушка восприняла это как серьёзное повышение, и решила приложить все усилия, дабы укрепить своё положение при дворе ещё больше. Комати и её старшая сестра Каори стали видеться чаще, ибо служили вместе Нефритовой госпоже.

Отношения Комати и Тайры Куниёси продолжались. Но фрейлину терзали сомнения: ведь визитные браки часто не выдерживают испытание временем! Хотя Куниёси и продолжал посещать её достаточно часто. Томимая мрачными думами поэтесса вдруг вспомнила о давнем совете своей подруги Кэнси, с которой поддерживала связь. Совет сей заключался в том, дабы попробовать обработать какую-нибудь старинную легенду. После некоторых раздумий, Комати выбрала историю о Лунной принцессе Кагуя, известную всем жителям Хэйана сызмальства, и начала свою работу.

Нефритовая госпожа Дзюнси, прознав о задумке своей фрейлины, распорядилась снабдить её кисточками для письма, тушечницами и бумагой отменного качества. Императрице натерпелось послушать легенду полностью в литературной обработке.

Сестра поэтессы, Каори, за прошедшее время получила ещё несколько писем от Ацутады. Но прощать бывшего супруга не намеревалась, твёрдо решив остаться на службе фрейлины и скопить, как можно больше средств.

Всё шло своим чередом, пока при дворе не поползли слухи о том, что императору нездоровится. И впрямь, здоровье микадо по неизвестным причинам медленно ухудшалось.

Придворные лекари ломали голову над происходящим, не понимая, причину недуга. Император Ниммё соблюдал предписанную ими диету и распорядок дня, не перенапрягался, принимал лекарства и укрепляющие настойки… Всю его еду

предварительно пробовали слуги, посему мысли о медленнодействующем яде быстро исключили.

В один из дней, когда микадо почувствовал себя хуже, его посетила мысль обратиться к Абэ-но Кэйтиро и его племяннику Сэйки, которые уже помогли принцу Куниясу.

Оммёдзи, провели очищающий обряд, но, увы, он не принёс должного результата. Помня предыдущий опыт, они вместе со слугами обыскали всю землю под той частью дворца, где располагались покои императора. Но, увы, поиски опять ничего не дали…

Сэйки, теряясь в догадках, начал посещать дворцовую библиотеку, надеясь найти ответ на вопрос в древних трактатах. Кэйтиро же в это время безуспешно пытался подобрать подходящий ритуал очищения…

* * *

Стоял погожий осенний вечер. В это время года, в начало часа Собаки становилось темно, как ночью. Но, невзирая на ночные сумерки, окутавшие Хэйан, было достаточно тепло и посему во дворце и за его пределами, кипела жизнь.

У Комати на этот раз выдалось свободное время. Фрейлина давно хотела что-нибудь почитать из дворцовой библиотеке, и не преминула воспользоваться выпавшей возможностью.

Поэтесса поспешила в библиотеку, и, достигнув цели, углубилась в поиск интересных свитков. Ей хотелось погрузиться в чтение произведений поэтов давних времён или же изучить дневник некой придворной дамы, жившей лет сто-двести тому назад…

За время своей службы, поэтесса ознакомилась уже со многими произведениями. И, увы, найти что-то стоящее из того, что она ещё не успела прочитать, представлялось весьма затруднительным.

– Это я уже читала, и это тоже… – тихо бормотала она себе под нос, перебирая многочисленные свитки. – Это начинала, но не понравилось, слог дамы крайне слаб… О, Аматерасу, почему я не могу найти ничего подходящего?

Комати возвела глаза к потолку, но Аматерасу на небе безмолвствовала. Помещение книжного хранилища тоже ответило поэтессе тишиной: кроме неё и молчаливого библиотечного служащего здесь никого не было.

Библиотечный служащий по своему обыкновению сосредоточенно составлял опись каких-то свитков, бесконечно без

устали упорядочивая их.

Вдруг фрейлина услышала в стороне шелест бумаги. Снедаемая любопытством, она пошла на звук. Осторожно выглянув из-за стеллажа с книгами и свитками, она обнаружила Сэйки.

Оммёдзи, расположился на татами за низким столиком и, обложившись множеством трактатов, что-то сосредоточенно листал. Видимо, нужные сведения упорно не попадались, и мужчина со вздохом откладывая свиток, брался за другой.

– Господин Сэйки? – удивилась Комати.

Оммёдзи оторвался от своего кропотливого занятия и несколько рассеянно воззрился на фрейлину.

– О, госпожа Комати… Вы тоже решили посетить библиотеку?

Поэтесса кивнула.

– Да, я хотела взять что-нибудь почитать… Вы тоже?

Она с интересом окинула взором кипу свитков, лежавших подле собеседника. На одном из раскрытых свитков, фрейлина заметила название: "Труд о ядах и их применении".

"Неужели, микадо всё-таки отравили..?" – промелькнуло в голове у девушки.

– Я хотел изучить трактаты о ядах, – тем временем признался оммёдзи. – Я нахожу болезнь императора весьма странной… Пусть его еду и проверяют на наличие яда, но до конца это предположение отметать нельзя…

Комати на миг задумалась. В словах оммёдзи определённо был смысл. Ещё немного поразмыслив, скучающая фрейлина, так и не нашедшая, что ей почитать, предложила:

– Может быть, я могу помочь вам в поисках нужного свитка?

– Буду только рад, – не стал отказываться от помощи оммёдзи.

Поэтесса расположилась рядом на татами и вместе с Сэйки принялась перелистывать многочисленные труды, в поисках похожих случаев.

Перелистывание трактатов и изучение свитков по надлежащей тематике продолжались достаточно долго. Пока Комати, открывшая одну из старинных книг, не прочла:

"Правитель Удзи[73] *скоропостижно скончался на третий год своего правления. Некоторые учёные мужи более позднего периода предполагают, что причиной тому послужило отравление через одежду, за которым стоял его брат Нинтоку, сам желавший власти.*

Для подобного отравления, одежда пропитывалась ядом медленного действия. Человек, носящий сии одеянии начинал медленно заболевать. Здоровье постепенно ухудшалось, пока

человек не умирал".

– Взгляните, господин Сэйки, – фрейлина протянула ему книгу, – здесь говорится об отравлении через одежду.

Оммёдзи с неподдельным интересом взял в руки книгу, и пробежал взглядом по старинным иероглифам. На несколько мгновений он поражённо замер. В его голове крутились самые разнообразные мысли, складывающиеся в логичную картину произошедшего. Постепенно, его лицо прояснилось:

– Госпожа Комати, вам удалось обнаружить нечто удивительное! – воскликнул он.

* * *

В тот же день, Сэйки поспешил доложить дяде о находке фрейлины. Изумлённый Кэйтиро тотчас же отправился к императору и поведал ему о том, что его одежда может быть пропитана ядом. Если блюда микадо предварительно пробовали, значит, отравление имеет другой источник.

Ниммё, найдя слова пожилого оммёдзи разумными, не теряя времени даром, отдал приказ о смене слуг, отвечающих за его гардероб и постельные принадлежности. Прислугу бросили в темницу и учинили им допрос, но, увы, никто ничего не знал…

Портные в своих мастерских по срочному распоряжению принялись шить новые одеяния и необходимые постельные предметы принадлежности для микадо. Старые же, поистине бесчисленные одежды и принадлежности безжалостно сожгли.

При этом гарь столь сильно наполнила дворец, что многие дамы и придворные ходили, зажимая носы надушенными платками.

Когда с переменами в гардеробе было покончено, Кэйтиро вместе с Сэйки провели ещё один очищающий ритуал. Император, немного приободрившись, с надеждой ожидал улучшений своего драгоценного здоровья…

* * *

Тем временем, пока все при дворе были озабочены сменой императорского гардероба, Каори отпросилась со службы у госпожи Дзюнси, дабы проведать свою дочь.

Она достаточно давно не навещала Ханако, ибо не представлялось свободного времени. Нефритовая госпожа Дзюнси прекрасно поняла, что фрейлиной руководит не только

родительский долг. Ибо ещё несколько дам обратились к ней с просьбой отлучиться, дабы проверить своих детей или родителей. Императрица, тоже страдающая от гари, милостиво разрешила. И сама направилась к императору, с намерением испросить дозволения покинуть дворец, дабы навестить своего отца, левого министра Фудзивары Фуюцугу.

…Каори, тем временем, отправила свёкру и свекрови посыльного с вестью о своём намерении нанести визит.

Чуть позже, собравшись в путь, она села в экипаж, и погонщик быков повёл животных к воротам дворца. Вскоре повозка уже катилась по Первой улице, уверенно двигаясь в сторону дома родителей Ацутады, расположившемуся на Третьей линии.

Фрейлина слушала размеренный скрип колёс и выглядывала в небольшое окно. Её заполняла радость от предстоящей встречи с дочерью. Казалось, ничто не в силах испортить ей настроение…

Когда повозка, наконец, достигла своей цели, женщина сошла на землю. В доме её уже ждали, и поспешили встретить: из дверей вышла мать Ацутады, Сумирэ. Женщины едва успели обменяться вежливыми приветствиями, как вдруг во двор выскочила радостная Ханако.

Восьмилетняя девочка в ярком оранжевом кимоно буквально светилась от счастья.

– Ханако, как же я рада тебя видеть! – не сдерживая эмоций, Каори крепко обняла дочь.

– Мама, я рада, что ты приехала! – затараторила девочка в ответ. Ей натерпелось похвастаться: – Бабушка и дедушка купили мне новое кимоно! А отец привёз мне красивый гребень для волос! А ещё младшего братика!

При упоминании об отце и братике, Каори вдруг поняла: она напрочь забыла о том, что её бывший муж должен был вернуться в столицу… Причём не один…

Она взглянула на Сумирэ. Пожилая женщина поняла всё без слов, и подтверждающе кивнула: Ацутада и впрямь находился дома.

– Каори, он очень хотел увидеться с тобой и поговорить… – сказала она. – Только… Он прибыл не один, а как ты уже, наверное, поняла, с сыном от той дикарки. Признаться честно, мне от одного взгляда на этого ребёнка становится дурно!

При упоминании о мальчике, женщину всю передёрнуло.

– Он такой страшный? – полюбопытствовала фрейлина.

– Скорее неприятный… Бледный весь, глаза, как у демона… Впрочем, сама скоро увидишь… – поморщилась женщина.

Сумирэ могла понять, почему Каори не может простить её

сына. Если бы её супруг взял себе наложницу из эмиси, она поступила бы также. Конечно, мужчины часто брали наложниц и визитных жён, и большинство законных супруг мирились с подобным положением дел. Но одно дело, когда это были цивилизованные женщины, дикарки же совсем другое… Даже многие мужчины осуждали подобное.

А уж привозить с собой из провинции Дэва ребёнка от эмиси, Сумирэ считала крайне необдуманным шагом. Неужели нельзя оставить мальчика на попечение дедушки по материнской линии? Или дикари отказались принимать ребёнка, рождённого от мужчины не из их племени?

Но Сумирэ, несмотря ни на что, всё же приходилась матерью Ацутады. И, как родитель, не могла не поддержать своего ребёнка, хотя бы в его стремлении помириться с бывшей женой.

Каори же прекрасно догадалась, что имеет в виду свекровь. Поняла она и то, что нового внука женщина явно недолюбливает…

Фрейлина про себя решила, что если она просто поговорит с бывшим мужем, это не обяжет её сразу же его прощать. С такими мыслями она направилась в дом…

Ханако радостно крутилась вокруг матери. Женщина немного рассеянно отвечала ей, испытывая некое волнение. Всё же они не виделись с бывшим супругом достаточно давно, больше года.

Тем временем, Сумирэ проводила Каори в одну из комнат. Фрейлина увидела Ацутаду, который возился с очаровательным маленьким мальчиком, оживлённо ползающим по татами. Чуть поодаль, расположилась кормилица: полная и пышущая здоровьем женщина средних лет.

Каори догадалась, что мальчик никто иной, как Мунаката, сын Оины и Ацутады, но всё равно невольно залюбовалась ребёнком. На её взгляд он совсем не походил на дикаря, которого описала Сумирэ…

По подсчётам Каори, ребёнку исполнился примерно годик. Но он выглядел крупным и здоровым малышом, отчего казался немного старше. От отца он унаследовал похожие черты лица, а от матери светлую кожу и русые волосы. Глаза Мунакаты выражали неподдельный интерес к окружающему миру.

Завидев Каори, свою мать и Ханако мужчина подал знак, и кормилица, подхватив ребёнка на руки, поспешила откланяться и удалиться из комнаты. Когда она проносила Мунакату мимо Каори, фрейлина почувствовала, что сердце её дрогнуло…

Неожиданно для себя самой, она испытала искреннее сострадание к этому крошке, который так рано потерял мать. "Комати ведь тоже росла без матери, и отец покинул нас, когда ей

минуло всего лишь пять лет… – пронеслось у неё в голове. – Я тогда была слишком молода, и не смогла должным образом позаботиться о сестре… А кто будет заботиться об этом мальчике? Конечно, у него есть отец, но кто заменит ему мать? Неужели кормилица? Бедное дитя…"

Тем временем, Ацутада безуспешно пытался подобрать слова после долгой разлуки с бывшей супругой.

– Каори… Ты пришла… – только и смог вымолвить он.

– Да, – кратко кивнула она.

– Оставляю вас наедине, – сказала Сумирэ, и взяла за руку внучку, всё ещё крутившуюся вокруг матери. Девочке явно не следовало слышать разговор родителей: – Ханако, пошли, я угощу тебя сладостями.

Услышавшая волшебное слово "сладости", девочка без лишних вопросов последовала за бабушкой. Каори и Ацутада остались одни. Какое-то время женщина продолжала хранить молчание. В помещении воцарилась тягостная тишина.

Наконец, фрейлина прошла внутрь комнаты и опустилась на татами подле бывшего супруга.

– Ты хотел о чём-то поговорить со мной? – без лишних церемоний спросила она.

– Ты не отвечала на письма… В послании от моей матери я узнал, что за прошедшее время ты успела найти себе нового мужа, но недавно он умер… Это правда?

Каори неохотно кивнула, мысленно покорив Сумирэ за излишние подробности в переписке с сыном.

– Но всё равно, я хотел бы, чтобы ты вернулась ко мне, – продолжал мужчина. – Я многое осознал за прошедшее время, и понял, что несправедливо забыл о тебе, поддавшись красоте эмиси. Простишь ли ты меня?

Каори вдруг заметила, что за прошедший год её бывший супруг сильно постарел. Под глазами залегли тени, появились первые морщины. Видимо сказались волнения о сыне и трудная дорога из провинции Дэва…

– Что ты намерен делать с Мунакотой? – спросила она.

Ацутада немного замялся:

– Я хотел поговорить и об этом. Мне бы хотелось, чтобы он жил с нами…

Каори внимательно посмотрела на мужчину. Хотя обида всё ещё жгла женщину изнутри, она понимала будучи натурой достаточно сентиментальной, через какое-то время простит она простит бывшего мужа.

Мунаката же вызывал у неё сильное сочувствие, и ей хотелось позаботиться о ребёнке… Конечно, она любила Ханако, но всё

время мечтала ещё и о сыне. Посему, ради него Каори была готова простить бывшего мужа прямо сейчас.

– Хорошо, – сказала она, – я буду заботиться о нём, как о своём ребёнке.

Ацутада, не ожидавший от неё такого ответа, просиял от радости…

* * *

Фудзивара Коун занимался своим любимым делом. А именно: поглощением блюд с острыми индийскими специями.

Парфюмер сидел за низким столиком, на котором расположились рис, тушёные овощи, рыба и суп с мисо[74]. Такие обыденные на первый взгляд блюда, благодаря новым приправам приобрели необычный вкус, способный удовлетворить даже самого заядлого гурмана.

Коун, ловко орудуя палочками, отломил себе внушительный кусок рыбы. Вдруг, мужчина почувствовал резкую боль в правом боку.

Он инстинктивно схватился за больное место. Увы, но такое уже периодически случалось. Как известно, за удовольствие приходится платить, и увлечение чрезмерно острой пищей не проходит бесследно.

Посему, время от времени парфюмер страдал болями в боку, изжогой и тошнотой. Кожа нестерпимо зудела, а моча стала тёмной. Коун несколько раз обращался к разным лекарям, и все, в один голос говорили, что ему просто необходимо соблюдать диету, ибо все симптомы указывали на разлив желчи.

Но подсевший на экзотические специи сановник не мог остановиться, и продолжал наслаждаться своими любимыми блюдами.

Однако, в последнее время, приступы боли и тошноты участились. Чувствуя, что неприятные ощущения в боку стремительно усиливаются, Коун встал из-за столика и позвал прислугу:

– Эй, кто-нибудь! Пошлите за лекарем!

Несколько служанок, находившихся в это время в коридоре, бросились исполнять приказ господина.

…Лекарь прибыл быстро. К этому времени, Коун уже лежал на футоне, корчась от нестерпимых болей.

Лекарь, уже не раз навещавший дом парфюмера, и прекрасно знавший о всех его проблемах со здоровьем, лишь вздохнул. Что он мог сделать, если больной сам отказывался принимать меры,

столь необходимые для лечения?

– Господин, вы опять ели острую пищу? – спросил он.

– Да, и что? Не верю, что это она виновата! – взвился служащий. – Лучше сделай что-нибудь!

Лекарь лишь вздохнул и приступил к осмотру…

* * *

Весь день Фудзивара Коун мучился от болей. Лекарства не помогали. Другие врачи, за которыми послала жена парфюмера, оказались бессильны. Они лишь разводили руками и говорили, что на такой стадии болезни ничего не могут сделать.

Коун, промучившись в болях и приступах тошноты весь день, к вечеру чувствовал себя ещё хуже. Хотелось кричать, но сил не было, и он лишь слабо стонал. Ночью он начал затихать, силы оставили его. А под утро он испустил дух…

Осматривавший его лекарь вынес вердикт: причиной смерти послужил разлив желчи в организме…

* * *

Фудзивара Фусацугу крайне опечалился, получив весть о смерти двоюродного брата. Его огорчила не только трагическая кончина безвременно ушедшего родственника, но и то, что его план по смещению императора пошёл крахом.

Министр двора не знал, как это стоит понимать? Как простое стечение обстоятельств? Или как провидение богов, покаравших парфюмера, и таким образом предупреждающим его, Фусацугу?

Мужчина решил, что ему стоит немного выждать, и посмотреть, как будут развиваться события. Он отправился в храм, и мысленно обратился к богам с просьбой: пусть следующим заведующим парфюмерной мастерской вновь станет Фудзивара.

Какого же было его разочарование, когда новым заведующим парфюмерной мастерской назначили представителя рода Татибана. Узнав сию весть, министр двора едва сдержался, дабы не издать полный отчаяния вопль.

Он пребывал в крайней печали: значит, боги всё же на стороне микадо. Возможно, что сама Аматерасу защищает своего потомка…

Огорчённый министр двора мысленно решил: ему придётся смириться с тем досадным фактом, что его внук, увы, не станет

императором, а он – регентом… Ибо с парфюмером из рода Татибана точно договориться не удастся…

* * *

Император Ниммё постепенно шёл на поправку. Не подозревая, что причиной его болезни стал Коун, добавляющий в благовония яд, микадо решил, что дело и впрямь, было в одежде или постельных принадлежностях, и щедро наградил Кэйтиро и Сэйки. Микадо даже посещали мысли повысить Кэйтиро до главы департамента Оммё-рё, но эту должность занимал Фудзивара Окада, один из родственников императрицы. Поэтому Ниммё ограничился просто щедрой наградой.

От слуг, отвечавших за гардероб и ранее брошенных в темницу, во время допросов так ничего и не удалось узнать. Посему, император решил просто понизить их в должностях, чтобы они занимались уборкой дворца.

Фудзивара Фуюцугу, левый министр и отец госпожи Дзюнси, поспособствовал в наборе новых слуг на освободившиеся места. И сам лично прислал верных проверенных людей из клана Фудзивара.

Фудзивара Фусацугу всё это время ходил, словно в воду опущенный, едва скрывая свою печаль. Но все, кто заметил его подавленное состояние, решили, что он огорчён смертью двоюродного брата. Однако его истинные мысли были далеко от этого.

Комати же, тем временем, завершила литературную обработку древнего предания о Лунной принцессе. Она зачитала свой труд императрице, и история стала пользоваться большим успехом при дворе…

Глава 9

Предание о Лунной принцессе, записанное Оно-но Комати[75].

Случилась эта история в давние времена. Жил тогда на свете один старик, и звали его Такэтори. Жил он тем, что ходил по горам и долинам, да рубил бамбук своим топором. А потом мастерил из него различные вещи на продажу. Посему и звали старика Такэтори – тот, кто добывает бамбук.

И вот, в один день, забрел Такэтори в самую глубину бамбуковой рощи. И видит удивительную вещь: одно деревце светится, словно внутри него огонек сияет. Немало удивился старик, да подошел посмотреть, что внутри. И вот диво! В глубине бамбукового стебля ярко сияла маленькая девочка. Такая крохотная, ростом всего в сяку[76].

Подивился старик и сказал:

– Сколько лет я уж собираю бамбук в лесу и плету из него корзины и клетки. А теперь досталась мне не клетка, а дитя! Видимо, суждено тебе, малышка, стать моей дочерью.

Осторожно взял на руки старик свою находку и отнес домой, к своей старухе. Старуха начала заботиться о девочке. Малышка, хоть и была прелестна, но столь крохотна, что вместо колыбели её положили в клетку для певчей птицы.

И с тех пор повелось: как ни пойдет Такэтори в лес, так непременно найдет чудесный бамбук, внутри которого золотые монеты. Стал старик понемногу богатеть.

А девочка, тем временем, росла очень быстро. Трёх месяцев не прошло, а она уж стала такой большой, словно девушка на выданье. Вот и сделали ей прическу, которую носят взрослые девушки: волосы вверх причесали и хвост завязали. И со всеми полагающимися в таких случаях обрядами и церемониями надели не нее кимоно с длинным шлейфом.

Старик Такэтори же ещё долгое время ходил в лес за бамбуком. И непременно находил дерево, полное золотых монет. И так, стал он настоящим богачом.

А когда его приемная дочь совсем стала взрослой, Такэтори призвал жреца и тот дал девушке имя: Лучезарная дева, стройная, как бамбук. Но все просто называли её Кагуя.

Это радостное событие праздновали три дня. Старик закатил пир и позвал туда всех без разбору. Песням и танцам не было конца! Славно люди повеселились на том торжестве!

* * *

Вести о необычайной красоте Кагуя разнеслись по всей стране и достигли ушей великого множества людей. И мужчины различных званий и сословий, простые и благородные, влюблялись в девушку даже с чужих слов. Все их мысли занимало только одно: как сделать Кагуя своей женой или хотя бы просто разок взглянуть на нее?

Женихи высокого происхождения часто прибывали в безвестное селение, где жила Кагуя со стариком и старухой. Пытались женихи передать красавице весточку через её домашних слуг, но, увы, ничем это не заканчивалось…

Однако многие упрямцы не отступали от своего. Все ходили и ходили они вокруг дома красавицы. Постепенно, те, чья любовь к Кагуя была неглубока, решили, что понапрасну ходить, впустую время тратить. Да оставили затею встретиться с девушкой.

Но из несметного множества женихов, остались пятеро мужчин, которые не желали отступать, во что бы то ни стало.

Первым из них был принц Исицукури, второй – принц Курамоти, третий – министр Мимурадзи. Четвертый служил советником при дворе императора, и звали его Отомо-но Миюки. А последний, пятый, оказался младшим чиновником по имени Исоноками-но Маро.

Однажды, женихи позвали старика Такэтори, и низко поклонившись ему, стали просить:

– Выдай замуж свою дочь за одного из нас!

Но старик им в ответ промолвил:

– Не родная она мне дочь, посему, не могу я её принуждать к подобному решению.

Разошлись влюбленные по домам, изрядно опечалившись. Дома стали они молиться богам и просить, дабы те исцелили их от любовного недуга. Но страсть упорно не покидала их сердца, и влюбленные мужчины вновь и вновь возвращались к дому неприступной красавицы… Время шло, дни и месяцы сменяли друг друга…

Наконец, в очередной раз, заметив женихов у ворот, Такэтори сказал дочери:

– Дочь моя! Ты – божество в образе человека, а я тебе не родной отец. Но всё-таки много я приложил забот, дабы воспитать и вырастить тебя. Посему, не послушаешь ли ты меня?

– Я готова выслушать всё, что ты мне скажешь. Не знала я до сих пор, что я – божество в обличье человека, и думала, что ты мой родной отец, – молвила Кагуя.

– Утешила ты меня добрыми речами! Так послушай! Мне уже

перевалило за семь десятков, долго живу я на свете, уж умирать скоро время придёт. И в этом мире так уж повелось, что мужчина сватается к девушке, и они женятся. И множится их семья, дом процветает. Посему, и тебе нельзя без замужества, – отвечал Такэтори.

Промолвила в ответ Кагуя:

– Зачем мне замуж выходить? Не по сердцу мне этот обычай.

– Хоть ты и божество, всё же родилась в женском образе. Что будет с тобой, когда я умру? А эти пятеро благородных мужей уже долгое время ходят к тебе свататься. Подумай, как следует, да выбери одного из них себе в мужья.

И ответила Кагуя:

– Не желаю я заключать брачный союз опрометчиво. И вовсе я внешне не красавица. Откуда же мне ведать, как глубока их любовь? Не пришлось бы потом горько плакать и печалиться!

– Ты говоришь так, словно читаешь мои мысли! Хочется тебе наверняка знать, как сильно любит тебя твой суженый. Но все женихи твои так постоянны… Их любовь наверняка очень крепка!

– Как можно столь уверенно говорить об этом? – отвечала Кагуя. – Ведь надобно их любовь проверить. На первый взгляд они все в равной степени меня любят. Но кто же любит сильнее? Чьи чувства крепче? Отец, передай им мою волю. Кто из них сумеет добыть то, что я пожелаю, значит, тот и любит меня сильнее. За него я и выйду замуж!

– Хорошо, да будет так, – согласился Такэтори.

И в тот вечер, как только начали спускаться сумерки на землю, женихи, как обычно, прибыли к дому красавицы. Вышел к ним Такэтори и говорит:

– Честно говоря, совестно мне перед вами. Вы столько времени напрасно ходите к моей убогой хижине! Говорил я своей дочери, что стал уж стар, умирать скоро, а к тебе женихи благородные сватаются. Выбери одного себе в мужья. А она мне отвечает, что желает испытать, насколько велика их любовь. Так уж она сильна, как они говорят? И сказала, что кто сумеет достать ей то, что она попросит, за того она замуж и пойдет.

Женихи согласились с требованием Кагуя. И тогда Такэтори передал свой разговор с дочерью женихам. И молвила красавица:

– Скажи принцу Исицукури, что есть в Индии каменная чаша. Она неприметная внешне, но на самом деле она не простая, а чудотворная, ибо сам Будда когда-то ходил с ней и просил подаяния. Пусть отыщет её, да привезет мне в подарок. Принцу Курамоти скажи, что в Восточном океане есть чудесная гора Хорай. А на ней растет необычное дерево. Его корни серебряные, ствол золотой, вместо плодов белые жемчужины. Пусть он сорвет

ветку с того дерева и привезет мне.

На миг задумалась Кагуя и продолжила:

– Министру Мимурадзи скажи, что есть в далеком Китае платье из шерсти Огненной мыши. Пусть он достанет его мне. Советник же пусть добудет для меня камень, что висит на шее у дракона и сверкает пятицветным огнем. А чиновник Исоноками-но Маро пусть достанет мне раковинку, помогающую легко и без мучений родить детей. Такая раковинка есть у ласточки.

Смутили речи дочери старика, и сказал он:

– Трудные задачи ты выбрала… Как же отыскать в дальних странах такие диковинные вещи? Как мне сказать, что ты требуешь?

– А что в этом трудного? – лишь улыбнулась Кагуя.

– Ох, пойду объявлять твою волю женихам… И будь, что будет.

Поведал Такэтори влюбленным о том, какие задачи им Кагуя определила. Мужчины вознегодовали:

– Ради чего она дала нам столь трудные задания? Уж лучше бы просто запретила сюда приходить!

И огорченные воздыхатели в очередной раз направились по домам…

* * *

Принц Исицукури жить не мог без прекрасной Кагуя. Ничто не радовало его без любимой. И стал он думать, как же ему быть? «Даже в далекой Индии, такая чаша одна-единственная, – размышлял он. – Вот преодолею я столь длинную дорогу, но неизвестно: найду ли я эту чашу или нет?»

Но принц был человеком хитрым. Посему, велел передать он девушке, что отправляется в далекую Индию на поиски чудесной чаши. А сам, тем временем, скрылся с людских глаз…

Три года минуло, никто его не видел. И вот, через три года, взял он первую попавшуюся чашу для сбора подаяний. Стояла она вся в копоти перед статуей святого в отдаленном храме. Принц положил чашу в мешочек из парчи, привязал к ветке с цветами и понес в дар красавице.

Кагуя удивилась, увидев принца с чашей. Она развернула письмо, что было вложено в чашу, и прочла его. Внимательно осмотрела девушку и саму чашу. И очень быстро поняла: принц совершил подлог. Посему, Кагуя отправила подарок обратно.

Крайне раздосадованный этим Исицукури в чувствах бросил чашу перед воротами. И с тех пор стали говорить: испить чашу

позора.

* * *

Принц Курамоти являл собой человека с глубоким умом. Он испросил себе отпуск при императорском дворе. Сказав при этом, что якобы собирается искупаться в горячих источниках. Кагуя же он велел передать, что отправляется на поиски жемчужной ветки на горе Хорай. И покинул столицу…

Разумеется, всё это было хитрой уловкой. На самом деле, принц тайно вернулся домой через три дня и заранее приказал, дабы к нему привели самых искусных ювелиров.

Построил для них Курамоти тайную мастерскую. И там, ювелиры по его указу изготовили точно такую же ветку, как желала Кагуя.

Когда работа была завершена, принц положил ветку в длинный дорожный ларец. Накинул на него покрывало, да повез в дар любимой…

Такэтори взял прекрасную ветку и отнес дочери. Посмотрела Кагуя на ветку и видит, что к ней привязан свиток с посланием. Прочитала его девушка. Но на прекрасный подарок и смотреть не желает.

Такэтори в этот момент вбежал в покои дочери и принялся уговаривать её, дабы она перестала упрямиться, и наконец-то, встретилась с принцем.

Опечалились Кагуя и погрузилась в глубокие думы. Но старик, не слушая дочери, начал скорее готовиться к свадьбе.

Однако спросил старик у принца:

– Где же растет дерево настолько небывалой небесной красоты?

И начал ему Курамоти рассказывать:

– В позапрошлом году отплыл я на корабле из гавани Нанива. Корабль вышел в открытое море, но куда держать путь дальше, мне было неведомо. И я решил: пусть корабль плывет по воле волн. Быть может, тогда я достигну столь желанной горы Хорай.

Корабль понесло в безбрежные и неведомые просторы океана, далеко от родной страны. Много бед встретилось на пути… Долго плыли мы, и приходилось нам сражаться со страшными чудовищами, что нападали на корабль. Так неслись мы на корабле в неизведанные дали, как вдруг показалась гора. Два-три дня плавали мы вокруг нее, любуясь её красотами.

Вдруг, из самых недр горы вышла дева в одеяниях, как у небесной феи. Дева принялась черпать воду из ручья серебряным

кувшинчиком. И тогда сошли мы с корабля на берег. И спросил я у девы:

– Как называется эта гора?

И дева молвила в ответ:

– Называется она гора Хорай.

И тут, она вдруг пропала в глубине горы. А сама гора круглая, нигде не видно подступа к её вершине. И стал я бродить по острову. Везде, на горных склонах росли деревья удивительной красоты, усыпанные невиданными цветами. Оказалось среди них и растение с жемчужными ветками. Я не осмелился ослушаться приказа прекрасной Кагуя. И посему, отломил одну жемчужную ветку.

Принц, наконец-то, закончил свой вымышленный рассказ. И тут, во двор через ворота вошли шестеро ювелиров. И стали они требовать от принца оплаты долга за изготовление жемчужной ветки.

Такэтори, видя такое дело, растерялся. А принц сильно смутился, ибо его обман раскрыли.

Кагуя сидела на веранде за ширмой и прекрасно всё слышала. И девушка промолвила:

– А я на самом деле поверила, что это ветка с горы Хорай! Но всё оказалось лишь низким обманом!

Ко всему прочему, выяснилось, что у принца нет денег, чтобы расплатиться с мастерами. Принцу стало стыдно, и он ни с чем покинул дом старика. Кагуя проявила сострадание к ювелирам и попросила отца наградить их за труды. Тот, в свою очередь, охотно выполнил просьбу дочери.

И с тех пор, про подобных принцу неудачников стали говорить: "Напрасно рассыпал он жемчужины своего красноречия".

* * *

Министр Мимурадзи вел своё происхождение из могущественного рода и обладал большими богатствами.

И получилось так, что в тот самый год, когда Кагуя велела ему найти наряд, сотканный из шерсти Огненной мыши, на корабле из Китая прибыл торговый гость по имени Ван Цин. Ему-то Мимурадзи и написал письмо с просьбой купить в Китае удивительную одежду.

Послание с деньгами министр доверил своему самому верному и надежному слуге по имени Фусамори. Тот поехал в торговую гавань Хаката, где пребывал китайский гость. И всё

передал ему в целости и сохранности.

Ван Цин в свою очередь написал, что одежды из шерсти Огненной мыши нет и в его стране. Однако он попробует разузнать у двух-трех самых богатых людей, нет ли этого товара в Индии? Если и там нет, Ван Цин обещал вернуть министру деньги вместе с надежным человеком.

Отправив послание с таким содержанием, Ван Цин вместе с Фусамори отбыли на корабле к берегам Китая. Много времени прошло, прежде, чем они вернулись в Японию. Фусамори послал своему господину письмо, что скоро прибудет в столицу. Но министр настолько сгорал от нетерпения, что выслал слуге навстречу самого быстрого коня.

На нем Фусамори добрался до столицы всего за семь дней. Он вручил своему господину послание от Ван Цина, где говорилось, что торговец приобрел наряд из шерсти Огненной мыши в отдаленном индийском храме. Однако потратил куда большую сумму, посему требует возврата долга. И только после этого передаст наряд министру.

Министр возликовал и без раздумий вернул долг китайскому торговцу. Тот прислал ларчик, в котором лежал чудесный наряд. Он был сшит из ткани цвета густой лазури, а кромка отливала золотом. Платье украшали дивные камни, переливающиеся всеми цветами радуги. Ни один наряд всего мира не мог сравниться по красоте с этой одеждой!

Ибо ни водой ткачи очищали ткань из шерсти Огненной мыши, а жарким пламенем. И из огня ткань выходила ещё прекраснее прежнего.

Министр любовался прекрасной вещью, понимая, почему Кагуя так желала этот наряд. Мужчина вновь убрал одежду в ларчик и привязал к нему цветущую ветку дерева. Затем, облачился в свои лучшие одежды и направился к дому Кагуя…

Мимурадзи подошел к воротам дома красавицы и стал ждать, пока его не впустят. Скоро ему навстречу вышел старик Такэтори. Он принял от гостя чудесные одеяния и пошел показать их дочери.

Старик не подвергал сомнению, что чудесный наряд соткан из шерсти Огненной мыши, но девушку одолели сомнения. И после недолгих раздумий, она решила:

– Нужно бросить эту одежду в огонь! Если она поистине из шерсти Огненной мыши, то пламя не возьмет её, а я поверю, что наряд настоящий! И уступлю просьбам министра.

– Пожалуй, это справедливо, – согласился старик и передал слова девушки министру.

Тот, услышав про это, пожалел прекрасный наряд. Но

поскольку не сомневался в его подлинности, тут же согласился предать одежду пламени.

И вот, одежду бросили в жаркий огонь… Пых! И она сгорела дотла.

– Подделка! Вы сами видите, что это подделка! – торжествующе воскликнула Кагуя.

У министра лицо позеленело, и стало даже зеленее травы. Пришлось ему ни с чем возвратиться домой. С тех пор при таких неудачах стали говорить: «Погорело его дело, дымом пошло!»

* * *

Советник Отомо-но Миюки попробовал добиться руки и сердца любимой несколько иным путем. Он собрал всех своих слуг и домочадцев и сообщил им, что на шее у дракона есть сияющий пятицветный камень. И тот, кто добудет ему этот камень, тому советник даст всё что угодно. И приказал он слугам найти камень.

Слуги покинули дом господина, разделили между собой еду и одежду, которую им дали в дорогу, да разбрелись кто куда.

А тем временем, советник приказал построить для Кагуя великолепный дворец. Его стены покрыли лаком с резными золотыми и серебряными узорами. Кровлю украсили бахромою из разноцветных нитей. И стала она походить на драгоценный ковер. Во всех покоях повесили прекрасные парчовые ткани и приказали их расписать искусным художникам.

Советник же ждал своих слуг, которые ушли за чудесным камнем. Но вот уж год кончился, новый начался, а от них по-прежнему не было никаких вестей. И решил тогда влюбленный сам отправиться за драконьим камнем.

Сел он на корабль и пустился в странствие по морям. Достиг он моря у берегов Цукуси.

Вдруг поднялся сильный ветер. Всё вокруг потемнело, словно весь мир охватило тьмой, и корабль понесло неизвестно куда. Казалось, что вот-вот его поглотит морская пучина. Гром гремел в небе, а молнии озаряли небо ослепительными вспышками. Советник буквально потерял голову от страха.

– Какой ужас! Я в жизни не был в такой беде! Что же мне теперь делать, как же спастись?

– Наверняка, морской дракон наслал на нас этот страшный шторм! – отвечал кормчий, тоже потерявший надежду. – Надо бы помолиться ему и попросить о прощении!

И стал советник горячо просить морского дракона о пощаде.

А ветер все бросал корабль по волнам, словно щепку. И вот, наконец-то, корабль прибился к берегам неизвестного острова.

Советник, едва живой от страха, вместе с двумя верными людьми ступил на сушу.

Он, его слуги и команда корабля нашли пристанище у местного правителя. А когда советник пришел в себя после пережитого, то решил больше не испытывать судьбу и не искать драконий камень. Ибо Дракон – один из повелителей морской пучины.

Через некоторое время советник вернулся домой. Оказалось, что пока он странствовал по морям, прекрасный дворец, что он строил для Кагуя, растащили по частям. От его прекрасного убранства не осталось и следа, лишь возвышались голые стены.

А в народе стали говорить:

– Вы слышали, что советник одолел дракона и достал пятицветный камень! – твердили одни.

На что другие с усмешкой отвечали:

– Да какое там! У него вместо глаз две красные сливы!

Потому что советник всё время тер свои красные, заплаканные, как сливы глаза.

* * *

Младший чиновник Исоноками-но Маро тоже не терял времени даром. И посему отдал указание своим слугам:

– Доложите мне, когда ласточки начнут вить свои гнезда.

Слуги удивились, и стали спрашивать, зачем это нужно? На что младший чиновник ответил:

– Нужно это за тем, что у ласточки есть особая целебная раковинка, дарующая легкие роды. И я хочу её раздобыть.

– Много мы ласточек подстрелили, но такой раковинки никогда не видели, – отвечали слуги.

И вдруг, один из слуг подал совет:

– Нужно пойти к дворцовой кухне, где готовят рис. Там, под крышей, много ласточек гнездится. Выберите, господин, людей и велите построить вокруг кухни сторожевые вышки. Пусть дозорные с этих вышек следят за ласточками. Ведь ласточек там огромное количество! И вы так сможете добыть целебную раковинку.

Младший чиновник порадовался дельному совету и тотчас ему последовал. Он вызвал двадцать самых надежных слуг и велел им построить сторожевые вышки. Потом, назначил туда дозорных, и стали они старательно наблюдать за ласточками. Но

вот незадача! Птицы услышали шум, увидели большое скопление людей, и побоялись даже близко подлетать к своим гнездам! Младший чиновник сильно опечалился, не зная, что же ему делать дальше…

Тут к нему подошел старик по имени Курацумаро, хранитель казенного амбара с зерном, и сказал:

– Я научу вас, как можно раздобыть у ласточки заветную целебную раковинку.

Младший чиновник обрадовался, посадил старика перед собой и начал вести с ним душевную беседу. Старик же говорил:

– Велите дозорным спуститься на землю, а вышки сломать. Вместо этого, выберите самого проворного из слуг, посадите его в корзину с крупными отверстиями. А к ней прикрепите веревку так, чтобы корзину можно было легко поднимать и опускать. И как только дозорный заметит, что одна из ласточек собралась положить раковинку в гнездо, пусть человек в корзине быстро её хватает.

– Прекрасно придумано! – обрадовался младший чиновник.

Приказал он сломать сторожевые вышки, а сам решил отравиться к кухне, дабы наблюдать за ласточками.

Вечером младший чиновник вдруг заметил, что одна из ласточек подняла кверху хвостик и начала быстро крутиться на месте. А вдруг она собралась снести целебную раковинку, словно яйцо?

Немедленно посадили человека в корзину и стали её поднимать с помощью веревки. Корзина быстро взметнулась вверх, а слуга начал шарить рукой в гнезде ласточки. И вскоре объявил:

– Никакой раковины тут нет!

Разгневался младший чиновник и решил сам подняться в корзине на кровлю, дабы обыскать гнездо. Подняли его слуги в корзине, и начал мужчина заглядывать в гнезда ласточек. Вдруг видит, что одна из ласточек подняла торчком свой хвостик и стала быстро вертеться. Тотчас сунул младший чиновник руку в гнездо, да принялся в нем шарить… Труды его оказались вознаграждены, ибо нащупал он нечто твердое и плоское, и тотчас велел спускать его вниз.

Слуги разом схватились за веревку и принялись тянуть. Но дернули слишком сильно, вот веревка и лопнула! Младший чиновник стремительно полетел вниз и угодил прямиком на крышку большого котла для варки риса!

Перепугались слуги и бросились на помощь господину. Глядят, а тот едва жив. Когда младший чиновник наконец-то пришёл в себя, он разжал кулак, дабы взглянуть на целебную

раковинку. И вот незадача! Это оказалась не раковинка, а катышек старого птичьего помета…

Долго печалился мужчина, что не достал заветной раковинки. И ко всему прочему стал он всеобщим посмешищем. И с тех пор, если кому выпадает маленький успех после тяжелых трудов и испытаний, говорят: «Ну и досталось ему счастье – с малую раковинку!»

* * *

Слухи о необычайной красоте Кагуя дошли до самого микадо. Вызвал он старшую придворную даму, которую звали Фусако и приказал:

– До меня дошли слухи, что на свете живет девушка по имени Кагуя. И что она, якобы, отвергла любовь многих благородных мужей. Ступай, Фусако, и разузнай, какова эта Кагуя. Погляди на нее.

Придворная дама, следуя приказу микадо, поспешила исполнить его повеление, и направилась в дом Такэтори. Там её почтительно встретили, как посланницу императора. И Фусако сказала старухе:

– Государь прослышал, что на всем белом свете, никто не сравнится по красоте с твоей дочерью. Он поручил мне хорошенько рассмотреть Кагуя и доложить ему, правда ли это или нет.

– Пойду, расскажу ей! – засуетилась старуха и стала упрашивать Кагуя, чтобы та поскорее вышла: – Выходи сейчас же! Ибо сюда прибыла посланница самого микадо!

Но Кагуя решительно отказалась и промолвила:

– Нет, я не выйду. Ибо совсем я не такая красавица, как говорят люди. Мне стыдно показываться перед посланницей самого государя.

Старуха ужаснулась:

– Не упрямься! Как можно ослушаться повеления самого государя?

Но Кагуя так и не вышла на смотрины… Что тут поделать? Вышла старуха обратно к придворной даме ни с чем и принялась извиняться и сокрушаться:

– Мне очень жаль, что наша дочь из-за своей молодости и глупости не желает ничего слушать! У нее очень строптивый и дерзкий нрав! Не согласилась она предстать перед вами.

– Государь приказал мне посмотреть на Кагуя. Как же я могу вернуться, не выполнив поручения? – принялась сурово

выговаривать старухе Фусако.

Но Кагуя никак не желала поддаваться уговорам. И вернувшись обратно, Фусако доложила государю о своей неудаче.

Микадо в ответ на это воскликнул:

– Да, жестокосердие и холодность этой девушки многих погубило!

Казалось, что он решил оставить свою затею увидеть таинственную Кагуя. Но на самом деле мысли о гордой красавице глубоко запали ему в сердце. И в скором времени, микадо призвал к себе старика Такэтори, и промолвил:

– Велю тебе привести ко мне твою дочь Кагуя. Я слышал, что она необычайно прекрасна лицом, и посему послал одну придворную даму посмотреть на нее. Дабы убедиться, что молва соответствует правде. Но твоя дочь наотрез отказалась выйти к даме. Худо делают родители, которые позволяют своим детям столь дерзкие поступки.

Ответил старик Такэтори с большим почтением:

– Моя дочь не желает служить при дворе, и я не в силах побороть её упрямство. Но я сейчас же направлюсь домой и сообщу ей государеву волю.

– Так и сделай! – согласился государь. – Ведь ты воспитывал и растил её, как она может тебя ослушаться? Уговори Кагуя поступить на службу во дворец! И тогда я пожалую тебе придворную должность!

Обрадовался старик Такэтори и поспешил домой. Принялся он всячески уговаривать дочь поступить на службу ко двору. Но Кагуя была упряма и продолжала отказываться. Более того, она даже пообещала убежать из дома, если её будут принуждать поступить на службу во дворец.

Испугался старик подобных слов, но делать нечего, направился он во дворец, дабы передать микадо отказ дочери.

– Я – ничтожный старикашка, обрадованный милостью государя, уговаривал свою дочь Кагуя пойти служить при дворе. Но эта упрямица вновь отказалась!

– Ах, так! – воскликнул государь. И тут его посетила мысль: – Ответь мне, старик, твой дом ведь стоит у тех самых гор? А что, если я сделаю вид, будто собрался на охоту? Тогда, словно случайно, может, я сумею увидеть Кагуя?

– Отличная мысль! – оценил Такэтори. – Только вы, государь, притворитесь, будто прибыли в наши края случайно без всяческого определенного умысла… Войдете вдруг в мой дом, да застанете Кагуя врасплох.

На том они и порешили. После чего микадо назначил день для охоты. Выдвинулся он в назначенный день, достиг дома

Такэтори, да вошёл в жилище. А там, увидел прекрасную девушку, которая сияла столь чистой красотой, что все вокруг светилось.

"Это она!" – подумал микадо и приблизился к девушке. Она тут же попыталась убежать, но микадо сумел ловко ухватить красавицу за рукав. Девушка поспешила закрыть лицо концом другого рукава. Но, увы! Микадо уже успел разглядеть её лицо, и понял, что девушке нет равных в целом мире. И император воскликнул:

– Встретив тебя, больше я с тобой не расстанусь!

Но Кагуя-химэ промолвила ему в ответ:

– Если бы я родилась здесь, в этой стране, то тогда должна была бы идти во дворец, дабы служить вам. Но я – существо не из этого мира. И вы совершите дурной поступок, если принудите меня подчиниться.

Однако микадо не желал ничего слушать:

– Как это возможно? Идем же со мной!

Тотчас подали паланкин и захотели посадить в него Кагуя. Но вдруг случилось чудо! Она начала таять, и от нее осталась одна лишь тень.

"Значит, Кагуя-химэ, и впрямь, не из нашего мира…" – понял микадо. И взмолился:

– Не стану я больше принуждать тебя служить при дворе! Только прими своё прежнее обличье! Позволь взглянуть на тебя ещё раз, прежде чем я покину эти места!

Не успел он договорить, как Кагуя приняла свой прежний облик, и показалась прекрасней прежнего.

Ещё труднее стало императору оставить свои помыслы о ней. Щедро он наградил старика Такэтори, за то, что тот дозволил ему увидеть Кагуя. А старик в свою очередь устроил роскошный пир для сотни придворных, что сопровождали государя на охоту.

Микадо отправился обратно. При этом, ему казалось, что он оставил свою душу с Кагуя.

И с тех пор, все приближенные женщины лишились в его глазах своей былой привлекательности. Мысли об одной лишь Кагуя занимали его разум и сердце! Так и жил он в мыслях о ней, позабыв про других женщин. Да писал любовные послания, которые отправлял Кагуя.

Та, хоть и противилась воле государя, писала ему ответные письма, полные искреннего чувства.

Микадо наблюдал, как времена года сменяют друг друга, и сочинял прекрасные стихи о травах и деревьях, посылая их Кагуя. Три года они слали письма друг другу.

* * *

С начала третьей весны, стали люди замечать, что каждый раз, как полная луна появлялась в небе, Кагуя становилась задумчивой и грустной. Никто её такой никогда не видел…

И вот, однажды, девушка вышла на веранду. Погрузилась она в печаль и о чем-то задумалась, подняв свой взор к сияющей луне. Спросил у нее Такэтори, о чем она грустит? И Кагуя молвила в ответ:

– Ни о чем я не грущу. Но когда смотрю я на луну, сама не ведаю почему, земной мир кажется мне столь темным и унылым!

Успокоился было старик. Но Кагуя продолжала в лунные ночи выходить на веранду и смотреть на луну. Лишь в темные ночи была она беззаботна. Но стоило луне появиться на небе, как грусть появлялась на ее лице. Никто не мог понять, в чем дело. Даже родителям девушки это было неведомо…

Однажды, Кагуя вновь вышла на веранду. И едва она увидела полную луну, то залилась слезами так, как никогда раньше. Старик и старуха заволновались и начали спрашивать:

– Что с тобой? Что же случилось?

Ответила им Кагуя сквозь слезы:

– Ах! Давно я хотела об этом поведать, но боялась огорчить вас и все откладывала! Но нельзя больше скрывать! Так знайте же, я не существо земного мира! Я была рождена в лунной столице, но меня изгнали с небес, чтобы я искупила грех, совершенный мной в прошлой жизни. Настало время мне возвращаться. В скором времени за мной придут мои сородичи, посланцы с неба. Я должна покинуть этот мир, но мне невыносима мысль, что вы будете скучать по мне.

– Что ты такое говоришь? – воскликнул Такэтори. – Кто посмеет забрать тебя у нас? Когда-то нашёл я тебя совсем маленькую, в стебле бамбука. А теперь ты выросла такой большой! Нет, никому я тебя не отдам! Не вынесу разлуки с тобой! – в голос рыдал старик.

Невозможно было смотреть на его горе. И стала тогда Кагуя ласково ему говорить:

– В лунной столице у меня остались родные отец и мать. Там для них прошло немного времени, и разлука со мной длилась лишь краткое мгновение. Но для меня на земле за это время прошли долгие годы. Я полюбила вас всей душой, и забыла о настоящих родителях. Не рада я тому, что должна вернуться обратно в лунный мир. Посему и горько печалюсь.

Прослышал про это микадо. И поспешил он отправить посланника в дом старика Такэтори. Старик, безутешно рыдая,

появился на пороге дома. Его скорбь оказалась настолько велика, что за несколько дней его волосы побелели, а спина согнулась. Его глаза опухли и воспалились от слез. А ведь до этого он выглядел моложавым и бодрым! Но горе и тревога заставили его быстро постареть…

Посланец спросил у старика от имени государя:

– Правда ли, что Кагуя в последнее время постоянно грустит?

И отвечал ему старик сквозь слезы:

– Прошу, передай государю, что в пятнадцатую ночь этого месяца прибудут сюда небожители из лунной столицы. Желают они похитить нашу Кагуя! Посему, пусть микадо пришлет ко мне в эту ночь много воинов, дабы они прогнали похитителей!

Посланец поспешил доложить государю о просьбе Такэтори.

И в пятнадцатый день месяца микадо прислал старику вооруженных воинов. И собрался отряд ни много ни мало, а численностью две тысячи человек. Во главе отряда микадо поставил опытного военачальника по имени Така-но Окуни.

Отряд прибыл к дому Такэтори и разделился на две части. Тысяча воинов окружила дом кольцом со всех сторон. Они даже взобрались на земляную ограду. А остальная часть воинов принялась сторожить кровлю дома.

Огромное множество слуг охраняло все входы в дом так, что пробраться туда незамеченным было невозможно.

Все были вооружены луками и стрелами. В женских покоях внутри дома несли стражу служанки.

Старуха крепко обнимала Кагуя. Она спряталась с ней в особом тайнике с земляными стенами. Старик же запер дверь тайника и стоял рядом с ним на страже.

– У нас надежная охрана! – радовался он. – Мы не поддадимся небесному войску!

Затем, он крикнул воинам, что сторожили кровлю дома:

– Стреляйте во все, что увидите в небе!

– Не волнуйся, мы зорко глядим! Едва в небе что-нибудь появится, то его сразу настигнут наши стрелы!

У старика уж было отлегло от сердца, но Кагуя говорила ему, что с небожителями из лунного царства невозможно воевать. Их стрелы не настигнут, а все двери и заторы сами откроются перед ними…

Тем временем, приближалась полночь. И вдруг, весь дом Такэтори озарило столь яркое сияние, что было оно в десять раз ярче света полной луны. Стало даже светлее, чем днем. И с самого высокого небесного свода спустились на облаках неведомые лучезарные существа. Они построились в ряд, оставаясь парить в воздухе над землей.

При виде них, все воины, что сторожили дом, замерли от ужаса, исчезло у них желание сражаться.

Конечно, самые смелые воины пустили стрелы в незваных гостей, но стрелы полетели в сторону, миновав цели…

Один из небесных пришельцев, по всей видимости, предводитель остальных, вышел вперед. Он крикнул повелительным громовым голосом так, что все услышали:

– Такэтори, выходи!

И тут, до сих пор храбрившийся Такэтори, вышел за двери и упал ничком, почти без памяти.

Небожитель из лунной столицы сказал ему:

– Послушай же, неразумный человек! Тебе даровали честь растить Кагуя в своем доме! И тебе послали богатство! Теперь же, Кагуя, наконец-то искупила свой прежний грех! И пришла пора ей вернуться в Лунное царство! Посему, не гневи нас и верни нам Кагуя!

Попытался старик возразить предводителю небесных воинов, но тот не обратил на слова Такэтори никакого внимания. И велел поставить на крышу дома небесную колесницу, на которой спустился на землю.

– Кагуя, торопись! – крикнул он. – Ты не можешь долго оставаться здесь!

Прокричал он это, как вдруг все запертые в доме двери сами по себе распахнулись, а решетки на окнах отворились. И Кагуя, освободившись от объятий старухи, вышла из дома. Не смогла старуха её удержать и залилась слезами. Старик же, лежал на земле и тоже плакал в бессильном отчаянии.

Подошла к нему Кагуя и промолвила:

– Я тоже не желаю покидать вас! Но должна это сделать против своей воли.

Один из небожителей держал в руках ларец. Внутри него лежала одежда из птичьих перьев. Другой же небожитель держал в руках маленький ларчик. В нем хранился сосуд с особым напитком. Тот, кто отведает этого напитка, никогда не узнает смерти.

– О, дева, отведай же напитка бессмертия, – обратился небожитель к Кагуя.

Поднес он к её устам сосуд с чудесным напитком, и девушка пригубила его. Затем, достал он небесную одежду из ларца и хотел накинуть на Кагуя. Но она взмолилась:

– Прошу, погоди ещё немного! Ибо, когда надену я на себя эту одежду, то во мне исчезнут все человеческие чувства. А мне непременно нужно написать прощальное письмо одному человеку.

Утомились ждать небожители. Но Кагуя спокойно и неторопливо стала писать прощальное послание микадо. Закончив писать, девушка подозвала начальника стражи микадо и велела ему передать письмо императору вместе с напитком бессмертия. Один из небесных посланников вручил их начальнику стражи.

В то же время на Кагуя надели одежду из птичьих перьев. И тотчас угасли в девушке все её человеческие привязанности. Она перестала жалеть старика Такэтори и печалиться об его участи. Девушка села в небесную летающую колесницу и вместе с сотней посланцев лунного царства улетела на небо…

Микадо же получил послание от Кагуя и прочел его. Но не пожелал он вечно жить без своей любимой. Вместо этого, государь приказал своим верным слугам отправиться на самую высокую гору Фудзи. На вершине горы слуги сделали факел и облили его напитком бессмертия. После чего воткнули его в горную вершину и подожгли.

Напиток вспыхнул ярким пламенем, которое не угасает до сих пор. Посему и прозвали эту вершину «Горой бессмертия» – Фудзи.

Глава 10

Восьмой год правления императора Ниммё[77], Хэйан.

Стояла середина лета. После истории с благовониями и сожжением гардероба императора прошел почти год. С тех пор, микадо больше не страдал болезнями, и здоровье его пребывало в полном порядке.

Комати продолжала служить императрице, Нефритовой госпоже Дзюнси. Благодаря искусному стихосложению она пользовалась огромной популярностью при дворе.

Её сестра Каори простила Ацутаду, и они вновь жили, как муж и жена. Она оставила службу фрейлины, и занималась воспитанием Мунакаты и Ханако. Мальчик рос здоровым и смышленым, и женщина души в нём не чаяла. Ханако тоже любила проводить время с братиком.

Хироцугу, двоюродный брат Комати продолжал занимать должность в Нисиномии. Кэнси была рядом с ним, занимаясь воспитанием сына и домашним хозяйством. Недавно она обнаружила, что ждёт ещё одного ребёнка.

Комати, получившая письмо с сей новостью, порадовалась за подругу, хотя и испытала некоторое сожаление. За год брака с Куниёси, ей так и не удалось понести дитя, хотя законная жена мужчины благополучно родила сына. В будущем, это могло нанести некоторый урон её репутации. Но пока что, на её отношениях с супругом это никак не отражалось.

Тем временем, Аривара-но Нарихира, прославившийся в последнее при дворе не только поэзией, но и своими многочисленными любовными похождениями, начал писать произведение, названное "Исэ моногатари"[78].

Произведение стало пользоваться популярностью среди придворных. Вот несколько отрывков из неё:

"В давние времена жил кавалер. Когда ему надели первый головной убор взрослого мужчины, – он отправился на охоту-осмотр в селение Касуга у столичного города Нара, где у него были наследственные поместья.

В селенье том проживали две девушки-сестры, необычайно прелестные и юные. Их подглядел тот кавалер сквозь щели ограды. Не ждал он этого никак, и так не подходило все это к старому селенью, что сердце его пришло в смятение. Кавалер оторвал полу охотничьей одежды, что была на нем, и, написав стихи, послал им.

Был одет тот кавалер в охотничью одежду из узорчатой

ткани Синобу.

"С равнины Касуга
Молодых фиалок на тебе
Узоры, платье…
И не знаешь ты пределов
Мятежным смутам, как и Синобу."

Так сложил он и сейчас же им послал. Вероятно, интересно показалось все это им. А смысл стихотворения был тот же, что и в песне:

"Узорчатая ткань, Синобу из Митиноку,
По чьей вине ты стала
Мятежна так?.. Ведь я
Тут не при чем…"

Вот как решительны и быстры были древние своих поступках."[79]

Или ещё один популярный отрывок:

"В давние времена жил кавалер.

Столица из Нара была уже перенесена, а новая столица еще не была устроена, как нужно. И вот, как раз в это время, в западных кварталах города проживала дама. Дама эта превосходила всех других. Превосходила больше сердцем, чем наружностью своей. Как будто был у ней друг не один.

И вот тот верный кавалер, возвратись со свидания к себе домой, подумал что ли что-то, но только так сложил, время было начало марта, и дождь все время накрапывал уныло:

"Ни бодрствую, ни сплю,
и так проходит ночь…
настанет же рассвет
весенний долгий дождь
и думы о тебе". [80]

* * *

…Сейчас, Комати вместе с другими фрейлинами пребывала вместе с госпожой Дзюнси. Они расположились на татами в просторном зале и услаждали слух императрицы

музицированием.

Одна из дам декламировала под музыку "Легенду о любви двух звёзд", посвященную истории ткачихи Орихимэ и пастуха Хикобоси или, как его ещё называли на китайский манер – Кэнгю.

Согласно легенде, Орихимэ ткала прекрасную одежду, а Хикобоси пас коров. Однажды, двое молодых людей встретились и полюбили друг друга. Но отец Орихимэ, небесный царь Тенно, крайне недовольный тем, что работа дочери не была выполнена к сроку, а стада коров разбрелись без присмотра Хикобоси, разлучил влюбленных. Дабы они не могли больше увидеться, он поместил их по разные стороны Небесной реки[81] и запретил встречаться.

Но, видя печаль дочери, Тенно в итоге смилостивился, и позволил влюблённым видеться раз в год, в седьмой день, седьмой луны.

Когда Орихимэ и Хикобоси попытались встретиться первый раз, оказалось, что через Небесную реку нет моста. Ткачиха горько расплакалась, и к ней слетелись сороки, пообещав построить мост через реку, расправив и соединив свои крылья. Но сказали птицы ещё и то, что если будет дождь, они не смогут прилететь… И тогда влюблённым придётся ждать встречи до следующего года…

С недавних пор, пришедшие из Китая история и традиция отмечать это празднество в седьмой день седьмой луны, пользовались большой популярностью при дворе микадо.

Праздник, известный в Китае как "Цисидзе", получил в Японии название "Танабата" или же "Фестиваль звезд" – "Хоси мацури". Ибо, ткачихой называли яркую звезду Вегу, а пастухом – звезду Альтаир.

Отмечали фестиваль с помощью фейерверков. Многие развешивали на ветвях бамбука тандзаку, небольшие кусочки тонкой цветной бумаги, на которой писали желания. Некоторые, особо творческие натуры, даже излагали свои желания в поэтической форме.

Постепенно Танабата приобретал всё большую популярность за пределами дворца, и с каждым годом, его отмечало всё больше горожан.

В этом году Фестиваль звезд уже прошел, но многие дамы всё ещё находились в приподнятом настроении после праздника.

Вот и фрейлина нефритовой госпожи напевала "Легенду о любви двух звёзд":

– "С той поры, как в мире есть
Небо и земля,

Две звезды разлучены
Горькую судьбой.
И на разных берегах,
Стоя у реки Небес,
Друг ко другу обратясь,
Слезы льют они в тоске.
Только раз один в году
Суждено встречаться им.
И, тоскуя о жене,
Бедный молодой супруг
Каждый раз спешит идти
Он в долину Ясу к ней,
Проплывает каждый раз
Он Небесную Реку.
И сегодня в ночь,
Когда
Ветер осени подул,
Тихо листьями шурша
Флагом пышным камыша,
К переправе он спешит.
Там, где отмель, где ладья,
Крашенная в красный цвет,
И корму и нос ее
Украшает он скорей.
Много весел закрепив,
Отплывает в дальний путь…
Волны в пене, что встают
Ныне на Реке Небес,
Рассекает он веслом
Струи быстрые реки,
Что стремительно бегут,
Хочет переплыть скорей,
Чтоб в объятьях ныне спать
Дорогой своей жены,
Нежной, как трава весной…
Как большому кораблю,
Доверяясь ей душой,
К берегу её плывет
Бедный молодой супруг…
Новояшмовых годов
Долго, долго длится нить,
Долго он живет в тоске,
И в седьмую эту ночь,
В месяце седьмом,

Когда он приходит наконец
Утолить свою тоску,
Что томила целый год,
В эту ночь свиданья звезд
Мы сочувствия полны!"[82]

Голос фрейлины приятно выводил строки, под аккомпанирование других дам на музыкальных инструментах. Но музыка императрицу мало волновала. В последнее время её всё чаще и чаще одолевали мрачные думы…

Юной невесте принца Митиясу, Фудзиваре Акиракейко, исполнилось двенадцать лет. Несмотря на юный возраст, она уже считалась совершеннолетней. Посему, императрица Дзюнси поспешила устроить свадьбу сына, дабы он поскорее подарил миру наследника.

Но, увы, принцесса была ещё слишком юна, и вряд ли бы быстро понесла ребёнка. Посему, дабы у Митиясу поскорее появился столь желванный наследник, императрица сама подобрала ему двух наложниц: четырнадцатилетнюю Фудзивару Фуруко[83] и пятнадцатилетнюю Фудзивару Такакико[84].

Особенно Нефритовая госпожа надеялась на Фуруко, приходившуюся ей младшей сводной сестрой по отцу. Невзирая на родственную связь, а точнее, именно благодаря ей, Нефритовая госпожа и выбрала эту девушку. Лучшей кандидатки и не придумаешь! Ведь юный наследник трона, наверняка будет уделять особое внимание одной из наложниц. Её семья тогда получит особые привилегии, а если его законная супруга не сможет родить мальчика, то будущего наследника трона будут выбирать как раз из сыновей наложниц.

Посему Дзюнси и позаботилась, чтобы обе девушки были из её ветви рода Фудзивара, дабы ещё больше укрепить своё положение и положение своей семьи. И не могла ни обратить внимание на Фуруко…

К тому же, её младшая сестра обладала тихим и спокойным нравом, отменным здоровьем и красотой. И что немаловажно, не отличалась особо острым умом и амбициями…

Вторая девушка, Такакико тоже происходила из той же ветви рода Фудзивара, что и Дзюнси, и обладала теми же качествами, что и Фуруко. Она приходилось дочерью Фудзиваре Ёсими[85], дальнего родственника Фуюцугу. Несмотря на дальнюю степень родства, мужчины поддерживали близкие дружеские отношения.

Единственное, что Дзюнси не очень нравилось в Такакико, так это то, что девушка интересовала Митиясу больше, чем

Фуруко, и даже Акиракейко.

Но Нефритовая госпожа трезво рассудила: пусть всё идёт своим чередом. Ибо её сын ещё юн, и при попытке давить на него, может из принципа перенести своё внимание на совершенно другую женщину.

А желающих устроить своих дочерей на место наложницы принца имелось предостаточно! Например, правый министр Татибана Удзикими[86] даже особо не скрывал своих намерений, рано или поздно ввести своих дочерей Фусако[87] и Тюси[88] во дворец… И это невзирая на то, что другая его дочь, Кагэко[89], уже давно была наложницей микадо! Одни только мысли об этой лисе приводили госпожу Дзюнси в ярость!

Нефритовая госпожа недовольно поморщилась. Что и говорить, а клан Татибана она никогда не жаловала!

…Императрица подала знак, и музицирующие фрейлины умолкли. Звуки музыкальных инструментов затихли, и лишь радостное летнее пение птиц в саду нарушало тишину.

– Откройте сёдзи, – распорядилась госпожа Дзюнси.

Дамы тотчас поспешили исполнить приказ госпожи. Из сада повеяло лёгким ветерком и ароматом цветов. Пение птиц усилилось…

– Какая чудесная картина… – залюбовалась императрица открывшимся видом на живописный сад. Вдруг, она обратилась к Комати: – Не сложишь ли ты стихотворение?

Фрейлина быстро сымпровизировала:

– "Распустился впустую,
Минул вишневый цвет,
О век мой недолгий!
Век не смежая, гляжу
Взглядом долгим, как дождь"[90].

Нефритовая госпожа Дзюнси одобрительно кивнула.

– Прекрасное стихотворение… Не забудь его записать, – промолвила она.

– Да, госпожа… – почтительно поклонилась Комати.

* * *

Тем временем, пока Нефритовая госпожа была крайне озабочена мыслями о претендентках в наложницы своего сына, за пределами дворца также происходили события.

Сэйки пригласил в гости двух своих друзей: Аракаву и

Такамуру, тоже служащих в департаменте Оммё-рё.

Молодые люди расположились в саду, раскинувшемся вокруг поместья рода Абэ. В его саду росло большое старое кедровое дерево, под которым Сэйки любил укрываться от солнца в жаркие дни.

Под этим деревом он и расположился с друзьями. Они сидели под кедром и вели приятную беседу, попивая земляничное вино.

Неожиданно Сэйки почувствовал сильную усталость. Он извинился перед друзьями, прилёг на землю и почти мгновенно заснул. И увидел оммёдзи сон…

Ему привиделось, будто он наблюдает за богатой процессией, которая спускается с холма. И эта процессия направляется не куда-нибудь, а к его дому. Также оммёдзи заметил, что молодые слуги в богатых одеяниях несут большие закрытые носилки, украшенные шёлком яркого синего цвета.

В скором времени процессия достигла дома оммёдзи и остановилась. Из носилок показался богатый вельможа. Он поклонился Сэйки и промолвил:

– Уважаемый господин, я – вассал одного могущественного правителя. Мой повелитель послал меня к вам и отдал приказ поприветствовать вас от его имени. И поступить в ваше распоряжение. Также, мой господин велел мне сообщить, что приглашает вас в свой дворец. Посему прошу вас: сядьте в носилки, дабы мы тотчас могли отправиться в путь.

Сэйки настолько изумился, что не мог произнести и слова. И он послушно проследовал за вассалом и сел в носилки. Они разместились внутри и спрятались от яркого дневного солнца за шёлковым занавесом. Едва они сделали это, как слуги ловко подхватили средство передвижения и понесли в неизвестном направлении…

К огромному изумлению оммёдзи, в скором времени носилки остановились около огромных ворот в китайском стиле. На верху ворот возвышались дозорные башни. Их украшали столь изящные изображения драконов, что оммёдзи обомлел от подобной красоты. Он никогда не видел ничего подобного.

Тем временем, вассал вылез из носилок и промолвил:

– Теперь я должен покинуть вас. Нужно доложить моему господину о нашем прибытии.

И вассал скрылся за воротами…

Ожидание Сэйки длилось недолго, ибо в скором времени из ворот вышли двое вельмож в пышных одеяниях из фиолетового шёлка. На их головах красовались высокие шапки, формы которых указывали на высокий статус вельмож при дворе загадочного правителя.

Они со всем уважением поприветствовали гостя и помогли ему покинуть паланкин. После чего провели через ворота. Они прошли по чудесному огромному саду, и наконец, дошли до дворца.

Затем, Сэйки препроводили в огромную богатую комнату цуке-сеин, для приема гостей. Там, вельможи усадили гостя на почетное место, а сами встали неподалеку. В комнату вошли девушки-служанки, дабы преподнести оммёдзи прохладительные напитки.

Сэйки отведал чудесных напитков. И двое сопровождавших его вельмож поклонились и промолвили:

– Теперь мы должны сообщить вам о причине вашего прибытия сюда. Наш господин пожелал, дабы вы женились на его дочери и стали его зятем. Свадьба будет сегодня же. В скором времени мы проводим вас в тронный зал, где наш могущественный господин примет вас. Но перед этим вам необходимо переодеться.

С этими словами, вельможи поднялись и приблизились к нише с покрытым золотом лакированным сундуком. Они открыли его и достали различные богатые одежды, пояса и высокий головной убор камури.

При помощи вельмож Сэйки облачился в новые одеяния. И затем, его сопроводили в комнату для приемов. Там, гость увидел того самого таинственного могущественного правителя, восседавшего на троне в окружении многочисленных сановников.

Правитель оказался очень любезным человеком и вежливо поприветствовал Сэйки:

– Вам уже сообщили, зачем я призвал вас сюда. Я и мои советники, после тщательных раздумий решили, что вы должны стать супругом моей дочери. И свадебная церемония будет проведена сейчас же.

Оммёдзи настолько оторопел, что безмолвно переводил свой взор с богатого убранства парадного зала на вельмож и сановников.

Вдруг, заиграла прекрасная музыка. И из-за занавеса показалась длинная процессия прекраснейших придворных дам. Они направились к Сэйки и сопроводили его в комнату, где уже ожидала невеста.

Комната была невероятно огромна, но всё равно, несмотря на впечатляющие размеры, едва вмещала великое множество гостей, собравшихся на свадебную церемонию. Все они уважительно кланялись жениху и невесте, перед тем, как занять свои места за свадебным столом.

Невеста же оказалась невероятно прекрасной девушкой. Она

отличалась редкой и утонченной красотой, свойственной разве что небожителям из древних преданий. А её кимоно нежного голубого цвета лишь усиливало впечатление о ее неземной красоте.

И в атмосфере всеобщей радости прошёл обряд бракосочетания. После чего молодоженов проводили в специально отведенные отдельные покои, наполненные бесчисленными свадебными подарками.

Прошло несколько дней. Правитель вызвал Сэйки в тронный зал. Он выглядел крайне довольным и сказал зятю:

– В юго-западной части моих владений расположился один остров. Он называется Раисю. И я решил назначить вас правителем этого острова. Этот остров стал частью моих земель недавно. Посему, вам придется навести там порядок. Так что, не теряйте зря времени и отправляйтесь в путь. Желаю удачи.

Сэйки и его прекрасная супруга покинули дворец правителя и отбыли на остров. До берега их сопровождала большая свита знати и должностных лиц. А там они сели на быстроходный корабль, специально подготовленный для них по приказу правителя.

Ветер стоял попутный, и они быстро добрались до Раисю. И увидели на берегу острова приветствующую их толпу местных жителей. Сэйки сразу же приступил к выполнению своих новых обязанностей. К счастью, они оказались нетрудными.

Первые три года своего правления, он в основном занимался созданием и принятием новых законов, в чем ему активно помогали мудрые советники. После принятия новых законов, правитель острова участвовал в различных древних традиционных обрядах и церемониях.

Раисю процветал. Его почва была плодородна, а народ отличался послушанием и не нарушал законов нового правителя.

Прошло двадцать три года. Всё это время Сэйки жил на Раисю и управлял им, не ведая ни бед, ни печали.

Но на двадцать четвертый год правления на него обрушилось страшное горе. Любимая супруга, родившая ему семерых детей: пять мальчиков и двух девочек, сильно заболела. Лекари оказались бессильны, и женщина скончалась…

Её похоронили со всеми полагающимися почестями и пышностью на вершине красивого холма. А на её могиле установили красивый памятник. Сэйки очень тяжело переживал потерю любимой супруги.

Когда прошёл срок положенного траура, на остров прибыл посланник от правителя. Он выразил искренние соболезнования Сэйки и передал послание от правителя:

– Господин говорит, что вы должны немедленно вернуться на свою родину. Не волнуйтесь, о ваших детях, внуках нашего правителя, позаботятся. Они получат достойное воспитание, и ни в чем не будут нуждаться.

Получив подобные предписания, Сэйки послушно принялся готовиться к отъезду. Он уладил все свои дела и провел церемонию прощания со своими советниками и приближенными. Затем, его с большими почестями посадили на корабль, и он двинулся в путь…

Едва только остров исчез из вида, как оммёдзи Абэ-но Сэйки проснулся. И оказался не где-нибудь, а всё там же – в своем саду под кедровым деревом!

Некоторое время он пытался прийти в себя ото сна. Наконец, он заметил двух своих друзей, которые, как ни в чём ни бывало, мирно пили вино и беседовали.

Изумленный Сэйки посмотрел на них и воскликнул:

– Как это странно! Неужели, я снова очутился здесь?

Его друзья лишь рассмеялись в ответ. И промолвили:

– Сэйки, должно быть, ты видел некий удивительный сон! Что же тебе снилось?

Тогда Сэйки подробно пересказал им о случившемся. Как его доставили к таинственному правителю, о свадьбе с прекрасной принцессой, и своем правлении на острове Раисю…

Оммёдзи немало удивились, ибо Сэйки спал лишь несколько минут.

И тогда, его друг Аракава сказал:

– И, правда, тебе привиделись во сне удивительные вещи… Мы тоже наблюдали нечто странное, пока ты дремал. Несколько мгновений над твоим лицом порхала маленькая желтая бабочка. Мы внимательно следили за ней, и видели, как она села на землю рядом с тобой… И тут, почти сразу же, из-под земли выполз крупный муравей. Он схватил бабочку и утащил за собой. А перед тем, как ты проснулся, та же бабочка выползла обратно и вновь начала порхать над твоим лицом. Как вдруг внезапно бесследно исчезла…

– Может быть, это была душа Сэйки? – выдвинул предположение Такамура. – Мне показалось, что бабочка залетела ему в рот… Но даже если это так, то как это может объяснить столь странный сон?

Сэйки ненадолго задумался:

– А может быть, нам следует искать объяснений у муравьев? Здесь как раз недалеко есть огромный муравейник…

Всех оммёдзи охватила одна идея – непременно найти разгадку странного сна. И, посему, они отправились искать

жилище насекомых…

В скором времени, они нашли муравейник и принялись внимательно его изучать. Оказалось, что земля вокруг была весьма странно изрыта огромной колонией муравьев. А внутри своих нор они соорудили крошечные строения из соломы, стеблей и глины. Это поразительно напоминало миниатюрные города! И в середине этого сооружения множество маленьких муравьев суетились вокруг большого муравья с длинной черной головой и желтоватыми крыльями.

– Да вот же он, правитель из моего сна! – воскликнул Сэйки. – И тут его дворец! Как же поразительно! А Раисю должен располагаться к юго-западу от него! То есть, слева от того большого корня…

Оммёдзи осмотрелся и в скором времени нашёл искомое. И воскликнул:

– Да, он здесь! Так странно! Теперь я точно уверен, что смогу обнаружить гору, где упокоилась дочь правителя из моего сна!

Он продолжил осматриваться и в итоге обнаружил крошечную насыпь. На её вершине была установлена отшлифованная водой галька. Своей формой она поразительно напоминала надгробный памятник. А под нею Сэйки увидел впрессованное в глину тело мертвой самки муравья…

Друзья с изумлением переглянулись…

* * *

Позже, вечером, Сэйки поведал Кэйтиро о необычном происшествии.

Дядя внимательно выслушал племянника, и загадочно усмехнулся.

– И впрямь необычно… – заметил он.

– Неужели я и, правда, какое-то время был муравьём? – удивился Сэйки. – Никогда о таком не слышал…

– Может да, а может, и нет… – таинственно ответил Кэйтиро. – В мире много удивительного, что людям ещё неведомо…

Оммёдзи возражать не стал, согласившись с дядей.

Глава 11

Двенадцатый год правления императора Ниммё[91], Хэйан.

Стояла середина весны. Принц Митиясу так и не обзавёлся законным наследником ни со своей супругой, Акиракейко, ни с Фудзиварами Фуруко и Такакико.

Зато к величайшему недовольству госпожи Дзюнси, его новая наложница, Ки-но Сизуко[92], в прошлом году дала жизнь здоровому мальчику, наречённому принцем Корэтака[93]. А от увлечения сыном императрицы, придворной дамой Саякой из рода Томо, в этом году на свет появился ещё один мальчик: Ёсиари[94].

Но род его матери не имел достаточно высокого происхождения, чтобы она официально могла стать наложницей Митиясу. Посему, Ёсиари решили лишить статуса принца и пожаловали ему фамилию Минамото. Его и Саяку отослали из дворца и назначили им достойное содержание.

К ещё большему неудовольствию императрицы, Татибана Удзикими всё же смог ввести во дворец своих дочерей: Тюси и Фусако. Впрочем, ни одна из дочерей правого министра пока что не понесла ребёнка.

Комати, тем временем, вернулась к службе после почти трёхлетнего перерыва. Три года назад она родила от Куниёси мальчика, Ёсихару. Беременность проходила тяжело, и из-за своего состояния поэтесса не смогла продолжать службу. Она покинула дворец, и отправилась в дом, доставшийся ей от матери.

Её постоянно тошнило, руки и ноги отекали. Плохое самочувствие усугублялось ещё и тем, что муж навещал её крайне редко. Вскоре, до женщины дошли неутешительные слухи: Куниёси завёл себе новую визитную супругу.

Огорчённая Комати сразу поняла, что их отношения вряд ли продлятся долго. И оказалась права…

После рождения Ёсихары, улучшения в отношениях не произошло. Куниёси продолжал навещать их крайне редко, высылая мизерное содержание. В итоге, перестал делать и это. Из-за невыполнения им супружеских обязанностей, Каори и Ацутада, как старшие в семье Комати, официально расторгли их брак. Комати стойко пережила разрыв, хотя ей и было нелегко.

Поэтесса хотела бы вернуться к службе, но мальчик родился слабеньким и болезненным, посему нуждался в постоянной

заботе.

Чтобы получить средства к существованию, женщина начала переписывать красивой каллиграфией свои стихотворения и историю о Лунной принцессе, и продавать свитки городской аристократии. Особой популярностью они пользовались среди состоятельных женщин.

Поначалу это приносило неплохой доход, но постепенно популярность пошла на спад, и творчество приносило поэтессе всё меньше и меньше денег… Она начала тратить и без того изрядно убавившиеся средства, скопленные во время службы при дворе, и потихоньку продавать свои украшения…

Бывшая фрейлина искала утешения в поэзии и в чтении дневника своей матери, который случайно обнаружила, когда разбиралась в доме. Ведь её мать, Токуко, тоже была когда-то визитной женой, и их отношения с отцом Каори и Комати, Томомори развивались далеко не гладко…

…Каори, видя совершенно бедственное положение сестры, предложила позаботиться о Ёсихаре, а Комати вновь пойти служить нефритовой госпоже и попробовать устроить свою жизнь. Поэтесса не стала отвергать помощь, и, поручив сына заботе Каори, с помощью старых связей вернулась на службу.

Проведя при дворе некоторое время, Оно-но обнаружила, что совершенно отвыкла от дворцового образа жизни. К тому же, теперь, будучи не замужем и после длительного перерыва, ей, как и много лет назад в юности, пришлось делить комнату с другими дамами. Впрочем, теперь Комати так уставала за день, что чей-то сап и храп были ей безразличны. Единственной мыслью, что занимала её по вечерам, стала, как бы поскорее добраться до футона и заснуть.

Ещё, спустя какое-то время, она испросила разрешения у госпожи Дзюнси ненадолго отлучиться. Императрица милостиво разрешила.

В тот же вечер, фрейлина в своём экипаже отбыла из дворца, направившись к себе домой. По дороге, Комати вдруг вновь захотелось перечитать дневник матери, который хранился дома, в деревянном ларце. Раньше, это всегда помогало ей привести мысли в порядок…

Прибыв домой, фрейлина, немного отдохнув, уединилась в своих покоях, и достала заветный ларец. Он открылся с лёгким скрипом. Комати осторожно достала увесистый свиток и приступила к чтению…

Дневник Киёхары Токуко

Написан на пятом году правления императора Сага, Хэйан[95]

«Я и прежде получала мимолетные признания в любви. Обыкновенный человек предложение о браке делает либо через посредника, либо через служанку. Этот же господин, блистательный Киёхара Томомори, прислал посыльного, и тот принялся стучать в наши ворота. Послали узнать служанок, кто это там, но в ответ раздался такой шум, который не оставлял сомнений в его происхождении. Мои служанки взяли у посыльного послание и ужасно переполошились.

Развернув письмо, я увидела, что написано оно крайне небрежным почерком. И оно гласило:

Лишь речи о тебе
Заслышу я, моя кукушка,
Так грустно делается мне…
О, как мечтаю я сердечный
С тобою разговор вести!

– Надо как-то отвечать, – стала советовать моя старомодная матушка. – Хоть мне и известно: твой воздыхатель уже женат. И тебе уготована роль визитной жены.

Я, опечаленная, повздыхала, посетовала на свою судьбу и в итоге согласилась. Мой ответ был таков:

В селенье одиноком,
Где не с кем перемолвиться,
Ты не старайся куковать —
Лишь попусту
Сорвешь свой голос.

Прошло некоторое время. Снова и снова присылал мне Томомори свои письма, но я не отвечала. Не могла себя пересилить. Ибо гордость моя была уязвлена: мне не хотелось становиться в столь молодом возрасте визитной женой.

Матушка постоянно пеняла меня по этому поводу. Ей казалось, что я дурнушка, а внимание столь блистательного господина – честь для нашей семьи.

Наконец мой воздыхатель окончательно потерял терпение и написал:

Не зная срока,
Жду и жду ответа —

Сейчас… а может быть, чуть позже?
Но нет, его все не приносят,
И мне так одиноко!

Я велела одной из своих служанок написать подобающий ответ и отправить его. Моё послание вызвало у него искреннюю радость, и ответы посыпались один за другим.

И в такой переписке прошли месяцы…

В конце концов, Томомори добился своего – я начала принимать его у себя в покоях. И стала его официальной визитной женой, хотя понимала: я ни словом не смогу упрекнуть мужа, если он забудет обо мне и пропадёт надолго. К примеру, будет коротать время в объятиях ещё одной визитной жены или наложницы.

* * *

Наступила осенняя пора. Между тем, однажды получилось так, что я ненадолго отлучилась из дому, муж же без меня пожаловал и оставил записку: «Я надеялся хоть сегодня побыть с тобою наедине, но нет о тебе вестей. Что же случилось?! Не укрылась ли ты от меня в горах?». Я отвечала кратко:

Когда цветок поломан
У ограды
В нежданном месте, –
С него росинки слез
Стекают беспрестанно.

После этого в душе моей поселились сомнения: уж не завел ли муж мой ещё одну визитную жену?.. Или просто наложницу, дабы не обременять себя излишними обязательствами.

Пришла девятая луна. На исходе её, когда Томомори не показывался ко мне две ночи кряду…

Вскоре мне пришлось смириться: муж стал всё реже посещать меня. Но я, как визитная жена, не могла его упрекнуть в подобном поведении. Лишь напомнить о себе непрошенным письмом.

То время года было преисполнено печали. К мужу я еще не привыкла и всякий раз, когда встречалась с ним, только обливалась слезами, а грусть, которая охватывала меня, была ни на что не похожей. Видя это, весьма растроганный Томомори

твердил мне, что никогда не оставит меня… Но отчего его слова не вселяли в меня уверенности…

* * *

Как раз в эту пору родной мой отец отправлялся служить в провинцию Митинокуни[96]. Наступил день, когда отец и матушка должны были отправиться в путь. Они оба заливались слезами, ибо нам предстояла долгая разлука. Провинция, куда мой отец получил назначение, располагалась отнюдь не близко. Нам с матушкой придётся общаться лишь посредством писем в ближайшие годы.

Тоска охватила моё сердце.

Между тем, обнаружилось, что я забеременела. Осень и зиму я провела в страданиях. В ту пору Томомори был полон внимания ко мне, казалось, его мысли полны одною мной.

На самом деле мой муж не собирался ограничивать себя в плотских удовольствиях. По слухам его главная жена была больна, а я в силу своей тяжёлой беременности не могла дарить ему страсть. Поэтому-то он нашёл нам замену…

Однажды, после того, как он ушел из дома, я взяла в руки шкатулку для бумаг. Открыла её, и, заглянув внутрь, обнаружила письмо, предназначенное другой женщине. Презрение и негодование охватили меня…

Наконец после длительного перерыва муж навестил меня. Он явно торопился, было ясно – его визит лишь кратковременная дань вежливости.

– Мне обязательно нужно отбыть к императорскому двору, – сказал он и заторопился прочь.

Я не могла смириться с таким пренебрежением и приказала своему слуге проследить за ним. Через некоторое время я узнала, что муж мой вовсе не собирался отправляться ко двору. Его повозка остановилась на одной из городских улочек, причём, совсем не близко от императорского дворца.

Я без труда поняла: эта женщина была куртизанкой.

От этого мне стало дурно. Два дня я пролежала в постели, не вставая. Нянька тщательно ухаживала за мной.

Я понимала, что всякое резкое слово в адрес Томомори может лишить будущего ребёнка его благосклонности. Хоть я тоже происходила из рода Киёхара, но из одной его побочных ветвей. Поэтому надеялась на расположение мужа, дабы обеспечить будущее своего дитя. А если родится дочь? Как она выйдет замуж, если я стану отвергнутой визитной женой?

Впрочем, столичные нравы меняются достаточно быстро. Ещё полвека назад все жёны (а их было не более двух) жили в одном доме с мужем. Наложницам также выделялись специальные покои. Представляю, насколько тяжело приходилась этим женщинам делить меж собой любимого мужчину.

Со временем традиции изменились. Лишь главная жена жила вместе с мужем под одной крышей. Остальные же жёны – визитные (а их число нынче доходит до трёх) коротали время в родительских домах. Случалось порой, что мужья предоставляли некоторым визитным жёнам отдельное жильё из числа своих владений. Но это было редкостью. Дети от визитных браков росли под влиянием семьи жены. Мужья же лишь посещали их и практически не принимали участия в воспитании. И, порой, не часто баловали подарками.

Многие визитные браки не выдерживали проверку временем – мужья забывали о своих обязанностях. И, если это продолжалось слишком долго, то родителям жены (или её близким родственникам, порой опекунам) приходилось официально объявлять о расторжении брака. В таком случае, прежде всего, страдала репутация детей. Женщина же могла стать визитной женой вторично. Ребёнка же, как правило, усыновляли или удочеряли, дед с бабкой.

Для себя я решила: как бы ни будет трудно, как бы мне не оскорбительны посещения мужем куртизанки – я ни словом не упрекну его. Тем паче, что теперь, когда мои родители пребывают в далёкой провинции, и мой родной брат отбыл с женой в столичную область Нисиномию – за меня некому заступиться. Все невзгоды придётся терпеть в одиночку, не подавая вида.

Наконец, на третий день я покинула ложе, привела себя в порядок и решила нести свою ношу с гордо поднятой головой. С сегодняшнего дня Томомори никогда не увидит меня в печали. Разумеется, я не стану идти с ним на открытый конфликт, а лишь дам тонкий намёк на своё недовольство.

Облачившись в просторное кимоно из нежнейшего шёлка, я отправилась в кабинет отца и предалась написанию иероглифов. В конце концов, мне это надоело, и я заметила некий свиток. Развернув его, я поняла – это хозяйственные счета, которые отец всегда вёл с особой скрупулезностью.

Я разложила свиток на полу, чистой стороной кверху, и задумалась: что бы написать? Увы, в голову ничего не приходило – ни единой стихотворной строфы. И неожиданно для себя я начала писать историю Хэйана, что некогда рассказывал мне отец.

История столицы Хэйан

«Почти пятьдесят лет назад для строительства столичного города была выбрана деревня Уда, дважды осмотренная императором Камму. В следующем году начались строительные работы, поздней осенью император и наследный принц въехали в новую столицу, названную Хэйан, что означало «Столица мира и спокойствия». Император Камму решил не уступать пышным китайским наименованиям: прежние японские столицы, как правило, именовались по местности, в которой находились. Примером тому может служить Асука[97].

Низина, в которой строился Хэйан, с востока, севера и запада окружена горами, в центре её струится река Камогава, русло которой перенесли восточнее, чтобы спасти центр столицы от наводнений.

Моделью для Хэйан послужила танская столица Чанъань. Новая столица была примерно в три раза меньше своего прототипа. Император не стал обносить Хэйан стенами. С всех сторон город ограждали горы. И потому Камму приказал окружить стенами лишь императорский городок-дайдайри, на территории которого находились и все правительственные учреждения. Центром же южной границы города стали гигантские ворота Радзёмон. Они возвышаются и поныне.

Дайдайри же за пошедшие годы изменился. И из городка превратился в прекраснейшую императорскую резиденцию – город в городе.

От Радзёмон на север тянулся проспект Судзаку деливший город на восточную (левую) и западную (правую) части и упиравшийся в главные ворота императорского городка, Судзакумон. По обеим сторонам проспекта была устроена живая изгородь из ив и цветов, вырыты канавки для стока воды во время дождей. Справа и слева от проспекта были построены буддийские храмы – Тодзи (восточный) и Сайдзи (западный), дома приемов иностранных послов (корокан), служившие гостиницами для иностранцев, и два рынка. Все эти строения стоят и по сей день.

Император приказал организовать рынок, на котором бы торговали тканями, иглами, маслом, керамическими изделиями, рисом, рыбой, мечами, луками. Существовали и специализированные лавки – по продаже риса, масла, сушеной рыбы, сырой рыбы. Кроме того, на рынках устраивались песенно-танцевальные представления, буддийские проповеди, моления, выставляли на всеобщее обозрение преступников. Словом, всё, как и поныне.

При дворе функционировал особый, привилегированный рынок,

где продавали китайские изделия – предметы роскоши. Лишь придворные сановники и их жёны могли посещать его. Постепенно рынок себя исчерпал. Торговцы из Китая приобрели в Хэйане богатые дома на Пятой линии и подле них открыли лавки, в которых в изобилии продавались различные привозные товары.

В левой и правой частях столицы находились и поныне находятся дома принцев, аристократии, чиновников, а также простых горожан. С востока на запад Хэйан пересекает девять проспектов. Вдоль южной границы императорской резиденции проходит проспект Нидзё-одзи, за которым в восточной части располагался синтоистский храм Синсэнъэн с искусственным парком в танском стиле, с озером, окруженным деревьями и камнями.

Императорская резиденция имеет двенадцать ворот. Главные – Судзакумон – ведут к внутренним воротам – Отэммон, за которыми находится Правительственная палата (Тёдоин). С запада к ней примыкает императорский Дом банкетов Буракуин. Вокруг располагаются различные правительственные здания. Восточнее центра резиденции находятся собственно императорские дворцовые сооружения. Главным из них является Сисиндэн, где проводятся коронация и другие важные церемонии.

Северная галерея ведёт к личным покоям императора, Сэйрёдэн. Севернее раскинулся находился дворец императрицы Дзёгандэн. Политическими делами император занимается в тронном дворце Дайго-кудэ…»

За работой я не заметила, как пролетел день. Вечерело…

* * *

Сменился год, наступила третья луна.

Я украсила помещение цветами персика и ожидала, что муж придет посмотреть, но так и не дождалась. Муж заявился только на четвёртый день, когда листья персика увяли и облетели. Это показалось мне весьма символичным…

И я написала стихотворение:

Мы ждали вас вчера,
Чтоб пить вино с цветочным ароматом.
Вы здесь теперь,
Но нет ветвей с цветами —
Сломали их…

Однако теперь Томомори уже открыто уходил к той женщине

с городской улочки. Мне иногда казалось, что его поведение даже вызывало тревогу у главной его супруги. Мне было так горько, что и не сказать, – но поделать с этим я ничего не могла.

Я уже смирилась со своим одиночеством. Меня поддерживала лишь одна мысль: моё скорое материнство. Ибо ребёнок вовсю толкался и ворочался в моём чреве. Подходили сроки.

Муж всё реже посещал меня. И о рождении нашей дочери он узнал лишь из моего письма. Девочка появилась на свет крошечной, сморщенной и синюшной. Но для меня она была самым прекрасным ребёнком на свете. Я назвала её Каори, не спросив дозволения и мнения своего мужа.

Он не оставил меня окончательно. После рождения Каори, он навещал меня и дарил подарки. Я старалась быть предельно любезной и предупредительной. Но былой любви уже не было…

А между тем наступило лето, и в это время у женщины с городской улочки родился от Томомори мальчик. Усадив её в свой экипаж, муж гордо проследовал мимо моих ворот. Вероятно, он хотел показать мне: теперь у меня есть наследник! Ведь его главная жена так и не смогла иметь детей.

Весь остаток дня я повела в печали, занимаясь каллиграфией. Из-под моей кисти появились иероглифы: «Тоска», «Измена», «Неверность»…

Приближались состязания по борьбе. Мой муж, Киёхара Томомори, слыл не только красивым, но и сильным мужчиной. И потому он намеревался принять участие в предстоящем состязании. До меня дошли слухи, что его главная жена занемогла от болезни…

Он прислал мне узел, в котором были завёрнуты кимоно и отрез ткани. Из письма я поняла: кимоно надо починить, а из отреза пошить новое платье.

Моему возмущению не было границ. В конце концов, у Томомори есть главная жена и наложница! К тому же до меня нашли слухи, что Томомори нашёл искусного целителя, и его главной жене стало намного лучше. Уж кимоно зашить она точно сможет!

Я решила написать извинительное письмо мужу и отправить шитьё назад. Я знала, что это расстроит Томомори. Но так я могла, по крайней мере, выказать своё недовольство своим положением.

После этого случая Томомори не посещал меня почти что целую луну. Я порой пребывала в панике: зачем я вернула узел?! Надо было просто сшить ему новое кимоно! А об уязвлённой гордости следовало забыть!

Прошло время и мой муж начал постепенно охладевать к

наложнице и всё чаще появляться в моём доме. Вскорости мы снова делили ложе…

Когда луна появилась из-за гребней гор, Томомори дал понять, что не собирается уходить. Я приняла его с распростёртыми объятиями.

Наконец я узнала, что ребёнок Томомори, рождённый от наложницы умер. Это известие буквально лишило меня покоя. Ещё недавно я желала этой женщине только самого худшего… Но теперь мне было её искренне жаль.

Томомори окончательно перестал посещать её дом. Однако наши отношения с мужем снова разладились. Его главная жена стала чувствовать себя намного лучше, благодаря неусыпным стараниям целителя. И Томомори окончательно перебрался в свой дом. Мне он лишь посылал короткие письма, справлялся о дочери, да порой его доверенный слуга привозил увесистый кошелёк, туго набитый монетами.

* * *

Томомори дослужился до чиновника четвёртого ранга, прекратил службу во дворце Чистой прохлады, а на церемонии возглашения чиновников был назван старшим служащим в ведомстве, занимавшимся благоустройством столицы. Томомори не имел ни малейшей склонности к строительству и планированию улиц и потому пребывал в крайнем раздражении. И посему он старался реже посещать службу, пытаясь найти оправдание своему отсутствию. И потому всё чаще появлялся в моём доме.

Его же главная жена, семья которой способствовала новому назначению Томомори, выражала крайнее недовольство. Престарелый тесть и вовсе гневался на нерадивого зятя, коего пришлось пристроить на столь доходную должность. Когда-то тесть и сам занимал эту должность, что позволило ему в течение пяти лет сколотить немалое состояние. Ибо многие зажиточные горожане, дома которых не соответствовали очередному указу ведомства, предпочитали давать его чиновникам взятки, нежели заниматься перестройкой своих жилищ.

Томомори всячески отлынивал от службы и в компании меня и нашей дочери часто прогуливался за городом. А порой мы принимали участие в многочисленных придворных празднествах, в частности в Саду Благочестивых Источников[98]. Там-то я и повстречала принца Оходомо Сино…

Принц был красивым, статным мужчиной. Многие

придворные дамы сходили по нему с ума. Тем паче, что он считался одним из претендентов на трон после смерти императора.

Наконец принц, через которого тесть выхлопотал Томомори должность, не выдержал и возмутился. Он отправил нерадивому чиновнику письмо в стихотворной форме. Но мой муж не внял его содержанию и продолжал бездельничать.

Случилось так, что Томомори перевёз нас в один из своих домов, что расположился на Первой линии. Дом был лишь одним забором отделён от резиденции принца. Вскоре пошли сильные дожди, и мы были вынуждены не покидать своего жилища.

Неожиданно муж получил послание от принца:

В этих долгих дождях,
Ничем не дающих заняться,
Среди струй водяных,
Торопливых
Тоже кроется смысл.

Томомори написал изящный ответ. Вскоре между ним и принцем завязалась переписка. ***

Наступил долгожданный перерыв в дождях и мой муж решил-таки не пренебрегать своими служебными обязанностями и отправился в деловую поездку на окраину города. И обещал вернуться только затемно.

Не успел он отбыть, как мне принесли послание от принца. Оно гласило:

"От вчерашней любви
Ища утешенья,
С гвоздикой в руке
Стоял я у вашей стены.
Вы так и не знали?

Но поскольку это было бесполезно, я ушел прочь".

Я долго пребывала в недоумении. Отчего я, визитная жена, женщина лишённая блистательной внешности, привлекла внимание столь завидного кавалера? Я терялась в догадках. И оттого не стала посылать ответ. И мужу решила ничего не говорить об этом…

Однако я допустила ошибку: Томомори отлучили от двора. Правда, свою доходную должность он сохранил. Однако, по слухам, его тесть был крайне недоволен…

Впрочем, мой муж уделял время и службе и своей главной жене. А со сварливым тестем вёл себя с сыновней почтительностью.

* * *

Прошёл год и ничего особенного не произошло. Я пользовалась особым расположением мужа. Гнев принца сменился на милость, и он был снова допущен ко двору.

Когда прошли сезонные праздники, принц снова переехал в свой постоянный дворец, и Томомори навестил его там. Он увидел те же самые, что видел в прошлом году, красивые цветы и густые заросли травы-сусуки, теперь же очень коротко постриженной.

Томомори сказал его высочеству:

– Когда её выкопают, чтобы рассадить, не пожалуете ли вы мне немного рассады?

Принц охотно пообещал.

Затем мы с мужем отправились в путешествие по долине. Вернувшись домой, мы обнаружили подарок от принца – в голубую бумагу была аккуратно завёрнута свежевыкопанная трава-сусуки.

Прошла весна, а когда наступило лето, у меня возникло чувство, что муж под любым предлогом старается покинуть дом. Я заподозрила появление очередной наложницы. Неужели снова куртизанка?..

* * *

Тем временем я получила печальное известие из провинции, где служил отец: матушка исчерпала пределы своей жизни и в начале осени после долгих мучений скончалась. Чувство горести не покидало меня. Наконец меня сразил тяжёлый недуг: руки и ноги мои цепенели, в груди всё болело, дышать становилось трудно.

Поначалу Томомори беспокоился обо мне – приглашал самых искусных целителей, что лечили его главную жену. Но, увы, облегчение наступало лишь на непродолжительное время.

От болезни я страдала долгие годы. Муж мой обзавёлся ещё одной визитной женой и наложницей. По слухам обе они были хороши собой и молоды. Однако, надо отдать должное, он не забывал о нашей семилетней дочери и постоянно присылал денег

на её содержание. Пусть не много, но нам хватало для скромной жизни.

Наконец срок пребывания моего отца в провинции истек, и он прибыл в Хэйан. Отец сильно постарел, превратившись в старика – смерть матери его подкосила. Он постарался окружить меня заботой, и постепенно мне стало лучше.

Вскоре мы вместе с отцом, поручив заботу о Каори верной служанке, отправились в горный храм, который любила посещать матушка.

Путешествие было длительным. Добравшись до места, мы сняли небольшую, но чистую хижину, в которой провели три последующих месяца.

Молитвы, обряды очищения и песнопения буддийских монахов сделали своё дело: я окончательно отправилась после смерти матушки, уверовав, что душа её пребывает в Чистых землях Будды.

* * *

Вернувшись в столицу, я узнала, что муж мой сильно занемог. Он пребывал в доме, некогда принадлежавшем его отцу, на второй линии в полном одиночестве. Наскоро повидавшись с дочерью, я тотчас приказала запрячь быка в повозку. И отправилась к мужу, ибо это мой долг.

По дороге я размышляла: отчего Томомори один? Где же его жёны и наложница?

Я застала Томомори в плачевном состоянии. Сильный кашель и озноб мучили его. Целитель, что неусыпно находился при нём днём и ночью (тот самый, что помог и его главной жене и впоследствии мне) возводил глаза к небу, ссылаясь на волю Будды.

Мне стало грустно…

Почти семь дней я провела у ложа больного мужа и, наконец, болезнь уступила. Озноб спал, кашель пошёл на убыль. Я вознесла хвалу Будде и целителю.

Муж, наконец, признался, что рад меня видеть.

– Я устремилась к тебе, как только узнала о болезни… – призналась я, чем тронула его сердце.

– Прости меня, Токуко… Прости за всё… – произнёс муж слабым голосом. – Я часто забывал о тебе, проводя время с другими женщинами. И вот видишь, остался один…

Я вскинула брови в недоумении.

– Вероятно, ты хочешь узнать: что же случилось?..

Я видела, как Томомори тяжело говорить об этом.

Он тяжело вздохнул и признался:

– Я потерял место, на которое в своё время меня устроил тесть. Злобный старик не мог простить мне этого. К тому же в последнее время он постоянно попрекал меня своей дочерью… Разве я виноват, что она не может родить ребёнка?

– Мне искренне жаль… – произнесла я, понимая, что тесть моего мужа испортил ему жизнь.

– Я остался без должности, жёны не желают меня видеть, потому что я не могу достойно их содержать… Но я намерен подать прошение принцу… Ведь он – мой давний друг.

Внезапно я вспомнила мимолётное ухаживание принца… Вскоре я перебралась к мужу и отношения наши наладились. Правда, нам приходилось экономить на всём. Но меня это не смущало…

* * *

Приближался праздник поминовения усопших. Томомори был ещё слаб, чтобы покидать дом, я же решила отправиться на молебен в ближайший горный храм Синто. Хоть я и поклоняюсь Будде, но и древних богов по-прежнему чту.

Тем паче, что этот храм предпочитает посещать принц Оходомо Сино. Я была преисполнена уверенности, что встречу принца в горной обители. Так и случилось…

Наши паланкины пересеклись на горной дороге.

Принц, откинув полог, тотчас же узнал меня.

– Вы не стареете, госпожа Киёхара… – не без удовольствия сказал он.

Я, сидя в паланкине, слегка поклонилась.

– Я слышал, ваш муж был тяжело болен… – продолжил принц. – Надеюсь, теперь ему лучше?

– Да, мой господин… – с готовностью подтвердила я. – На его долю выпало ни мало испытаний: потеря доходной должности, разлад с жёнами.

Оходомо рассмеялся.

– Ну, уж с одной из жён у господина Киёхары точно всё в порядке!

Я сдержанно улыбнулась.

– Единственное, что омрачает наше счастье – отсутствие денег… – откровенно призналась я.

Принц внезапно сник.

– Поверьте, я сожалею, что пошёл на поводу господина

Татибаны, тестя вашего мужа. Это несносный старик… Надеюсь, увидеть вас в храме во время молитвы…

* * *

Прошло время. Я уже и не чаяла, что принц поможет Томомори. И вдруг пришло письмо, что в провинции Дэва[99] появилась доходная должность, и она может достаться моему мужу, если тот выполнит ряд требований.

Томомори тотчас засуетился и оправился в надлежащий департамент, чтобы не упустить представившуюся возможность.

К тому времени я уже знала, что беременна вторым ребёнком. Но Томомори ничего не знал. Я решила пока что не говорить ему…

К вечеру он вернулся домой в приподнятом настроении.

– Через пару месяцев, мы сможем покинуть столицу и отправиться в Дэва. Сейчас там спокойно. Дикарей оттеснили на север…

Я сникла…

– Что с тобой? Ты не рада? – встревожился Томомори.

– Я не смогу сопровождать тебя в столь дальней поездке… Я беременна… – призналась я.

Томомори в порыве чувств обнял меня.

– Значит, приедешь позже, когда ребёнок родится… Если родится девочка назови её Комати, мальчика же – Хироси.

Два последующих месяца буквально пролетели в подготовке к дальнему путешествию. Томомори очень волновался: должность была очень выгодной, но, увы, в далёком местопребывании. К тому же мне день ото дня становилось хуже – беременность протекала очень тяжело.

Меня постоянно тошнило, руки и ноги мои стали отёчными и утратили прежнее изящество.

Наконец муж нанял прорицателя, и тот определил самый благоприятный день для путешествия. Когда я прощалась с мужем, у меня возникло смутное чувство, что вижу его в последний раз…»

(На этом дневник Киёхары Токуко обрывается. Женщине действительно было не суждено свидеться с мужем – она умрёт родами. Томомори последует за женой пять лет спустя, когда его второй дочери Комати исполнится пять лет).

* * *

Комати дочитала дневник и положила его обратно в ларец. Наверное, ей так нравилось перечитывать его, потому что, она видела некоторую схожесть со своей жизнью. Но её отец, всё-таки продолжал поддерживать связь с матерью, и в итоге, им даже удалось наладить отношения. В отличие от Куниёси, который фактически бросил поэтессу с маленьким сыном на руках.

Решив про себя, что продолжит укреплять своё положение при дворе, и найдёт себе в дальнейшем достойного супруга, женщина отправилась спать, ибо уже наступила середина часа Крысы…

* * *

На следующий день Комати проведала сына, а заодно и Ханако с Мунакатой. За прошедшие годы девочка сильно выросла, и выглядела не на свои тринадцать, а на все пятнадцать, и родители подумывали пристроить её на службу фрейлиной во дворец. Ацутада даже предлагал подыскать дочери достойного супруга, но Каори была категорически против так рано выдавать её замуж. На её взгляд стоило подождать ещё года два-три, пока Ханако станет постарше.

Мунаката тоже подрос. И теперь здоровый пятилетний мальчик резво бегал по двору, пытаясь втянуть Ёсихару в свои активные игры.

Ёсихаре минуло три года. Несмотря на то, что дети в этом возрасте отличаются большой активностью, он был тихим и замкнутым ребёнком болезненного вида. И совсем не разделял желание Мунакаты побегать по саду.

Комати и Каори сидели в одной из комнат поместья рода Оно, у приоткрытых сёдзи, наблюдая за мальчиками.

Поэтесса с печалью смотрела на сына. Конечно, благодаря неусыпной заботе матери, а потом тёти, он немного окреп, но всё равно она сильно беспокоилась.

– Не волнуйся, многие слабые дети вырастают здоровыми, – попыталась приободрить её сестра.

– Не все успевают вырасти… – мрачно заметила Комати.

Каори категорически замахала руками в ответ:

– Не стоит так говорить! Может он и не станет очень физически развитым, но уж точно будет умным! Для своего возраста Ёсихара на редкость сообразителен…

Женщина вяло кивнула в ответ. Впрочем, насчёт сообразительности племянника, её сестра верно подметила – далеко не все дети в три года могли сравниться умом с сыном

поэтессы.

Каори, тем временем, попыталась перевести тему разговора:

– Лучше расскажи, что нового при дворе?

Комати поведала ей последние дворцовые сплетни. Женщина почувствовала лёгкую зависть: конечно, она любила детей, и ей нравилось заниматься их воспитанием. Но порой, сидеть в поместье было невероятно скучно…

Особенно после того, как Ацутаде пожаловали более прибыльную должность в департаменте, где он служил. С тех пор, мужчина стал приезжать домой позже обычного, а порой и вовсе, задерживался почти до ночи.

Каори беспокоило такое положение дел, ибо в последнее время ходили слухи, будто на улицах Хэйана не безопасно. Припозднившиеся путники в разных частях города утверждали, что видели демона, чёрта-они. Особенно он любил являться людям, едущим в экипажах, но порой с ним встречались и пешие путники…

А недавно, на Четвёртой линии, одного пожилого оммёдзи из департамента Оммё-рё и вовсе нашли мёртвым, с застывшим на лице выражением ужаса…

Официально, он умер от разрыва сердца. Мало ли что может примерещиться в темноте старику! Что-то показалось, он испугался, вот сердце и не выдержало… К тому же, в тот вечер, он выпил вина с друзьями. Посему, подробности его смерти расследовать не стали, списав всё на стечение обстоятельств. Но среди простых людей упорно продолжали ходить слухи, будто здесь не обошлось без демона…

…Пытаясь отвлечься от столь невесёлых размышлений, женщина спросила у сестры:

– Скажи, Комати, а как складывается у тебя? Не присмотрела ли ты достойного кавалера?

Фрейлина печально вздохнула:

– Пока что нет…

Какое-то время они сидели молча и наблюдали за мальчиками. Мунаката набегался, и теперь вместе с Ёсихарой с интересом наблюдал за колонией муравьёв, раскинувшейся под старым деревом. Маленькие создания куда-то сосредоточенно ползли, неся на своих спинах различную ношу, зачастую по размеру намного превосходящую их самих.

– Комати, мне хотелось бы кое-что обсудить с тобой… – вдруг сказала Каори.

Фрейлина по выражению лица сестры поняла: разговор предстоит серьёзный.

– Что-то случилось? – взволновалась она.

– Мы с Ацутадой очень привязались к Ёсихаре. Ацутада видит в нём ещё одного сына… Сама знаешь, за столько лет брака, мне удалось родить только одну Ханако, и больше не удавалось забеременеть, хотя и я хотела ещё детей… И нам бы хотелось усыновить Ёсихару[100].

Комати изумлённо посмотрела на сестру. Весть оказалась неожиданной… Каори же, тем временем, продолжала:

– Тогда ты сможешь спокойно устроить свою жизнь. А мы позаботимся о мальчике.

Фрейлина задумалась. Предложение и впрямь оказалось неожиданным. Но она могла спокойно доверить воспитание сына сестре. И по-прежнему смогла бы навещать его. К тому же, тогда она сможет спокойно занять своей жизнью.

Посему, Комати к большой радости Каори дала согласие.

Глава 12

Стоял конец весны. С тех пор, как Каори и Ацутада усыновили Ёсихару, прошёл месяц. Комати часто ловила себя на мысли, что ей стало намного спокойнее за судьбу сына. Она была уверена: сестра хорошо позаботится о нём.

На службе у поэтессы тоже произошли изменения. Нефритовая госпожа Дзюнси решила, что в свиту юной принцессы Акиракейко ни мешало бы отправить пару опытных фрейлин. Ибо супруга принца Митиясу славилась при дворе на редкость капризным нравом, и в её свите мало кто задерживался надолго. Разве что дочери аристократов из провинций, которым было некуда идти. И то выдерживали далеко не все…

После некоторых раздумий выбор императрицы пал на двух дам из её собственной свиты. И одной из этих женщин оказалась Комати.

Поэтесса восприняла сию весть без особого восторга, но виду не подала. Она решила приложить максимум усилий, дабы попасть в милость новой госпоже. А это представлялось ей очень непростой задачей…

Пока жизнь придворных дам шла своим чередом, в Хэйане всё больше и больше распространялись слухи о таинственном демоне, являющимся по ночам припозднившимся путникам. Особенно после таинственной смерти служащего Оммё-рё…

Жители Хэйана без лишней надобности старались не выходить и не выезжать на улицу с наступлением сумерек. А те, кому всё-таки необходимо было это сделать, брали с собой как можно больше оберегающих талисманов и по возможности соль, дабы отпугнуть тёмные силы.

Неизвестно, сколько бы ещё странные явления демона оставались без должного внимания Оммё-рё, если бы ни одно событие…

После развода с Комати, Тайра Куниёси спустя какое-то время обзавёлся новой супругой, и с тех пор, уделял внимание ей. Ещё через некоторое время, взял себе наложницу, которую поселил в своём доме. Его законная жена долго всячески выказывала своё недовольство, пока, наконец, ей это окончательно не надоело, и она не перебралась в дом родителей.

После ухода супруги, служащий пристрастился к посещению увеселительных заведений и к выпивке. В тот вечер, Куниёси задержался в обществе куртизанок, и возвращался домой поздним вечером, в середине часа Крысы. Запряжённая волами повозка неторопливо тянулась по улицам.

Время от времени он высовывался из окна и от обилия выпитого вина заплетающимся языком, кричал погонщику:

– Веди эту тупую скотину побыстрее! Чего вы так медленно тащитесь?

Погонщик, по мере своих возможностей подгонял животных. Но быки, разморённые тёплым весенним вечером, не спешили убыстрять шаг. Они лениво мычали в ответ, и продолжали идти в своём размеренном темпе.

Вдруг, волы остановились и беспокойно замычали. Недоумённый погонщик, пытался заставить их продолжить путь, но, увы, безуспешно.

– Что же вы встали? – изумлялся он, не в силах заставить животных идти дальше.

Но быки не двигались, продолжая обеспокоено мычать.

– Что такое? Мы уже доехали? – высунулся из повозки недовольный Куниёси.

– Не волнуйтесь господин, мы сейчас продолжим путь… – потупил очи долу погонщик.

Тайра что-то недовольно пробормотал себе под нос, и вновь скрылся внутри экипажа. Слуга, тем временем, безуспешно пытался растолкать нерадивых животных, но они по-прежнему отказывались двигаться дальше.

– Да что же с вами такое-то? – недоумевал он.

Через несколько минут, из окна повозки, вновь высунулась голова Куниёси. Окинув раздражённым взором застывших на месте волов, он вылез из экипажа и решительно направился к ним.

– Сейчас вы у меня получите… – бормотал себе под нос захмелевший служащий.

Он намеревался, как следует ударить животных под зад своей сандалией. Конечно, на трезвую голову подобная мысль вряд ли бы его посетила…

Куниёси уже стянул с ноги сандалию, как вдруг ощутил беспокойство неясного происхождения. Так и замерев с занесённой в руке обувью, он начал взволнованно озираться по сторонам.

Погонщик тихо стоял чуть поодаль, решив про себя, что господин выпил слишком много вина, и лучше его не гневить.

Тем временем, Тайра заметил некую фигуру. Судя по очертаниям, она принадлежала достаточно высокому мужчине в рогатом шлеме.

– Ох, это всего лишь ещё один припозднившийся путник… – вздохнул с облегчением служащий.

Он не беспокоился о том, что это мог оказаться грабитель,

ибо объявиться подобному человеку на Второй линии Хэйана, воистину безумие. Стоило Куниёси закричать, как из домов зажиточных горожан тотчас бы высыпала вооружённая охрана.

Вдруг таинственный незнакомец в рогатом шлеме начал двигаться в их сторону. По мере его приближения, беспокойное мычание волов усиливалось. Взволнованные животные начали рыть копытами землю.

Когда "припозднившийся путник" подошёл достаточно близко, что представилась возможность рассмотреть его более тщательно, волноваться начал уже Куниёси со своим слугой… Ибо, рога незнакомца оказались отнюдь не частью шлема, а росли прямо из головы…

Кожа незнакомца была тёмно-красного цвета, из рта выглядывали острые белые клыки. Из облачения эта странная личность носила одну только набедренную повязку из тигровой шкуры…

Несколько мгновений двое мужчин попросту растерянно и недоумённо созерцали представшую перед ними картину. Потом поняли: перед их взором предстал ни кто иной, как тот самый демон, чёрт-они, о котором в последнее время ходило столько слухов…

Погонщик побледнел, и не в силах выдавить ни звука, попытался неловко спрятаться за волов. Куниёси хотел закричать, но из горла вырвался лишь сдавленный слабый сип. Он оцепенел от ужаса и почувствовал, как по спине пробежал противный холодок, а на лбу выступил холодный пот.

"Бежать! Надо бежать!" – билась в голове одна единственная мысль. Но, увы, тело совершенно не слушалось. При попытке сделать хотя бы шаг, мужчина бессильно упал на землю. Демон же неумолимо приближался…

Наконец, он подошёл почти вплотную к Куниёси. Его глаза сверкали неистовым красным блеском. Он склонился над бледным от ужаса служащим и схватил его за плечо…

Тайра слабо пискнул. Голова закружилась, перед глазами всё поплыло, а сердце упало куда-то вниз живота. Ощущая тошноту и животный ужас, мужчина из последних сил выдавил:

– Помогите…

Но просьба о помощи оказалась настолько слабой, что вряд ли её кто-нибудь услышал.

Демон при виде дрожащего, подобно осеннему листу, служащего, усмехнулся. Он потрепал Тайру по плечу, от чего тот, вновь испуганно запищал и осел на землю.

Подобная реакция позабавила демона ещё больше, и он, рассмеялся в голос. После чего, наконец, оставил в покое

несчастную жертву, и скрылся во тьме…

Куниёси остался сидеть прямо посреди дороги, с выражением ужаса на лице, и совершенно не понимая: что это только что было? Вдруг к своему вящему стыду он ощутил, что его хакама стали мокрыми…

Первым в себя пришёл погонщик. Он подскочил к Куниёси и обеспокоено затараторил:

– Господин, с вами всё в порядке? Что этот демон хотел? Он не причинил вам вреда?

Очнувшийся Тайра оторопело уставился на слугу. Несколько мгновений он смотрел на него круглыми глазами, пока, наконец, не сказал:

– Не представляю, что этому демону было надо: он просто схватил меня и потрепал по плечу… Я испугался… Но кажется, всё нормально…

Тут до него дошло, что он сидит на земле, да ещё и в мокрых штанах. Погонщик тоже не мог не заметить это деликатное обстоятельство, но решил благоразумно промолчать.

– Да и ещё… – Куниёси запнулся и взором указал на свои хакама. – Скажешь кому-нибудь, насколько сильно я испугался, можешь распрощаться со своей работой…

– Что вы, господин, у меня подобного и в мыслях не было! – поспешил заверить его слуга. – Я и сам испугался, хотя демон ко мне так близко не подходил…

– Быстрее, поехали домой…

Слуга возражать не стал, и буквально через минуту повозка двинулась дальше. На сей раз, быки разделяли мнение хозяина, и шли куда быстрее…

* * *

На следующий день, в Налоговом департаменте, ещё не зная о ночном происшествии, изумлялись: где же Тайра Куниёси? Он же всегда пребывал на службу вовремя! Неужто что-то случилось?

На самом деле Куниёси прибыл ко двору. Но отправился не на службу, а в Оммё-рё, с твёрдым намерением обратиться к оммёдзи за помощью по изгнанию вчерашнего демона.

И тут же, принялся изливать душу служащим сего департамента, время от времени, от переизбытка чувств путая слова и окончания.

Столпившиеся вокруг него оммёдзи пытались вникнуть в сбивчивый рассказ чиновника, но тщетно. Один из числа молодых оммёдзи, наконец, догадался пойти и доложить об визите Тайра

Куниёси главе ведомства. Глава Оммё-рё, пожилой мужчина по имени Фудзивара Окада был одним из родственников нефритовой госпожи Дзюнси. Он являл собой человека тучного, ленивого, и крайне не любящего лишний раз напрягаться.

Он с большой неохотой оторвался от своих повседневных дел (распития чая и размеренной неторопливой работы с документы) и отправился к Куниёси. Тот по-прежнему пребывал в крайне взволнованном состоянии и не мог связно изложить свои мысли.

Окада, видя такое дело, подошёл к нему, и жестом пригласил проследовать в свой кабинет.

– Прошу вас, пройдёмте со мной.

Чуть позже, Тайра сидел в кабинете напротив Окады и пил чай с успокаивающими травами. Немного совладав с волнением, он боле менее связно поведал о вчерашнем происшествии главе департамента, разве что упустив излишние подробности о мокрых штанах.

Окада внимательно его выслушал. Но Фудзиваре не хотелось ничего делать, он не желал ничем заниматься. Его вполне устраивало нынешнее положение дел: получать солидное жалованье и не перетруждаться.

– До нас доходили слухи об это демоне… Но никто не обращался к нам в департамент, посему мы и не начинали расследование… – лениво прокомментировал он.

На самом деле, по сему вопросу к нему уже неоднократно обращались служащие различных министерств и несколько дам. Фудзивара обещал им разобраться, и убеждал, что вскоре нечисть перестанет бродить по улицам столицы… На самом же деле, он ничего не делал, и даже не помышлял об этом. Надеясь, что всё образуется само собой.

Вот и сейчас, Окаде хотелось спокойно поесть, попить чаю, посидеть в тишине. Но никак не слушать жалобы какого-то чиновника из Налогового департамента.

– А разве один из ваших служащих не умер при странных обстоятельствах? – не преминул заметить Куниёси.

Фудзивара слегка сконфузился, но быстро нашёлся, что ответить:

– Причину его смерти констатировали, как разрыв сердца. Тот вечер он провёл с друзьями, да ещё и выпил вина… Мало ли что может примерещиться в темноте захмелевшему старику! Я бы не стал связывать происшествие с появлением демона…

Тайра недовольно нахмурился. Подход главы департамента к своим обязанностям ему очень не нравился.

– Скажите, господин Окада, всё ли у вас благополучно с уплатой налогов? Не утаиваете ли вы какие-нибудь доходы? – с

невинным видом поинтересовался он. – Не боитесь ли, что к вам может нагрянуть налоговая проверка?

Окада напрягся, на лбу у него выступила испарина. Он сразу понял, куда клонит Куниёси. Служащий налогового департамента, в свою очередь догадался, что попал прямо в яблочко.

– Я честный человек! – возмутился Фудзивара, покрываясь от волнения красными пятнами. – И я со всей ответственностью подхожу к возложенным на меня обязанностям! Сегодня же отберу подходящих людей, для расследования этих вопиющих происшествий!

Куниёси удовлетворённо кивнул. Что и говорить, а Налоговый департамент никто не любил, даже родственники императрицы. Конечно, Окада запросто мог откупиться от проверки, но, зная аппетиты служащих Налогового департамента, предпочёл бы просто с ними не связываться…

* * *

В тот же день, глава Оммё-рё, Фудзивара Окада, призвал к себе Абэ-но Кэйтиро и Сэйки, помня о том, как они когда-то смогли справиться с духом госпожи Микуни Норико и позже помогли микадо.

Он кратко ввёл их в курс дела, и отдал указание: разобраться с происходящим, как можно скорее. Найти демона и обезвредить его, дабы наконец, на вечерних улица столицы наступил покой.

Татибана Ясима, один из служащих департамента, просил Окаду перепоручить это дело ему. Но глава был непреклонен и не намеревался менять своё решение, к великому неудовольствию Ясимы…

* * *

Тем временем, Комати ещё не знала об истории, приключившейся с её бывшим мужем. Она испросила разрешения у госпожи Акиракейко ненадолго отлучиться и проведать сына.

Юная принцесса, славившаяся капризным нравом, ко всеобщему удивлению прониклась к поэтессе, и милостиво разрешила фрейлине навестить ребёнка.

Повозка фрейлины медленно тянулась за двумя ухоженными волами по вечерним улицам Хэйана.

Погонщик шёл рядом, время от времени подгоняя животных.

Комати задремала в повозке. Стояло начало часа Кабана, и весенняя темнота окутывала землю.

Периодически мимо экипажа проходили припозднившиеся путники. Наслышанные про демона, они озирались по сторонам, многие сжимали в руках талисманы или баночки с солью. Но пока что было тихо, ничего не предвещало беды…

…Повозка придворной дамы достигла окраины Хэйана. Внезапно, быки резко остановились. Комати проснулась из-за толчка от резкого торможения. Она высунулась в окно и с удивлением спросила своего слугу:

– Что-то случилось?

Погонщик пожал плечами и виновато ответил:

– Не знаю, госпожа… Животные вдруг встали, как вкопанные…

Мужчина, тоже наслышанный о странных событиях, творящихся в городе в последнее время, неприятно поёжился. Сталкиваться с потусторонними силами в его планы явно не входило.

Испуг погонщика не укрылся от цепкого взора Комати. Догадавшись о причинах его беспокойства, она попыталась ободрить слугу:

– На случай, если появится демон, у меня есть соль и талисман.

Погонщик с трудом выдавил улыбку, и вернулся к своим попыткам растормошить волов. Но животные упрямо мычали и не желали сдвигаться с места.

Фрейлина, всё это время выглядывающая в окно, вдруг заметила вдалеке некую таинственную фигуру, в рогатом шлеме. В отличие от Куниёси, Комати уже раньше сталкивалась со сверхъестественными явлениями, быстро догадалась, что это вовсе не человек…

Вспомнив, что ей когда-то рассказывал Сэйки, она вылезла наружу из повозки, быстро начертила круг из соли, чтобы в него попали и волы, и погонщик. "Жаль, что я заклинание не знаю… – мысленно посетовала она. – Но, как говорил оммёдзи, если демон не очень сильный, соль должна помочь…"

– Не выходи из круга, – приказала фрейлина слуге. – Если этот демон не слишком могущественен, он не сможет зайти внутрь.

Погонщик, подобно многим служащим двора, был наслышан о том, как поэтесса когда-то вместе с оммёдзи участвовала в изгнании духа Микуни Норико. Посему, решил, что женщина знает, что делать, и немного успокоился.

Тем временем, таинственная фигура приближалась. Чем

ближе подходил человек в "рогатом шлеме", тем больше беспокоились быки. Они взволнованно мычали и рыли копытами землю.

Вскоре, загадочное существо подошло настолько близко, что представилась возможность рассмотреть его более подробно… Комати едва сдержала испуганный крик, ибо её взору предстал чёрт-они. Слуга стоял рядом, с трудом сдерживая дрожь.

Демон, завидев людей, направился в их сторону. "Только бы круг помог…" – крутилась мысль в голове перепуганной Комати. У женщины дрожали коленки, на лбу выступила испарина.

Демон приблизился к повозке, как вдруг наткнулся на некую преграду. Он зарычал и посмотрел вниз: так и есть, на земле был начертан круг из соли. У мистического существа не хватало сил прорваться через защиту, пусть и не усиленную заклинанием…

Посему, чёрт-они начал обходить круг, пытаясь найти в нём изъян. Но, увы, отыскать лазейку так и не удалось.

Недовольно порычав и ещё немного потоптавшись вокруг, он двинулся прочь, на поиски новых жертв. Когда демон скрылся из вида, Комати и погонщик некоторое время продолжали стоять в оцепенении. Наконец, фрейлина, сказала:

– Думаю, можно ехать…

Слуга закивал, и когда женщина вновь села в повозку, с облегчением повёл волов дальше…

* * *

Комати, наконец, добравшуюся до поместья Оно, встретила взволнованная Каори. Заметив бледность и перепуганный вид сестры, женщина тотчас поняла: что-то произошло.

– О, боги! Комати! Что стряслось? – воскликнула она.

– Чёрт-они… – слабо выдавила фрейлина.

Лицо Каори исказилось от ужаса. Она повела сестру внутрь дома и налила сливового вина. Когда поэтесса немного пришла в себя, она поведала в подробностях, что же с ней приключилось.

– Милостивые боги! – воскликнула Каори, когда Комати закончила свой рассказ. – Всё-таки это не просто слухи… Хорошо ещё, что у тебя оказалась с собой соль.

Фрейлина кивнула. Её не покидало смутное ощущение, что в произошедшем событии, было что-то не так…

* * *

На следующий день, ближе к вечеру, Комати вернулась во дворец. К этому времени, уже весь двор судачил: Тайра Куниёси столкнулся с демоном! С тем самым, о коим судачила вся столица! Служащий переполошил весь Оммё-рё, и ведомство, наконец-то, отправило своих служащих расследовать эти происшествия!

Фрейлина немало удивилась. Ей стало любопытно, как пережил подобную встречу её бывший супруг. Ибо женщина знала: Куниёси боялся всё сверхъестественное.

Впрочем, куда больший интерес у неё вызвал тот факт, что расследование странных событий поручили ни кем иным, как Кэйтиро и Сэйки. После некоторых раздумий, она решила, что стоит поведать оммёдзи о своей встрече с чёртом-они.

Когда выдалась свободная минутка, она взяла бумагу, обмакнула кисть в тушечницу и аккуратно вывела:

"Господин Сэйки! Хочу поведать вам, что намедни произошла одна необычная история. Направляясь вечером из дворца, я имела возможность встретиться с тем самым демоном, о котором в последнее время ходит столько слухов.

Но, как оказалось, невзирая на свой устрашающий внешний вид, он оказался не слишком могущественен, ибо от него защитил самый обычный круг из соли. Возможно, эти сведения смогут вам помочь.

Оно-но Комати".

Поставив в конце письма свою подпись, женщина дождалась, когда чернила подсохнут, затем свернула послание в свиток, перевязала лентой и передала его с надёжным слугой.

* * *

Сэйки немало удивился, получив послание от поэтессы. «Зачем госпожа Комати написала мне?» – терялся он в догадках.

Развернув письмо, он пробежал глазами по его содержимому. Послание удивило оммёдзи ещё больше, и он поспешил доложить о нём дяде.

Кэйтиро в это время пребывал в дворцовой библиотеке, листая многочисленные свитки и книги, в надежде найти сведения о демоне, который столь неорганизованно перемещается по Хэйану. Ведь обычно, у мистических сил был определённый путь, которого они строго придерживались. Исключение составляли или очень могущественные сверхъестественные существа, или же случаи, когда их призывал и контролировал человек…

Завидев взволнованного племянника с неким письмом в руках, Кэйтиро пришёл в сильное изумление.

– Что стряслось? – спросил пожилой оммёдзи. Вдруг, он решил, что это письмо от дамы, и его неожиданно посетила мысль: – Неужели ты наконец-то задумался обзавестись семьёй? Тебе уже давно пора жениться!

– Это послание от госпожи Комати. Она сообщает, что тоже встречалась с демоном…

– С демоном… – задумчиво протянул Кэйтиро. Но тут же оживился: – И что она пишет?

Сэйки подробно поведал дяде о содержимом послания. Оммёдзи внимательно его выслушал.

– Признаться честно, это повергает меня в некоторое затруднение, – после небольшой паузы заметил он. – Как я слышал, сия нечисть является в основном перед экипажами… И господину Куниёси этот чёрт-они не пытался навредить, а просто напугал… Госпоже Комати помогла простая соль без заклинаний… Словно, этот демон или развлекается, или его кто-то призвал и теперь зачем-то пугает людей. Конечно, с одним служащим департамента произошла трагедия… Но разрыв сердца мог случиться и от испуга, а ни потому что нечисть намеренно пыталась его убить… Одно лишь немного утешает: после рассказа госпожи Комати, я уверен, что этот демон не обличен большим могуществом.

– Я тоже уже думал об этом, – признался Сэйки. – Скорее всего, его кто-то призвал. Но зачем и с какой целью, нам предстоит выяснить…

* * *

После разговора с дядей, Сэйки направил ответное письмо фрейлине. Он хотел услышать более подробный рассказ из первых уст, и попросил о личной встрече.

На следующий день они увиделись в библиотеке. Комати более детально поведала о своей встрече со сверхъестественным созданием. Оммёдзи, выслушавший её, решил, что, скорее всего, демоном и впрямь, кто-то управляет.

Он поделился своими соображениями с поэтессой, чем вызвал изумление с её стороны.

– Кому и зачем могло такое понадобиться? – поразилась она.

– Мы не сможем это выяснить, пока не найдём хозяина чёрта-они, – ответил Сэйки. Он ненадолго задумался, после чего спросил: – Госпожа Комати, можем ли мы попросить вас о

помощи ещё раз? Если исходить из слухов, он преимущественно является путникам, передвигающимся в экипажах…

Фрейлина поняла: ещё одной встречи с потусторонними силами ей не избежать…

* * *

Оммёдзи официально испросили у принцессы Акиракейко и Нефритовой госпожи разрешения, на время предоставить им в помощь Комати. Подобная просьба не вызвала у женщин удивления, ибо они помнили, что фрейлина когда-то уже помогла им в изгнании духа. Хотя Акиракейко и осталась крайне недовольна тем, что из её свиты отлучают новую даму.

На сей раз задача Комати заключалась в том, чтобы стать "приманкой" для демона. Она должна была ездить в повозке по вечерним улицам Хэйана. Позади неё шли оммёдзи. При встрече с демоном они намеревались сковать его с помощью магии и узнать, кто его хозяин.

Первый вечер, увы, результата не принес… Но на второй, поздняя прогулка оказалась куда более плодотворной.

На пересечении Четвёртой и Пятой линий, на окраине Хэйана, как и несколько дней назад, тянувшие повозку быки внезапно остановились и начали обеспокоенно мычать.

– Я чувствую приближение демона… – шепнул Сэйки.

Кэйтиро в подобных делах доверял острому чутью племянника.

– Пусть направляется сюда, мы готовы к встрече с ним, – заметил он, сжимая в руке талисман.

Тем временем, из повозки высунулась Комати.

– Он уже появился? – поинтересовалась она.

Несмотря на испытываемый страх, женщину снедало любопытство. Уж больно ей хотелось ещё раз посмотреть на таинственного чёрта-они…

– Ещё нет, но думаю, что скоро мы увидим его, – ответил Кэйтиро.

– Разве вы не будете чертить защитный круг?

– Нет, госпожа Комати, сейчас это незачем, ибо мы намереваемся его схватить…

Фрейлина вышла из экипажа и вгляделась вдаль Пятой линии, на которой жили мелкие торговцы. Демон не заставил себя долго ждать. Сначала Кэйтиро ощутил приближение потусторонних сил, затем быки обеспокоено замычали… И вот, в темноте улицы показалась уже знакомая поэтессе рогатая фигура.

Комати невольно занервничала, погонщик быков подошёл поближе к животным, словно они могли защитить его. Но оммёдзи вели себя спокойно, и женщина немного успокоилась. "Не стоит волноваться, – решила она. – В конце концов, как я сама уже успела убедиться, потустороннее создание не наделено огромной силой… Посему, не стоит его бояться, когда рядом два оммёдзи".

Вскоре, демон подошёл настолько близко, что представилась возможность детально его разглядеть. Комати, на сей раз не окружённая кругом из соли, испуганно отступила назад. Оммёдзи продолжали спокойно стоять, желая подпустить чёрта-они, как можно ближе.

Когда расстояние между ними составляло лишь несколько шагов, Сэйки вышел вперёд и поднял руку с талисманом. Он начал тихо читать заклинание. Демон оцепенел и начал метаться на одном месте, издавая чудовищный рёв.

Затем Сэйки, всё ещё сжимая талисман, подошёл к чёрту и начал сыпать соль из маленькой баночки вкруг него. Наконец круг был завершён, оммёдзи прочитал короткое заклинание и отошёл в сторону.

Пленённый демон продолжал метаться, пытаясь найти лазейку в своей темнице. Но, к его несчастью, оммёдзи хорошо знал своё дело.

Тем временем, Сэйки приблизился к заточенному созданию. Чёрт-они издал громкий истошный вопль и воззрился на него полными ненавистью глазами.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга, словно выжидая: кто же заговорит первым? Наконец, мужчина произнёс:

– Я пленил тебя, и теперь ты должен подчиняться мне. Посему, назови своё имя.

Демон злобно фыркнул. Комати, наблюдавшей за происходящим с безопасного расстояния, показалось, что из ноздрей чёрта-они повалил дым. Или же это просто игра её воображения?

От размышлений её оторвал голос демона, нехотя ответившего Сэйки:

– Моё имя Кисэки, о смертный.

– Кисэки? – переспросил оммёдзи. – И что оно означает?

– Оно записывается иероглифами "демон" и "алый", о смертный… – нехотя ответило сверхъестественное создание. – Дословно оно означает "Алый демон"…

Сэйки едва заметно усмехнулся. Ему показалась забавным, что имя чёрта-они так перекликается с его тёмно-красной кожей. Но служащий Оммё-рё быстро переключился на серьёзный лад, и

задал новый вопрос:

– Тебя призвали?

– Да…

– И кто твой хозяин?

Демон крайне недовольно засопел. По его виду становилось ясно: он не желает отвечать на этот вопрос. Кэйтиро, видя такое дело, включился в беседу:

– Ты не можешь назвать его?

– Нет, – прорычал Кисэки, – он приказал мне, чтобы не случилось, никому не открывать его имя.

– Но ты можешь сказать, оммёдзи твой хозяин или нет? – продолжал допытывать Кэйтиро.

– Да, он оммёдзи…

– Это он приказал тебе ходить вечером по улицам и запугивать горожан? – поинтересовался Сэйки.

– Да, он отдал мне подобный приказ, – признался демон. – Он приказал мне просто пугать людей, не причиняя им вреда. Правда, один старик-оммёдзи так испугался, что умер от ужаса… Мне поручили являться перед экипажами, ибо в них передвигаются аристократы и служащие. Мой хозяин желал, чтобы дело приобрело громкую огласку и поскорее дошло до Оммё-рё…

– Он рассчитывал сам "разобраться" с этим делом, дабы получить продвижение по службе? – догадался Кэйтиро.

Чёрт-они кивнул:

– Так и есть, о смертный.

– Кем бы он ни был, его планы пошли крахом, когда расследование поручили нам, – констатировал Сэйки.

Вдруг Кисэки сделал манящий жест рукой. Оммёдзи осторожно подошёл к самой границе круга, благоразумно не пересекая её.

– Я вижу, что ты обладаешь большой силой, смертный… – молвил демон. – Освободи меня с её помощью от власти моего хозяина. Я хочу вернуться в свой мир… И тогда я назову тебе его имя…

– Услуга за услугу? – оценил мужчина. Кисэки утвердительно кивнул. – Что ж, – продолжил Сэйки, – похоже выбора у нас нет. Быть посему…

* * *

Чуть позже Сэйки и Кэйтиро вовсю чертили некий круг прямо на земле. Комати и погонщик быков с интересом наблюдали за

ними. Их просто распирало от любопытства: что же такое делаеют делают? Но и фрейлина, и слуга предпочли не вмешиваться с расспросами.

Они по-прежнему находились на окраине Хэйана. В это время Пятая улица была пустынна. Это обстоятельство избавляло оммёдзи от ненужных свидетелей. И лишь луна молчаливо наблюдала из-за облаков за участниками таинственного действа…

…Когда, наконец, оммёдзи закончили необходимые приготовления, Сэйки прочитал надлежащие заклинания. Вокруг Кисэки, всё ещё пребывающего в соляном кругу, внезапно вспыхнуло алое свечение.

– Да, я наконец-то свободен! – победоносно вскричал демон. – Я могу вернуться в свой мир!

Тем временем, зарево продолжало охватывать его всё больше: чёрт-они явно не намеревался задерживаться в мире людей.

– О смертный, я сдержу свое слово! – проревел он, обращаясь к Сэйки. – Слушай же меня! Имя моего хозяина: Татибана Ясима!

Кисэки залился потусторонним смехом, и на глазах немногочисленной изумлённой публики исчез в алой дымке…

Мужчины и фрейлина некоторое время хранили молчание. Лишь быки всё это время продолжали испуганно мычать и рыть копытами землю.

Не выдержав, Комати спросила:

– Что будет дальше?

– Имя хозяина демона мы теперь знаем. Осталось только собрать необходимые доказательства, – пояснил Сэйки.

Кэйтиро, тем временем предавался размышлениям вслух:

– Татибана Ясима… Знаю такого не в меру амбициозного оммёдзи. Он живёт на Третьей линии. И если уж он совершал столь сложный и серьёзный ритуал, как призыв чёрта-они, значит должен был где-то оборудовать специальное помещение для этой цели… Обнаружим его, оно и станет доказательством… Но можем ли мы направиться к нему прямо сейчас? Не спугнём ли его?

– Если не поспешить сейчас, вскоре он поймёт, что Кисэки больше не вернётся, и уничтожит все доказательства, – заметил Сэйки. – Дядя, я отправлюсь к нему, дабы оттянуть время, и он не смог бы избавиться от доказательств. А вы с госпожой Комати доложите всё дворцовой страже.

Пожилой оммёдзи ненадолго задумался и воззрился на племянника. Поразмыслив и решив, что данное решение будет наиболее разумным, Кэйтиро, наконец, кивнул.

– Хорошо, но к Ясиме лучше пойду я. Мы давно друг друга

знаем, и я придумаю, чем объяснить свой поздний визит. Вы же отправляйтесь за стражей.

* * *

Татибана Ясима беспокойно ходил по своему кабинету. Минуло достаточно много времени, а Кисэки ещё не вернулся. Оммёдзи чувствовал: что-то произошло.

Он окинул цепким взором свитки с заклинаниями и начертанными кругами на полу. Вокруг них, в металлических подсвечниках стояли зажжённые свечи. От посторонних глаз, магические атрибуты скрывала ширма, расположившаяся у входа в кабинет.

Конечно, Ясима строго настрого приказал всем домашним: семье и слугам, ни в коем случае не входить в кабинет без его ведома. Но лишняя предосторожность, по мнению, оммёдзи никогда не мешала.

…Раздражённо пнув ногой валяющийся на полу свиток, мужчина возвёл глаза к потолку, и мысленно взмолился: "О, боги! Разве многого я хотел? Всего лишь повышения по службе! Да, я призвал демона, но я не намеревался никого убивать! Тот старик умер случайно, от испуга! О, Аматерасу, пусть же Кисэки вернётся!"

Но богиня солнца не откликнулась на мольбы Ясимы. Не в силах больше метаться по комнате, Татибана уселся на татами и вперил взор прямо перед собой.

"Если вдруг этот старый лис Кэйтиро и его племянник Сэйки всё же смогут пленить Кисэки, моё имя он всё равно не выдаст, ибо я приказал ему молчать…" – пытался успокоиться он.

Вдруг от размышлений его прервал голос служанки за перегородкой-фусумой:

– Господин Ясима, к вам пожаловал господин Кэйтиро. Он просит о встречи с вами…

Оммёдзи почувствовал, что сердце провалилось куда-то вниз. Его прошиб холодный пот, и он с трудом попытался взять себя в руки. "Нужно выйти к нему, дабы не вызывать лишних подозрений…" – решил он и направился к двери.

Выйдя из покоев, он уверенным голосом произнёс:

– Я встречусь с ним.

И направился вслед за служанкой, к нежданному рипозднившемуся визитёру.

…Вскоре, Ясима и Кэйтиро сидели друг напротив друга в одной из комнат дома. Татибана пытался не проявлять волнение,

и вести себя непосредственно. Но пожилой оммёдзи всё же уловил его беспокойство.

– Могу ли я узнать причину вашего столь позднего визита? – вежливо поинтересовался у него Ясима.

Его собеседник с самого начала вознамерился уверенно играть свою роль, пока не прибудут Сэйки и стражники. Посему, издалека начал:

– Нам удалось с помощью магии сковать того демона…

Татибана занервничал, но не подал вида.

– Какое счастье, что вам удалось с ним справиться! – фальшиво воскликнул он. – Наконец-то, нечисть перестанет мучить жителей Хэйана!

Кэйтиро про себя решил, что если бы сам не услышал от Кисэки имя его хозяина, то, скорее всего, поверил бы Ясиме. «Убедительно говорит, ничего не скажешь…» – отметил про себя оммёдзи, и продолжил:

– Но, увы, ему удалось вырваться… – наигранно вздохнул он.

Татибана мысленно испытал немалое облегчение. «Наверное, Кисэки ещё не вернулся, потому что боялся слежки, – решил он. – Я же ведь сам приказывал ему быть осторожным… Скорее всего, он до сих пор просто бродит по улицам города…»

Оммёдзи в свою очередь продолжал тянуть время:

– Посему, господин Ясима, мне хотелось бы попросить вашей помощи, в этой весьма щекотливой ситуации… Конечно, в случае успеха, ваши заслуги никто умалять не будет. Ибо, как не прискорбно признавать, но наших с племянником сил не хватает… Надеюсь, вы простите, что я побеспокоил вас в столь поздний час? Мне показалось, что подобное дело не терпит отлагательств…

Ясима мысленно возликовал: вот он, его звездный час! Наконец-то он сможет всем доказать свои способности и получить столь желаемое повышение!

– Конечно, я помогу вам, господин Кэйтиро. Всё ради безопасности в столице и блага микадо, – с готовностью подтвердил он.

Кэйтиро продолжал тянуть время, наигранно восторгаясь способностями Татибаны. Ясима, не заподозривший подвоха, растаял от похвалы и совсем потерял бдительность. Он напрочь забыл о так и не вернувшемся Кисэки.

От идиллии самолюбования его оторвал шум, раздавшийся из передней части дома. Оммёдзи услышал чьи-то многочисленные голоса, и взволнованные возгласы служанок.

Ясима, не понимая, что происходит, бросился прочь из комнаты. Едва он приоткрыл фусуму, как тут же услышал голос

Сэйки и одного из своих слуг:

– Проведите нас к своему господину.

– Хорошо, хорошо! – в ужасе запищал чем-то перепуганный слуга.

На несколько мгновений, Татибана замер у приоткрытых фусума, пытаясь сообразить: что же такое творится? Заслышав шаги множества людей и бряцанье металла, он понял: в дом ворвалась дворцовая стража.

Перепуганный Ясима закрыл фусуму и осел на пол, понимая, что бежать некуда. Он с ненавистью воззрился на Кэйтиро:

– Это ведь ваша работа, не так ли? Вы вызвали стражу в мой дом? Почему вы решили, что это я призвал демона? – в порыве гнева, оммёдзи не заметил, как оговорился.

– Я разве что-то говорил о том, что демон оказался призванным? – невозмутимо заметил его собеседник, благодаря случайно оговорке, лишний раз убеждаясь в виновности Ясимы.

Поняв, что сболтнул лишнее, Татибана беспомощно обмяк.

– Я просто хотел повышения… – жалостливо пролепетал он.

– А вы хотя бы на секунду задумывались о последствиях: что могло случиться, если бы демон вырвался из-под вашего контроля? – строго спросил оммёдзи. – Не говоря уже о том, что пожилой служащий Оммё-рё скончался от разрыва сердца! А если бы подобная участь постигла ещё кого-нибудь?

Конечно, перед тем как вызвать Кисэки, Ясима неоднократно об этом задумывался. Не справься он с контролем демона, взбешенный чёрт-они запросто мог бы разгуливать по Хэйану, жестоко убивая людей направо и налево. Но желание получить повышение взяло вверх, посему оммёдзи и решился на столь отчаянный шаг…

Тут фусума резко отъехала в сторону и в комнату ворвались стражники и Сэйки.

– Это он? – проревел командир отряда, указывая на Ясиму.

Начальника отряда съедала ненависть, ибо неделей ранее он сам имел возможность встретиться с Кисэки. Подобно Куниёси, стражник штаны не обмочил, зато едва не получил разрыв сердца. Всё же, иметь дело со сверхъестественными созданиями он не привык…

– Да, это он, – тем временем подтвердил Сэйки. Затем, обратился к Татибане: – Господин Ясима, будет лучше, если вы сами отведёте нас в свой кабинет, или другую комнату, где вы призывали демона, и позволите её обыскать.

Обвиняемый, понимая, что в противном случае ему разгромят весь дом, с тяжелым вздохом поднялся с пола. На трясущихся от ужаса ногах, он провёл стражу и оммёдзи в кабинет…

* * *

В кабинете Татибаны Ясимы обнаружили доказательства, подтверждающие, что мужчина призывал демона.

Микадо, крайне озадачился, не зная, как ему наказать провинившегося служащего Оммё-рё. С одной стороны, призвав черта-они, он, безусловно, совершил крайне необдуманный поступок. С другой, оммёдзи, хоть и двигали корыстные цели (которые, увы, присущи многим), он изначально не желал никому зла, а попросту хотел повышения по службе. История с умершим оммёдзи, и впрямь, оказалась несчастным случаем…

В итоге, взвесив все «за» и «против» император Ниммё вынес своё решение: Татибану Ясиму сослать на службу в святилище Гион, что лежит к востоку от Хэйана, отделённого от него рекой Камо.

Поскольку семья и прислуга Ясимы ничего не знали о его делах, их отпустили после допроса.

И вскоре, провинившийся оммёдзи отправился на службу, фактически в ссылку, в святилище Гион.

Микадо же вновь наградил Кэйтиро и Сэйки за решение столь сложной проблемы, и как он выразился «за избавление Хэйана от демона, и восстановления покоя на улицах города». Не забыл он и про Комати, которая немного поучаствовала в этом деле.

Когда женщина вернулась к исполнению своих обязанностей фрейлины, сгорающая от любопытства принцесса Акиракейко буквально завалила её вопросами. Юной супруге принца очень хотелось знать все подробности истории про чёрта-они. В конце концов, подобное происходит не каждый день…

Комати замучилась пересказывать одно и то же, и с тоской ожидала, когда же госпожа переведёт свой интерес на нечто другое. Но при дворе за столь короткий период не успело произойти ничего необычного, и история с демоном до сих пор была самой обсуждаемой.

Посему, поэтесса, с трудом преодолевая отвращение к изрядно надоевшей истории, вновь и вновь пересказывала её своей госпоже…

…В тот вечер, Акиракейко и её фрейлины вновь перемывали всё ту же историю. Комати, не чаяла, когда госпожа наконец-то, соизволит отойти ко сну, и соответственно, её дамы тоже смогут отдохнуть.

К счастью, вскоре юная принцесса посчитала себя утомлённой и приказала служанкам готовить покои на ночь.

Через некоторое время освободилась и её свита. Кто-то из дам поспешил на позднее свидание с поклонником, замужние

фрейлины направились в свои крохотные покои. Женщины и девушки, занимавшие общие покои, тоже разбрелись по комнатам. Многие так уставали за день, что сап соседок их ничуть не беспокоил.

Комати, ныне делившая покои (небольшую комнату в одной их галерей Кокидэна) с другими женщинами, также отправилась отдыхать. Она уже не столь чутко реагировала на сопение, и храп фрейлин, как в молодости, но всё же испытывала некие неудобства. Но в данный момент она не была замужем, да и её популярность, как поэтессы несколько снизилась, посему на отдельную комнату фрейлина и не рассчитывала…

* * *

Тем временем, вернувшийся домой Сэйки пребывал в своей комнате, погрузившись в размышления. До сих пор, он не особо задумывался о том, чтобы завести собственную семью и официальную супругу. Одно время у оммёдзи была визитная жена, но недавно они расстались.

После долгих раздумий, он пришёл наконец-то к выводу: Оно-но Комати определённо ему нравилась. Но он не знал, как лучше поведать ей о своих чувствах.

Послать стихи, как и обычно и поступают в подобных случаях? Увы, но как бы оммёдзи не было прискорбно сие признавать, он никогда не блистал способностями в поэзии…

Сэйки долго размышлял над столь деликатным вопросом. Наконец, он решил, что будет лучше прямо признаться даме, при личной встрече. Причём, устроить встречу так, чтобы никто не помешал им спокойно побеседовать…

Оммёдзи притянул к себе лист чистой бумаги, обмакнул кисть в чернильницу и написал заклинание. Затем, склонившись над бумагой, он тихо произнёс магические слова. Иероглифы засветились серебристым светом…

* * *

…Чуть позже Комати улеглась спать на свой футон. Госпожа Акиракейко, будучи особой весьма капризной, умудрялась так утомить за день свою свиту, что большинство женщин, в числе коих пребывала и Оно-но, сон смаривал в первые же минуты.

Вдруг поэтесса вспомнила о Сэйки, и поймала себя на мысли, что оммёдзи ей симпатичен. «Пусть это считается неподобающим,

но завтра сама напишу ему. Не ответит или откажет, значит, не суждено нам быть вместе. Во всяком случае, попытаюсь…» – решила она про себя.

Вскоре Комати заснула. На соседнем футоне периодически что-то бормотала сквозь сон молодая фрейлина. На её бормотание откликалась лёгким похрапыванием дама из другого конца комнаты.

В приоткрытое створки-сёзди, проникал лёгкий ветерок, и время от времени, из сада, доносились птичьи голоса.

Вдруг в комнату сквозь приоткрытое окно влетела крупная серебристая бабочка. Её крылья переливались в свете луны, и как ни престранно, от них исходило лёгкое сияние.

Тем временем, летающее создание на несколько мгновений присело на рисовую бумагу, натянутую на сёдзи, словно размышляя: стоит ли ей залетать внутрь помещения, или нет?

Наконец, она вспорхнула и уверенно влетела в комнату. Бабочка неторопливо пролетела между футонами, недолго паря над с каждой из фрейлин. Когда же бабочка достигла Комати, то оживлённо зашевелила своими длинными сияющими усиками и опустилась вниз, прямо на обнажённую руку фрейлины. Погода стояла тёплая, и молодая женщина спала в хлопковом кимоно с короткими рукавами.

Поэтесса почувствовала сквозь сон, как по ней что-то ползёт… Она нехотя открыла глаза и перевела взор на досаждающее существо. Несколько мгновений фрейлина недоумевающее взирала на бабочку, продолжавшую упорно перебирать своими маленькими лапками по ей руке.

– Бабочка! – удивилась Комати. – Да ещё и светится… Неужели опять какая-то нечисть?..

Насекомое легко вспорхнуло с её руки, и начало кружится рядом. Но таинственная ночная гостья явно не намеревалась никому причинять вред. Она продолжала кружить по комнате, то улетая к распашным перегородкам, то вновь приближаясь к Комати.

– Ты хочешь, чтобы я последовала за тобой? – догадалась фрейлина.

Бабочка, словно в подтверждении её слов, вспорхнула вверх. Поэтесса, отметив про себя, что рискует впутаться в очередную сверхъестественную историю, тем не менее, быстро поднялась с постели и оделась. Как ни странно, но соседки по комнате продолжали крепко спать, никак не реагируя на шорохи.

Комати осторожно, дабы не наткнуться в темноте на чей-нибудь сундук, или хуже того на спящую даму, последовала за светящейся бабочкой.

Женщина и её таинственная проводница покинули комнату, и проследовали по длинной галерее, ведущей к выходу из Кокидэна. Как ни странно, но пути им ни разу не попалось, ни одной придворной дамы, спешащей на ночное свидание, ни даже слуги…

…Покинув дворец через небольшую дверь для прислуги, Комати оказалась на улице. Стояла жаркая ночь, воздух вокруг заполняли ароматы ночного сада: сладких цветов, влажной земли и травы.

Серебряная бабочка устремилась вглубь сада. Фрейлина решительно последовала за ней. Волнение, испытываемое женщиной, неожиданно прошло. Она вдруг почувствовала спокойствие, все тревоги неожиданно отступили. Вместо них пришла уверенность: куда бы летающее создание ни привело её, так и тому быть…

Вскоре Комати увидела небольшой павильон, расположенный среди вишнёвых деревьев сакуры. Весной, когда ветви сакуры покрывали розовые цветы, многие придворные и дамы приходили сюда полюбоваться ими, а заодно и блеснуть искусностью стихосложения.

Неоднократно приходила сюда и Комати. Сначала, когда она состояла в свите госпожи Катоко, и позже, уже став фрейлиной императрицы Дзюнси, Нефритовой госпожи. Теперь она служит Акиракейко, супруге принца Митиясу, будущей Нефритовой госпоже. Куда же дальше приведёт её судьба?

От размышлений поэтессу прервала её сереброкрылая проводница. Достигнув летнего павильона, она начала оживлённо порхать, всем своим видом показывая: вот он, пункт назначения. Когда Комати подошла к павильону ближе, бабочка исчезла. В лунном свете, фрейлина заметила знакомую фигуру.

– Господин Сэйки? – несколько удивленно воскликнула она.

– Госпожа Комати, я ждал вас… – ответил оммёдзи. – Простите, что побеспокоил вас столь поздно, но мне необходимо о многом побеседовать с вами…

– Мне тоже, – кивнула фрейлина, решив про себя, что возможно, теперь ей не понадобится отправлять ему письмо…

Глава 13

Четырнадцатый год правления императора Ниммё[101], Хэйан.

Наступила осень. На сей раз она выдалась сырой и холодной. Постоянно лил дождь, пропитав водой всю землю. Крупные лужи красовались на дорогах и в садах. Опавшие жёлтые и оранжевые листья пожухли от влаги, и походили на неприятную коричневую массу. Те листья, которые ещё не успели покинуть свои ветви, печально колыхались на пронизывающем ветру.

После происшествия с демоном, пугающим припозднившихся горожан на ночных улицах Хэйана, прошло два года.

За это время при дворе мало чего изменилось, разве что, минувшим летом скончался отец императрицы, левый министр Фудзивара Фуюцугу. Император некоторое время скорбел о придворном, служившем ему много лет, но вскоре отвлёкся и потрудился подыскать достойную замену на пост левого министра. Госпожа Дзюнси же долгое время была безутешна…

Принц Митиясу так и не обзавёлся наследниками ни от своей законной супруги, госпожи Акиракейко, ни от выбранных императрицей наложниц из Фудзивара.

Зато его любимая наложница Ки-но Сизуко, уже давшая ранее жизнь принцу Корэтака, с недавних пор вновь пребывала в тяжести. Обрадованный известием Митиясу обратился к Абэ-но Сэйки, дабы он составил предсказание, кто же родится: мальчик или девочка? Оммёдзи долго и тщательно делал все расчёты, и в итоге вынес вердикт: родится мальчик.[102]

Также Сэйки предсказал, что всего у принца и Сизуко будет пять детей: два сына и три дочери[103]. Один сын, Корэтака уже родился, и в этом году мальчику минуло три года. Второй родится на следующий год. Вслед за ним, в сей мир придут и девочки. О том, что достаточно долгая жизнь предначертана лишь старшей дочери, оммёдзи благоразумно промолчал.

Его дядя, Кэйтиро, недавно покинул Оммё-рё и отправился на заслуженный отдых. Но к нему по-прежнему часто обращались за предсказаниями аристократы, с которыми он уже работал раньше. Он с радостью продолжал оказывать им прорицательские услуги, за соответствующую плату.

Тем временем, Нефритовая госпожа Дзюнси, немного успокоилась после ухода отца в иной мир. Её крайне беспокоило отсутствие у её сына законного наследника от женщины из Фудзивара. Посему, она обратилась к астрологу покойного

Фуюцугу, хорошо зарекомендовавшему себя за много лет службы.

Астролог очень долго и очень тщательно составлял предсказание, ибо понимал: с императрицей шутки плохи. Наконец, он вынес свой вердикт: у госпожи Акиракейко в будущем родится двое детей, сын и дочь. Но в какой последовательности они придут в наш мир, предсказатель не полностью уверен… Дзюнси немного успокоилась и хорошо наградила астролога.

…Пятнадцатилетняя дочь Каори и Ацутады, Ханако, поступила на службу при дворе. Её приняли младшей фрейлиной в свиту госпожи Ки-но Сизуко.

Ацутада получил повышение и достойное жалованье, соответствующее его новой должности.

Каори больше ко двору не возвращалась, посвятив себя воспитанию Мунакаты и Ёсихары.

Комати тоже, покинула службу фрейлины. После того, как Сэйки прислал ей ночью серебряную бабочку, отношения поэтессы и оммёдзи начали быстро налаживаться. В скором времени они заключили брак, и Комати стала его законной супругой.

В этом году женщина понесла ребёнка. По подсчётам срока дитя должно было появиться на свет в конце осени или в самом начале зимы.

…В тот день, Каори сидела у приоткрытых сёдзи и пыталась заняться стихосложением. По двору бегали подросшие Мунаката и Ёсихара. Пасмурная осенняя погода и лужи, в обилии раскинувшиеся по саду их мало заботили.

За прошедшее время Ёсихара окреп и стал куда активнее. Он все чаще принимал участие в активных играх сводного брата.

– Нос, расти! Нос, расти! Нос, расти! – кричали мальчишки, размахивая разрисованными веерами.

Каори улыбнулась. Кто бы знал, что мальчикам так понравится эта история!

Недавно женщина поведала им одну сказку. Повествовала она о человеке по имени Хэйсаку, который однажды отправился в горы, дабы накосить сена.

Стояла весна, и разморённый солнышком Хэйсаку устроился отдохнуть на пеньке, да достал игральные кости. Начал он их бросать, как вдруг, с ветки дерева раздался голос, спрашивающий: что это такое Хэйсаку делает?

Мужчина не на шутку перепугался, и, оглянувшись, увидел сидящего на дереве тэнгу[104], сжимающего в руках веер.

Хэйсаку тотчас в ужасе рухнул на колени и начал просить о пощаде. Но тэнгу не собирался убивать ему. Сверхъестественному

существу просто стало интересно: что же такое человек всё время подбрасывает?

Хэйсаку с облегчением показал ему игральные кости и пояснил, как в них играть. В глазах тэнгу вспыхнул интерес, и он предложил мужчине отдать ему кости в обмен на веер. А веер у тэнгу был не простой, а волшебный! Если постучать трижды по его разрисованной стороне и назвать три раза желание, например: «Нос, расти! Нос, расти! Нос, расти!» – то желание исполнялось и нос вырастал длинным-предлинным… А, чтобы он не рос, следовало трижды постучать по обратной стороне веера и сказать: «Нос, не расти! Нос, не расти! Нос, не расти!»

Хэйсаку испугался: а вдруг тэнгу его заколдует? И посему, согласился на обмен. На том и порешили: он отдаёт кости, а тэнгу ему веер.

И вот, шёл он позже по дороге, и размышлял: на ком бы сей магический предмет испытать? И вдруг, видит: едет на бамбуковых носилках под балдахином знатная девушка, в окружении слуг.

Хэйсаку решил, что будет забавно вытянуть ей нос. Стукнул он по разрисованной стороне веера и тихонько произнёс: «Нос, расти! Нос, расти! Нос, расти!»

И нос у девушки тотчас вытянулся и загнулся выше лба. Хэйсаку испугался и убежал.

Вскоре разнеслись по округе слухи, что дочь аристократа заболела неизвестной болезнью. Ни один лекарь не в силах ей помочь! И что родители отдадут её в жены тому, кто сможет её вылечить.

Хэйсаку, прослышавший про это, тотчас бросился в дом красавицы. Вошёл он в её покои, поклонился, постучал по обратной стороне веера и тихо прошептал: «Нос, не расти! Нос, не расти! Нос, не расти!»

Нос девушки начал уменьшаться, и вскоре её лицо стало таким же, как и прежде. А её отец, коли уж обещал выдать дочь замуж за того, кто её излечит, устроил их с Хэйсаку свадьбу.

Так с помощью волшебного веера, Хэйсаку стал богатейшим человеком в своей деревне. Отныне у него всего было вдоволь, и он мог слоняться по своим новым владениям без дела.

Однажды, Хэйсаку заскучал и решил: «Интересно, а насколько может вытянуться мой нос?» Постучал он по разрисованной стороне веера и произнёс: «Нос, расти! Нос, расти! Нос, расти!» Его нос тотчас вырос и загнулся выше лба.

Тогда, мужчина вновь постучал по разрисованной стороне веера и произнёс заветные слова. И ещё раз… И ещё…

Так продолжалось до тех пор, пока его нос не вырос до неба и

не проткнул его насквозь.

А в этом месте, как раз сидел Бог Грома. Он немало удивился, и решил, что сей загадочный предмет похож на морковку. Только вот он никогда не видел, чтобы морковка росла до неба, да ещё и кверху тормашками! И он схватил «морковку», да попытался её выдернуть.

Хэйсаку внизу взвизгнул от боли, и начал стучать по обратной стороне веера, со словами: «Нос, не расти! Нос, не расти! Нос, не расти!»

И его нос начал уменьшаться. Но Бог Грома был очень силен и продолжал крепко удерживать кончик. Посему, Хэйсаку начал подниматься. И поднимался он до тех пор, пока не достиг небес.

Но дырка, которую он проткнул нос, оказалась слишком маленькой, чтобы человек смог пролезть в неё. Посему, так и висит он на кончике собственного носа, по сей день.

…Когда Каори рассказала сию сказку детям, история вызвала у маленьких слушателей бурю восторга. С тех пор, игра в «Веер тэнгу» стала их любимым развлечением.

– Нос, расти! Нос, расти! Нос, расти! – выкрикивал Мунаката.

Пытаясь изобразить действие заклинания, он запрокинул голову и попробовал установить на кончик носа упавшую с дерева веточку, покрытую мелкими сучками. Каори, при виде такой картины перепугалась:

– Мунаката, не делай так! Она же упадёт! А если попадёт в глаз, что тогда?

Веточка и впрямь упала, но к счастью не в глаз. Она угодила самым острым сучком непоседливому мальчику прямо по лбу.

Он ойкнул и потёр ушибленное место.

– Больно… – насупился он.

– Больше так не делай, – строго одёрнула его приблизившаяся Каори. Затем, она обернулась к Ёсихаре: – Ты тоже так не поступай.

Мальчик закивал и послушно ответил:

– Хорошо.

Про себя же он подумал, что в следующий раз попробует использовать для игры старый лёгкий свиток бумаги.

К женщине подошла служанка.

– Госпожа, – обратилась она, – вам пришло письмо от госпожи Комати.

Каори взяла свиток и направилась обратно в дом. Она чувствовала беспокойство: ведь её сестра пребывала на весьма позднем сроке беременности. Вдруг что-то случилось?

Расположившись на татами у приоткрытых сёдзи, продолжая наблюдать за детьми, женщина развернула послание. В нём

значилось: *«Дорогая сестра! Хочу сообщить тебе, что прошлой ночью у меня родилась девочка! Это произошло раньше ожидаемого срока, но лекарь и повитухи, принимавшие роды, заверили меня, что ребёнок появился на свет крупным и здоровым, посему, всё благополучно. Мы с Сэйки дали ей имя Мидори. Буду рада, если ты вместе с Ацутадой, Ханако и мальчиками прибудешь с визитом в ближайшее время».*

Внизу письма красовалась подпись Комати.

Каори взволнованно отложила письмо. Безусловно, она была рада, что всё разрешилось благополучно, и девочка родилась здоровой. Но всё же, подобное известие заставило её сильно обеспокоиться! Роды очень опасны: многие женщины умирают, как когда-то их мать Токуко. А огромное количество рождённых раньше срока детей не выживает или умирает в первые же дни…

Каори чувствовала, как бешено колотится сердце. Почему сестра не отправила ей послание раньше? Неужели не почувствовала приближение появления на свет ребёнка? Или просто не хотела беспокоить?

Когда-то, после кончины отца, Каори вместе с Ацутадой взяли на себя заботу о маленькой Комати. Конечно, она очень беспокоилась о младшей сестре…

Женщина ещё раз взглянула на письмо. Обычно аккуратный почерк Комати на сей раз выглядел небрежным и кривым: видимо, она писала через силу. Каори быстро написала ответное послание, в котором говорила, что непременно в ближайшее время нанесёт визит, и позвав слугу, велела передать его сестре. Конечно, ждать возвращения мужа не было сил, и хотелось отправиться к Комати сию же секунду. Но, успокоившись и поразмыслив, Каори решила, что сестра наверняка желает сейчас спокойно отдохнуть.

Глава 14

Семнадцатый год правления императора Ниммё[105], Хэйан.

Стояла середина весны. В этом году, она выдалась холодной, и в тени деревьев ещё можно было встретить остатки не стаявшего снега.

Комати и Сэйки мирно жили, воспитывая дочь. Маленькой Мидори шёл третий год, и она росла очень сообразительным ребёнком. Каори и Ацутада, периодически навещавшие племянницу, души в ней не чаяли.

Сэйки продолжал служить оммёдзи, а бывшая фрейлина периодически занималась стихосложением. Время от времени ей не хватало былой популярности, но вновь возвращаться ко двору желания не возникало.

У Каори и Ацутады всё складывалось благополучно. Мальчики росли здоровыми и сообразительными. Мунаката выглядел физически развитым не по годам и выглядел несколько старше своих лет. Ёсихара преодолел детскую болезненность и проявлял большой интерес к наукам и поэзии.

Ханако, фрейлина наложницы принца Митиясу, госпожи Кино Сизуко, будучи чувствительной натурой, поняла, что больше не в силах выносить гнетущую атмосферу двора. Она приняла ухаживания служащего из рода Киёхара, и вскоре, став его законной женой, покинула двор. Каори и Ацутада надеялись на скорое появление внуков, и через некоторое время их ожидания оправдались.

Тем временем, во дворце за внешним спокойствием скрывались свои страсти. Император Ниммё в последнее время выражал недовольство из-за повышенной активности клана Фудзивара. Мужчины из этого рода занимали большинство высоких должностей, а женщины становились императорскими наложницами и жёнами принцев.

Увы, но микадо прозрел слишком поздно: фактически, Фудзивара уже захватили власть. И он упустил момент, дабы этого избежать…

Теперь Ниммё крайне беспокоило: что же станет с древней императорской династией, ведущей своё начало от самой Аматерасу? Если Фудзивара и дальше будут удерживать все ведущие позиции при императорском дворе, то род богини Солнца окажется под угрозой! Ибо, состоя в столь близком родстве с императорами, Фудзивара рано или поздно смогут

предъявить свои права на власть!

Однажды, в час Обезьяны, Ниммё призвал в свои покои своего правого министра, Татибану Удзикими, которому безмерно доверял, и поделился с ним соображениями по этому поводу.

Мужчина, внимательно выслушал все доводы микадо. Хоть он и устроил своих дочерей Фусако и Тюси в наложницы принца Митиясу, мать которого, госпожа Дзюнси, тоже вела свой происхождение из Фудзивара. Министра тоже немало беспокоило возвышение клана.

– Я понимаю ваши опасения, господин, – сказал, наконец, он. – Но что вы полагаете предпринять в сложившейся ситуации?

– Мой старший сын и наследник, принц Митиясу рождён от императрицы из Фудзивара, – ответил Ниммё. – Большинство моих детей имеет матерей-Фудзивара…

Микадо печально вздохнул, но, тем не менее, продолжил дальше:

– Посему, я хочу пресечь наследование престола сыновьями от Фудзивара, и назначить наследником принца Цунэясу[106].

– Принц Цунэясу? – переспросил Удзикими. – Его мать, ведь Ки-но Танэко[107]? Если я не ошибаюсь, она приходится сестрой Ки-но Сизуко, наложницы принца Митиясу… Осмелюсь заметить, но разве подобное родство в дальнейшем не вызовет ненужных проблем?

Император задумался. И впрямь, он несколько упустил из вида то обстоятельство, что дама приходится сестрой любимой наложницы его старшего сына.

– Я бы с радостью объявил наследника от матери из Татибана, но сам знаешь, что твоя дочь, Кагэко, так и не понесла ребёнка…

Правый министр сник. Увы, но это являло собой прискорбную правду: Кагэко так и не смогла дать жизни ни мальчику, ни девочке. Хотя, Ниммё посещал её достаточно регулярно.

Обращая внимания на неоспоримое обстоятельство – остальные наложницы микадо стали-таки матерями его детей – можно было прийти к печальному выводу, что проблема заключалась в Кагэко…

Не желая обсуждать столь деликатное обстоятельство, Удзикими быстро перевёл разговор в другое русло:

– А как насчёт принца Мотоясу[108], рождённого от госпожи Сигэно Цунако[109]? – предложил он. – Помнится, юноша достаточно сообразителен, да и госпожа Цунако являет собой весьма приятную даму.

Ниммё вновь задумался. Цунако никогда не была его

любимой наложницей, и посещал он её обычно раз в две недели. Рождённый ею принц Мотоясу лишь в этом году стал совершеннолетним. Но возраст не представлялся препятствием, ибо император считал себя ещё полным сил и планировал править долго.

– Пожалуй, это неплохое предложение… – наконец, сказал он. – Спустя какое-то время я планирую составить завещание, где и назову имя наследника.

Татибана Удзикими полностью согласился с планами своего господина…

* * *

В тот вечер Удзикими задержался на службе. Наступил уже час Кабана, как к нему в кабинет пожаловал другой правый министр, Минамото Токива[110], с которым Татибана поддерживал близкую дружбу.

Мужчины решили, что если в конце рабочего дня разопьют бутылочку сливового вина, ничего дурного не случится.

Напиток оказал расслабляющее действо на Удзикими. И обычно не поддающийся влиянию алкоголя министр, «по большому секрету» поведал другу о своём дневном разговоре с императором.

Токива полностью согласился, что Фудзивара стремятся подмять под себя всю власть, и это надобно решительно пресечь.

Пока мужчины возмущались из-за клана Фудзивара, занявших все ключевые посты и места жён и наложниц микадо и принцев, они не подозревали, что их разговор подслушивают. Причём ни кто иной, как служанка Нефритовой госпожи Дзюнси!

Услышав столь возмутительные речи, женщина тотчас поспешила рассказать обо всём императрице.

…Госпожа Дзюнси внимательно выслушала её. Женщину охватила волна негодования: она мирилась с тем, что микадо редко посещал её. Ибо она императрица, а её сын унаследует трон Аматерасу! Но передать престол мальчишке, рождённому от какой-то Сигэно Цунако! Неслыханно! Только принц Митиясу, её сын, станет следующим правителем!

В голове Нефритовой госпожи начал стремительно складываться план дальнейших действий…

* * *

На следующий же день императрица с небольшой свитой направилась в косметическую мастерскую, где производились белила, румяна и помады для высокородных женщин двора. Завидев Нефритовую госпожу, заведующей мастерской, один из родственников Дзюнси, Фудзивара Мураяма бросился рассыпаться в поклонах:

– Госпожа что-то желает? – участливо спросил он.

– Да, я желаю новую помаду и белила, – уклончиво ответила женщина. – Они должны быть особенными, и мне хотелось бы обговорить детали с тобой наедине.

Её слова не вызвали ни малейшего подозрения со стороны Мураямы. Про себя он решил, что угасающая высокопоставленная родственница хочет казаться моложе, посему и не желает, чтобы их беседу слышали лишние люди.

– Конечно, госпожа, прошу, пройдёмте в мой кабинет… – сделал приглашающий жест он.

Фудзивара и императрица покинули помещение и направились в кабинет для более приватной беседы. Они проследовали вглубь комнаты и плотно закрыли за собой раздвижную перегородку фусуму. Свита Дзюнси осталась в мастерской, с интересом наблюдая за работой парфюмеров.

Тем временем, Нефритовая госпожа обратилась к мастеру:

– Это очень деликатная тема… – сказала она. – Могу ли я быть уверенной, что нас никто не слышит?

– Конечно, госпожа… – несколько удивился такой таинственности Мураяма.

Императрица, насколько это позволяли нормы приличия, приблизилась к Фудзиваре, и, решив не ходить вокруг да около, тихо спросила:

– Могу ли я положиться на тебя?

Служащий кивнул:

– Конечно, госпожа…

Дзюнси достала небольшой флакончик с каким-то порошком. Этот флакончик и ряд других, незадолго до смерти передал ей отец, со словами, что они могут пригодиться в дальнейшем, и использовать их следует по уму… Теперь, на взгляд императрицы настал тот самый подходящий момент.

Родственник, тем временем, недоумённо посмотрел на неё:

– Что это? – непонимающе спросил он.

– Когда будешь готовить помаду для госпожи Сигэно Цунако, добавь это.

Мураяма несколько мгновений недоумённо созерцал то Нефритовую госпожу, то загадочный флакончик. Вдруг его прошиб холодный пот: он понял, что флакончик содержит яд. И

императрица, по всей видимости, желает избавиться не только от соперницы, но и от микадо.

– Я подчиняюсь вашей воле, Нефритовая госпожа… – пролепетал он без лишних вопросов.

– Когда всё закончится, я щедро награжу тебя. И не забудь: кому-нибудь проболтаешься, тебе и твоей семье не поздоровится!

Фудзивара нервно сглотнул. Робкие мысли о том, следует ли ему доложить лично обо всём микадо, или нет, отпали сами собой. Да и кому император поверит больше: ему или супруге? Конечно, госпоже Дзюнси…

– Да, и ещё, – деловито заметила императрица, – дабы не вызывать подозрений, изготовь для меня хорошую помаду и белила, чтобы я выглядела моложе.

Мураяма покорно кивнул…

* * *

Госпожа Дзюнси выбрала помаду в качестве средства достижения своей цели не просто так, ибо прекрасно помнила об инциденте с болезнью и сожжением гардероба императора.

И женщина не просчиталась: вскоре после посещения Сигэно Цунако у микадо проявились странные симптомы. В отличие от предыдущего случая, когда медленнодействующий яд впитывался через кожу вместе с благовониями, на сей раз, он не только имел другой состав, но и попадал непосредственно в организм, посему и действие возымел скорое и сильное.

У госпожи Цунако проявились похожие симптомы, но пока в более слабой форме… Всё же женщина обладала более молодым и крепким организмом.

Тем временем, состояние Ниммё стремительно ухудшалось, и никто не понимал: в чём же дело?

К императору приставили лучших лекарей, его еду тщательно проверяли, и даже вновь сменили весь гардероб и отвечающую за него прислугу. Оммёдзи и каннуси рыскали по саду в поисках амулетов с проклятиями и проводили очищающие ритуалы. Но ничего не помогало…

Ввиду своего болезненного состояния, император пребывал в забывчивости и упускал из вида завещание на принца Мотоясу. Вскоре его здоровье настолько ухудшилось, что микадо не мог ни подняться с кровати, ни держать кисть в руках. Его конечности парализовало, и он даже говорил с трудом. Император находился в забытьи, редко приходя в сознание. У его постели целыми днями неусыпно дежурили лекари.

…Спустя месяц, на шестой день пятого месяца император Ниммё скончался от неизвестного недуга, в возрасте сорока одного года. Он получил посмертное имя «император Фукакуса» и был похоронен со всеми полагающимися ему почестями.

Госпожа Сигэно Цунако последовала за ним в Иной мир несколькими неделями спустя.

Мать покойного императора, Яшмовая госпожа[111] Татибана Катико, очень тяжело перенесла кончину сына. Она ненадолго пережила его и скончалась в семнадцатый день шестого месяца того же года…

Эпилог

Весенний сезон давно вступил в свои права, и всё вокруг устилала пышная зелень. После смерти микадо на престол взошёл его старший сын, принц Митиясу, при вступлении на трон получивший имя императора Монтаку.

При дворе ходили слухи, что предыдущего правителя и его наложницу Сигэно Цунако отравили, ибо уж больно похожими были симптомы их болезни. Не исключали причастность к этому делу семьи Фудзивара, всем известной своей тягой к власти. Но как амбициозному клану удалось провернуть такое опасное дело, так чтобы, никто не вычислил источник яда, придворные искренне недоумевали. И какой смысл травить незначительную наложницу, не обладающую никаким особым влиянием? Может, всё-таки, это и впрямь Ниммё скончался от неизвестной болезни? И яд вовсе ни причём?..

…Госпожа Дзюнси после смерти супруга и его матери стала полноправной Яшмовой госпожой и наконец-то обрела полное моральное удовлетворение: её сын – император!

Женщина мастерски изображала скорбь и печаль по безвременно ушедшему мужу, но в душе ликовала. Ниммё не только давно перестал посещать её, но ещё и желал отстранить её сына от престолонаследования! За что и поплатился!

Императрица милостиво устроила судьбу наложниц покойного супруга, которые не успели понести от него ребёнка. Она подобрала им мужей из числа достойных придворных.

Митиясу, ныне Монтаку, подобно большинству придворных не исключал, что к болезни отца причастно семейство Фудзивара, и возможно, даже его мать лично. Но благоразумно помалкивал.

Тем временем, ставшая императрицей и Нефритовой госпожой, Акиракейко, благополучно разродилась здоровым мальчиком, принцем Корэхито[112].

Любимая наложница нового императора, госпожа Ки-но Сизуко, вновь ходила в тяжести. Памятуя предсказание оммёдзи, она была полностью уверена: родится девочка.

Ханако, её бывшая фрейлина, вместе со своим супругом ожидала второго ребёнка.

Мунаката и Ёсихара пока ещё оставались детьми, но Каори часто задумывалась: какое будущее ждёт мальчиков? В итоге, посовещавшись с супругом, они пригласили астролога для составления прогноза. Мужчина долго составлял предсказание, и в итоге ответил: Ёсихару ждёт будущее служащего, а Мунакату гвардейца. Родителей подобный ответ вполне удовлетворил…

…Тем временем, Сэйки продолжал служить оммёдзи, а Комати заниматься воспитанием Мидори.

Однажды, в один из весенних дней, она гуляла вместе с дочерью по саду. Вдруг девочка что-то заметила в траве и поспешила к своей находке. Она подняла с земли небольшой коричневый предмет.

– Ты что-то нашла? – поинтересовалась Комати и взглянула на ладошку дочери. Мидори держала мёртвую бабочку-шоколадницу.

Женщина сочувственно посмотрела на насекомое.

– Ох, боюсь, что эта бабочка уже не полетит… Лучше положи её обратно на землю, – сказала она.

Но Мидори не собиралась слушаться мать. Девочка ещё несколько мгновений подержала бабочку в руках, как вдруг, её озарило золотистое сияние. На глазах изумлённой Комати бабочка начала трепетать крылышками.

– Мидори, неужели ты смогла оживить её? – искренне удивилась мать.

Ребёнок довольно кивнул.

– Да, – ответила она, расплываясь в улыбке.

Бабочка, тем временем, вспорхнула с её маленьких ладошек и полетела…

Японское деление суток

Час Крысы – 23.00: 1.00
Час Быка – 1.00: 3.00
Час Тигра – 3.00: 5.00
Час Зайца – 5.00: 7.00
Час Дракона – 7.00: 9.00
Час Змеи – 9.00: 11.00
Час Лошади – 11.00: 13.00
Час Овна – 13.00: 15.00
Час Обезьяны – 15.00: 17.00
Час Петуха – 17.00: 19.00
Час Собаки – 19.00: 21.00
Час Свиньи (Кабана) – 21.00: 23.00

notes

Примечания

1

Вака (от яп. «японская песнь») – жанр японской средневековой поэзии. Название произошло в период Хэйан для отличия японского поэтического стиля от преобладавшего в то время жанра китайской поэзии канси, знание которой считалось обязательно для каждого аристократа.

Шедевры японской поэзии. М.: Эксмо, 2010.

3

Ки-но Цураюки – японский поэт эпохи Хэйан, прозаик. Входит в число Тридцати шести бессмертных поэтов. Творил в жанре танка. Годы жизни ок. 866–945 или 946.

4

Император Ниммё – историческое лицо, годы жизни 810–850. Правил с 833 по 850 год. Второй год его правления соответствует 835 году н. э.

5

Раньше так назывался Киото. Он был протяжённостью 4,5 километра с востока на запад и 5,2 километра с севера на юг.

6

Нынешний Сиань.

7

Одно из названий японских императоров.

8

Японское деление суток см. в конце книги.

9

Одно из уважительных обращений к матери императора.

10

Татибана Катико – историческое лицо, жена императора Сага и мать императора Ниммё. Годы жизни 786–850.

В древней Японии подобное допускалось. Усыновление и удочерение было весьма распространено. Например, даже бабушки с дедушками могли усыновлять или удочерять внуков. Под хорошим образование подразумевалось владение упрощённым женским письмом, изучение истории, умение рисовать на рисовой бумаге и шёлке, в также слагать стихи.

12

Один из японских императоров. Годы жизни: 810 год – 6 мая 850 года. Годы правления: с 30 марта 833 по 4 мая 850.

13

Фудзивара Катоко – историческое лицо, по некоторым источникам наложница императора Ниммё, дочь Фудзивары Фукутомаро. Точные годы жизни наложницы неизвестны. Мать принца Куниясу (? – 898).

14

Футон – традиционная японская постель в виде хлопчатобумажного матраца. Расстилался на ночь, а днём убирался.

15

Оно-но Комати. Перевод А. Глускиной.

16

Явление, известное, как «летающий паланкин» было достаточно распространено в эпоху Хэйан и более ранние периоды. Объяснения этому явлению не нашли до сих пор.

17

Сёдзи – в традиционной японской архитектуре это дверь, окно или разделяющая внутреннее пространство жилища перегородка, состоящая из прозрачной или полупрозрачной бумаги, крепящейся к деревянной раме.

18

Соответствует 837 году н. э.

19

Имеется ввиду историческое лицо Аривара-но Нарихира, японский поэт и художник, принц по происхождению. Сын принца Або и принцессы Ито. Годы жизни 825 – 9 июля 880 года.

20

Имеется ввиду историческое лицо Аривара-но Юкихира, японский поэт и видный государственный деятель японского императорского двора, старший брат Аривара-но Нарихира. Годы жизни 818 – 6 сентября 893 года.

21

Император Каму – 50-ый император Японии, годы жизни 737–806, годы правления 781–806.

22

Провинция Харима – историческая область Японии, соответствовала современной юго-западной части префектуры Хёго.

23

Бидзэн – историческая провинция Японии в регионе Тюгоку. Соответствует современной восточной части префектуры Окаяма.

24

Биттю – историческая провинция Японии в регионе Тюгоку. Соответствует западной части современной префектуры Окаяма.

25

Синано – историческая область Японии в регионе Тюбу. Соответствует современной префектуре Нагано.

26

Полчаса

27

Воин

28

Эмиси, эбису или эдзо (букв. «креветковые варвары», «волосатые люди») – этническая группа, которая проживала в северо-восточной части Японии, в регионах Канто и Тохоку, в IV–XII вв. Традиционная историография рассматривает эмиси как прото-айнское сообщество.

29

Аояги – означает «зеленеющая ива»

30

Соответствует 838 году н. э.

31

Миссия длилась 838–839 годы. Возглавлял её Фудзивара Цунецугу.

32

Китайская императорская династия (18 июня 618 – 4 июня 907).

33

Фудзивара Цунецугу – историческое лицо, японский учёный и дипломат. Точный год рождения неизвестен, умер в 840 году. Возглавлял дипломатическую миссию в Китай в 838–839 гг.

34

Аривара-но Нарихира. Перевод И. Борониной.

35

Оно-но Комати. Перевод И. Борониной.

36

Современная префектура Ямагата в регионе Тохоку (Оу).

37

Уважительное обращение к жёнам японского императора.

38

Фудзивара Дзюнси (809–871) – историческое лицо, супруга императора Ниммё, дочь левого министра Фудзивары Фуюцугу, мать принца Митиясу.

39

Ки-но Томонори. Перевод И. Борониной.

Аривара-но Нарихира. Перевод А. Глускиной.

41

Оно-но Комати. Перевод А. Глускиной.

42

Для мальчиков Японии того периода совершеннолетие наступало в тринадцать лет. Для девочек – в двенадцать.

43

Принц Митиясу – историческое лицо, будущий император Монтоку, сын императора Ниммё и Фудзивары Дзюнси. Годы жизни: 22 января 826 г. – 07 октября 858 г. Правил 850–858 гг.

44

Дзимму – легендарный основатель и первый император Японии. Согласно «Кодзики» (древнейшему памятнику древнеяпонской литературы), он приходился праправнуком самой богини солнца Аматерасу. Родился Дзимму в 711 году до н. э. и умер в 585 году до н. э.

45

Бива – струнный инструмент.

Соответствует 839 году н. э.

47

Фудзивара Фуюцугу – историческое лицо, отец императрицы Дзюнси, левый министр.

48

Фудзивара Акиракейко (829–899 гг.) – жена принца Митиясу (будущего императора Монтоку).

49

Сёдзи – раздвижная дверь.

50

Оно-но Комати. Перевод И. Борониной.

51

Оно-но Комати. Перевод И. Борониной.

52

Соответствует 840 году н. э.

53

Принц Куниясу – историческое лицо, сын императора Ниммё и Фудзивары Катоко. Точный год рождения неизвестен, год смерти 898 г.

54

Золотой обан равнялся 10 рё. На один рё можно было скромно прожить почти год.

55

Каннуси (также называемый синсёку) – человек отвечающий за содержание синтоистского святилища, проводящий священные ритуалы.

56

Накатоми – один из главных родов каннуси, наряду с Имбэ, Сарумэ и Урабэ.

57

Мико – служительницы синтоистских храмов в Японии, синтоистские жрицы.

58

Сусаноо – в японской мифологии бог ветра, по некоторым источникам полагают, что первоначально божество водной стихии и бури. Брат богини солнца Аматэрасу.

59

Хакама – традиционные японские длинные широкие штаны в складку.

60

Оммёдзи – человек, практикующий оммёдо (традиционное японское оккультное учение). Как считалось, оммёдзи были способны предсказывать, изгонять злых духов и защищать от проклятий.

61

Книга перемен (И-цзин) – один из наиболее ранних в итории китайских философских текстов. Состоит из 64 символов – гексаграмм, каждый из которых символизирует ту или иную ситуацию с точки зрения её постепенного развития. Книга перемен применяется для гаданий.

62

Кицунэ – лисы-оборотни в японской мифологии

63

Фудзивара Такуси – по некоторым источникам наложница императора Ниммё, дочь Фудзивары Фусацугу. Год рождения неизвестен, год смерти предположительно 839–840. По ряду источников, её имя Савако.

64

Принц Мунеясу – историческое лицо, сын императора Ниммё и Фудзивары Такуси. Годы жизни 828–868.

65

Принц Токиясу – историческое лицо, сын императора Ниммё и Фудзивары Такуси. Годы жизни 830–887. Будущий император Коко.

66

Принц Санеясу – историческое лицо, сын императора Ниммё и Фудзивары Такуси. Годы жизни 831–872.

67

Принцесса Синси – историческое лицо, дочь императора Ниммё и Фудзивары Такуси. Год рождения неизвестен, год смерти 897.

68

Минамото – группа родов в средневековой Японии, происходивших от детей императора, которым было отказано в статусе принцев. Впервые, фамилию Минамото начал предоставлять своим потомкам император Сага (правил в 809–823 гг.). Позже, род Минамото дал начало многим самурайским родам.

69

Тайра – как и Минамото происходили от детей императора, которых перевели в статус подданных. Впервые фамилию Тайра дал император Камму в 825 году или несколько позже.

70

Император Сага – историческое лицо, годы жизни 785–842, годы правления в 809–823 гг. Отец императора Ниммё. Однако, после Сага десять лет, в 823–833 гг. правил император Дзюнна, и лишь потом к власти пришёл Ниммё.

71

Идзумо – историческая провинция в Японии. Название происходит от синтоистской богини Идзанами, которая вместе с богом Идзанаги когда-то создала Японию. Идзумо пользовался значительным влиянием в ранее средневековье.

72

Оно-но Комати. Перевод И. Борониной.

73

Правитель Удзи – историческое лицо непризнанный правитель 415–417 годов (испр. хрон.) или 310 по 313 гг.

74

Суп с мисо (мисосиру) – блюдо японской кухни с растворённой в нём пастой мисо. Мисо производили чаще всего в виде густой пасты, путём ферментации соевых бобов, ячменя, пшеницы или же из смеси из них с помощью специального вида плесневых грибов, кодзи-кин (Aspergillus oryzae). Помимо этого, суп с мисо включал разные другие ингредиенты в зависимости от времени года и региона.

На основе перевода с японского Веры Марковой, литературная обработка Крючковой О.Е.

1 сяку примерно равен 30 см.

77

Соответствует 841 году н. э.

78

«Исэ моногатари» или «Повесть из Исэ». Памятник японской классической литературы, собрание новелл Сюжет произведения основан на описании любовных приключений японского аристократа. Сама повесть состоит из ста двадцати пяти кратких отрывков.

Авторство этого произведения приписывают поэту Ариварано Нарихира.

«Повесть из Исэ». Перевод Н.И. Конрада.

«Повесть из Исэ». Перевод Н.И. Конрада.

81

Так называли «Млечный путь».

82

Перевод А. Глускиной.

83

Фудзивара Фуруко – историческое лицо, наложница принца Митиясу (будущего императора Монтаку). Годы жизни неизвестны. По ряду источников тоже была дочерью Фудзивары Фуюцугу, как и Дзюнси, мать Митиясу. Т. е. приходилась принцу родственницей.

84

Фудзивара Такакико – историческое лицо, наложница принца Митиясу (будущего императора Монтаку). Дата рождения неизвестна, год смерти 858. Дочь Фудзивары Ёсими.

85

Фудзивара Ёсими – историческое лицо, годы жизни 813–867. Отец Фудзивары Такакико. Позже, правый министр при императоре Монтаку.

86

Татибана Удзикими – историческое лицо, правый министр при императоре Ниммё.

87

Татибана Фусако – историческое лицо, дочь правового министра Татибаны Удзикими. Точные годы жизни неизвестны. Исторически была наложницей принца Митиясу (будущего императора Монтаку).

88

Татибана Тюси – историческое лицо, дочь правового министра Татибаны Удзикими. Точные годы жизни неизвестны. Исторически была наложницей принца Митиясу (будущего императора Монтаку).

89

Татибана Кагэко – историческое лицо, наложница императора Ниммё, дочь правового министра Татибаны Удзикими. Точная дата рождения неизвестна, умерла в 869 году.

Оно-но Комати. Пер. В. Санович.

91

Соответствует 845 году н. э.

92

Ки-но Сизуко – историческое лицо, наложница принца Митиясу (будущего императора Монтаку). Дочь Ки-но Натора. Точные год рождения неизвестен, год смерти 866. От Митиясу (Монтаку) у неё было пять детей – принц Корэтака, принц Кореэда, принцесса Тэнси, принцесса Дзютсюси, принцесса Тинси.

93

Принц Корэтака – историческое лицо, сын принца Митиясу и его наложницы Ки-но Сизуко.

94

Исторически, у принца Митиясу был сын Минамото Ёсиари от женщины из клана Томо, имя которой, увы, не сохранилось. В будущем, Ёсиари стал правым министром, правда, всего лишь на год, в 896–897 гг.

95

В основе лежит отрывок из «Дневника эфемерной жизни» госпожи Митицуна-но Хаха. Перевод стихов В.Н. Горегляда.

Император Сага – годы правления 809–823. История не сохранила фактов из его жизни.

96

Старинное название провинции Муцу на северо-востоке острова Хонсю.

97

Столица Японии 538–710 г.г. располагалась в одноимённой долине.

Находился за пределами императорской резиденции. Служил местом для прогулок и увеселительных мероприятий столичной аристократии.

99

Историческая область Японии, соответствующая сегодняшним префектурам Ямагата и Акита.

100

В Японии того периода усыновление детей родственников было обычным явлением.

101

Соответствует 847 году н. э.

102

Имеется в виду принц Кореэда (историческое лицо), рождённый в 848 году. Скончался в возрасте двадцати лет, в 868 году, пережив мать, Ки-но Сизуко лишь на два года (умерла в 866 году).

103

Имеются ввиду следующие исторические лица: принцесса Тэнси (дата рождения неизвестна, умерла в 913 году), принцесса Дзютсюси (дата рождения неизвестна, умерла в 897 году) и принцесса Тинси (дата рождения неизвестна, умерла в 877 году).

104

Тэнгу – персонаж японской мифологии в образе огромного мужчины с красным лицом и длинным носом, иногда ещё и с крыльями. По поверьям, был наделён огромной силой. Порой, тэнгу облачались в одежды горного отшельника.

105

Соответствует 850 году н. э.

106

Принц Цунеясу – историческое лицо, сын императора Ниммё и наложницы Ки-но Танэко. Точная дата рождения неизвестна, дата смерти 869 год.

107

Ки-но Танэко – историческое лицо, наложница императора Ниммё. Точные годы жизни неизвестны. Дочь Ки-но Натора и сестра наложницы принца Митиясу, Ки-но Сизуко.

108

Принц Мотоясу – историческое лицо, сын императора Ниммё и Сигэно Цунако. Точный год рождения неизвестен, умер в 902 году.

109

Сигэно Цунако – историческое лицо, наложница императора Ниммё. Точные годы жизни неизвестны.

110

Минамото Токива – историческое лицо, правый министр при императоре Ниммё. Точные годы жизни неизвестны.

111

Уважительное обращение к матери императора

112

Принц Корэхито – историческое лицо, сын императрицы Акиракейко и императора Монтаку, будущий император Сэйва. Годы жизни 850–881.